

САМАРСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВЪДОМОСТИ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

ПРИ ЕПАРХІАЛЬНОМЪ БРАТСТВЪ СВ. АЛЕКСІЯ.

Годъ тридцать четвертый.

№ 9-й. 1-го мая 1900 года. № 9-й.

Выходятъ два раза въ мѣсяць.

Цѣна годовому изданію съ пересылкою четыре рубля.

Часть официальная.

Распоряженія Епархіальнаго Начальства.

На нижеслѣдующемъ рапортѣ священника Д. Филимонова послѣдовала таковая резолюція Его Преосвященства:

Постановка религіознаго просвѣщенія съ обученіемъ чувашъ грамотѣ, внѣ школьнаго порядка, заслуживаетъ полнаго одобренія... Ее слѣдуетъ рекомендовать къ обязательному примѣненію во всѣхъ приходахъ нашей епархіи съ чувашскимъ населеніемъ.

*Его Преосвященству,
Преосвященнѣйшему Гурію Епископу Самарскому
и Ставропольскому.*

Священника села Пролейки, Самарскаго
уѣзда, Даніила Филимонова

рапортъ.

Въ исполненіе личнаго приказанія Вашего Преосвященства, въ дополненіе къ рапорту моему отъ 30 ноября 1899 года за № 98, симъ имѣю честь покорнѣйше донести, что внѣшкольное

обученіе моихъ прихожанъ-чувашь христіанской грамотѣ и внѣбогослужебныя собесѣдованія съ народомъ начались въ селѣ Пролейкѣ 13-го декабря 1899 года и получили такое устройство.

Всѣ прихожане—инородцы, изъявившіе желаніе быть слушателями внѣшкольнаго обученія, раздѣлены на 4 группы, вслѣдствіе того, что собирать ихъ всѣхъ въ одно мѣсто оказалось не возможнымъ за неимѣніемъ удобнаго просторнаго помѣщенія. Учебныя занятія съ каждой группой происходятъ отдѣльно, въ частныхъ домахъ чувашь: съ 1-й группой въ домѣ Максима Сорхунова, со 2-й группой въ домѣ Павла Безпалова, съ 3-й группой въ домѣ Тимофея Творогова и съ 4-ой группой къ домѣ Осипа Альбукова. Учитель ежедневно ходитъ по симъ домамъ и обучаетъ взрослыхъ чувашь обоого пола грамотѣ и христіанской вѣрѣ. Такъ какъ чуваши утромъ бываютъ заняты домашними работами, то учитель начинаетъ съ ними свои миссіонерско-учебныя занятія не ранѣе 2-хъ часовъ дня и кончаетъ ихъ въ 7 или 8 часовъ вечера. Ежедневно бываетъ 2 урока, а въ недѣлю 12, изъ коихъ 2 назначены на внѣбогослужебныя собесѣдованія священника и 10 уроковъ собственно на занятія по внѣшкольному обученію. Каждый урокъ продолжается отъ 2-хъ до 3 часовъ

Расписаніе для занятій по группамъ и днямъ составлено въ такомъ видѣ:

Д Н И.	Уроки.	1-я группа.	2-я группа.	3-я группа.	4 я группа.
Понедѣльн.	1-й	Заучиваніе молитвъ и пѣніе ихъ.			
	2-й		Заучиваніе молитвъ и пѣніе ихъ.		
Вторникъ .	1-й	Спѣвка съ народнымъ хоромъ и чтеніе религіозныхъ книгъ.			
	2-й	Собесѣдованія священника.			

Среда . .	1-й			Заучиваніе молитвъ и пѣніе ихъ.	
	2-й				Заучиваніе молитвъ и пѣніе ихъ.
Четвергъ .	1-й			Спѣвка съ народнымъ хоромъ и чтеніе религиозныхъ книгъ.	
	2-й			Собесѣдованія священника.	
Пятница .	1-й	Обученіе чтенію.			
	2-й		Обученіе чтенію.		
Суббота .	1-й			Обученіе чтенію.	
	2-й				Обученіе чтенію.

Изъ этого росписанія видно, что на каждую группу учащихся инородцевъ приходится по 4 урока въ недѣлю. Общая спѣвка съ народнымъ хоромъ, а равно чтеніе книгъ религиозно-нравственнаго содержанія и внѣбогослужебныя собесѣдованія производятся 2 раза въ недѣлю, для чего въ одно мѣсто собираются по 2 группы.

Молитвы и пѣніе ихъ заучиваются инородцами наизусть съ голоса учителя, а обученіе чтенію производится по букварю для чувашъ изданія православнаго миссіонерскаго общества. Для религиозно-нравственнаго чтенія употребляются книги, изданныя въ чувашскомъ переводѣ тѣмъ же обществомъ. Внѣбогослужебныя бесѣды священника происходятъ также въ частныхъ домахъ, по той причинѣ, что въ церкви въ зимнее время очень холодно, безъ хорошей теплой одежды нѣтъ никакой возможности простоять въ ней 2—3 часа, а церковная школа весьма малопомѣстительная. Эти бесѣды сопровождаются слушаніемъ вечерни или молебна Божіей Матери на чувашскомъ языкѣ при участіи народнаго хора. Инородцы собираются слушать бесѣды и богослуженіе въ большомъ количествѣ.

Внѣшкольное обученіе чувашъ въ селѣ Пролейкѣ ведетъ

подъ непосредственнымъ руководствомъ и наблюденіемъ мѣстнаго священника, учитель изъ чувашъ крестьянинъ Павелъ Николаевъ Несмѣловъ, кончившій курсъ въ Ишаковской второклассной миссіонерской школѣ и имѣющій свидѣтельство на званіе учителя инородческаго начальнаго училища. Всѣхъ учащихся у Павла Несмѣлова 181 человекъ: 84 мужчинъ и 97 женщинъ, — всѣ мѣстные чуваша, крещенные, въ возрастѣ отъ 12 до 45 лѣтъ, а именно: въ первой группѣ 54 (м. п. 26 и ж. п. 28), во второй группѣ 48 чел. (м. п. 25 и ж. п. 23), въ третьей группѣ 36 (м. п. 14 и ж. п. 22) и въ четвертой группѣ 43 (м. п. 19 и ж. п. 24). На занятія они являются охотно, къ дѣлу обученія относятся серьезно и преподаваемое слушаютъ внимательно, даже съ нѣкоторою жадностью, но дѣлаютъ и пропуски по домашнимъ обстоятельствамъ. Съ 13-го Декабря 1899 года по 5-е февраля сего 1900 года учитель Павелъ Несмѣловъ успѣлъ выучить своихъ слушателей путемъ внѣшкольнаго обученія слѣдующему:

1) молитвы „Во имя Отца“, «Господи Исусе Христе,» „Святыи Боже,“ „Слава Отцу,“ „Отче нашъ,“ „Богородице Дѣво“ и „Достойно есть“.

2) изъ церковныхъ пѣснопѣній «Господи помилуй», «Подай Господи,» „Тебѣ Господи,“ „Аминь,“ „Благослови, душе моя“ (102 пс.) „Единородный,“ «Прійдите поклонимся,» „Милость мира,“ «Единъ святъ,» „Тѣло Христово пріимите“ и „Пресвятая Богородице, спаси насъ“.

3) Обученіе чтенію: ознакомленіе съ буквами А, Н, У, Р, Ы, Ш, В, Л, М, и сочетаніе ихъ въ слоги и слова.

4) Прочитаны книги въ чувашскомъ переводѣ: о св. иконахъ, поученіе о православной вѣрѣ, бесѣды и поученія на молитву Господню.

За тоже время религіозныхъ собесѣдованій съ инородцами въ двухъ группахъ было 9, въ исторической послѣдовательности отъ сотворенія міра до временъ царей Богоизбраннаго народа еврейскаго.

Народный хоръ, образованный изъ инородцевъ, участвуетъ

при церковномъ богослуженіи пѣніемъ заученныхъ молитвъ и пѣснопѣній, подѣ управленіемъ учителя П. Несмѣлова. Слѣдуетъ замѣтить, что учитель Несмѣловъ, по моему порученію и съ согласія учительницы Кандалинцевой, занимается еще въ Пролейскомъ земскомъ училищѣ обученіемъ церковному пѣнію.

Для записи о ежедневныхъ занятіяхъ внѣшкольнымъ обученіемъ въ селѣ Пролейкѣ заведенъ дневникъ, въ который записываются свѣдѣнія по слѣдующимъ пунктамъ: 1) мѣсяць и число 2) съ какими группами происходили занятія? 3) сколько уроковъ дано въ каждой группѣ? 4) Означеніе предметовъ занятій; 5) О чемъ производились чтенія изъ книги? 6) Сколько уроковъ и о чемъ дано въ земскомъ училищѣ по церковному пѣнію?

На распространеніе христіанской грамоты путемъ внѣшкольнаго обученія и вообще на миссіонерскія надобности въ селѣ Пролейкѣ мною выписано изъ Казанской переводческой комиссіи православнаго миссіонерскаго общества разныхъ чувашскихъ изданій на 30 р. 65 коп. и куплено на деньги въ г. Самарѣ 15 букварей на 60 коп. Для наилучшей постановки этого дѣла требуется еще 1) пріобрѣсти 150 букварей для чувашъ, 100 молитвенниковъ и 100 евангелій въ чувашскомъ переводѣ и 2) построить помѣстительный домъ для церковной школы, въ каковомъ домѣ и должны происходить по вечерамъ занятія по внѣшкольному обученію, а также религіозныя бесѣды съ народомъ и спѣвка съ народнымъ хоромъ. Здѣсь, кстати считаю долгомъ добавить, что постройка школьнаго дома въ Пролейкѣ уже начата на отпущенныя Самарскимъ Епархіальнымъ Комитетомъ православнаго миссіонерскаго общества деньги съ пособіемъ отъ мѣстнаго крестьянскаго общества.

6 сего февраля о. наблюдатель церковныхъ школъ Самарскаго уѣзда, священникъ Г. А. Крѣпкогорскій посѣтилъ всѣ четыре группы учащихся Пролейскихъ инородцевъ и высказалъ, что онъ о результатахъ своей ревизіи представитъ Вашему Преосвященству особый докладъ.

Донося о вышеизложенномъ, осмѣливаюсь всепокорнѣйше

просить Ваше Преосвященство, не благоугодно ли будетъ Вамъ предложить состоящему подъ Вашимъ Преосвященствомъ Комитету православнаго миссіонерскаго общества 1) назначить изъ своихъ средствъ какое либо вознагражденіе учителю внѣшкольнаго обученія въ селѣ Пролейкѣ и 2) выслать причту с. Пролейки на надобности внѣшкольнаго обученія чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше 150 букварей, 100 молитвенниковъ и 100 экземпляровъ Евангелія въ чувашскомъ переводѣ.

Опредѣленіе на должность.

Священниковъ: 1) вновь рукоположенный, бывшій псаломщикъ Бузулукскаго Троицкаго собора Николай Клочковъ—въ с. Сарапкино, Бузулукскаго уѣзда, 15 марта.

Псаломщиковъ: 1) бывшій и. д. псаломщика с. Покровки, Бузулукскаго уѣзда, Димитрій Скворцовъ—въ с. Котлубановку, того же уѣзда, 13 марта; 2) запрещенный священникъ с. Большихъ Толкай, Бугурусланскаго уѣзда, Петръ Алфеевъ—въ сл. Аманакскую, того же уѣзда, 27 марта.

Перемѣщенія.

Священниковъ: 1) с. Семеновки, Бузулукскаго уѣзда, Іоаннъ Скворцовъ—въ с. Старую Порубежку, Николаевскаго уѣзда, 15 марта; 2) с. Владимірскаго, Самарскаго уѣзда, Василій Остроумовъ—с. Натальино, того же уѣзда, 22 марта; 3) с. Луговой Александровки, того же уѣзда, Николай Козьмодемьянскій—въ с. Владимірское, того же уѣзда, 22 марта; 4) с. Смолькова, Бугурусланскаго уѣзда, Михаилъ Кандарицкій—въ с. Емонтаево, того же уѣзда, 24 марта.

Діаконовъ: 1) сл. Аманакской, Бугурусланскаго уѣзда, Алексѣй Сардинскій—въ с. Зубовку, Самарскаго уѣзда, 27 марта.

Псаломщиковъ: 1) Псаломщикъ с. Тихоновки, Бузулукскаго уѣзда Николай Соловьевъ—къ Бузулукскому Троицкому собору 13-го марта; 2) запрещенный священникъ с. Карамзина, Бузулукскаго уѣзда, состоящій на должности псаломщика Александръ Веселицкій—въ с. Киселевку, того же уѣзда, на таковую

же должность 18 марта; 3) псаломщикъ с. Питерки, Новоузенскаго уѣзда, Яковъ Лебедевъ—въ с. Дьяковку, того же уѣзда, 18 марта; 4) с. Питерки, того же уѣзда, Димитрій Дроздовъ—въ с. Петропавловку, того же уѣзда, 18 марта; 5) с. Малаго Узеня, того же уѣзда, Димитрій Румянцевъ—въ то же село на первый штатъ 23 марта; 6) псаломщикъ с. Добрина, Бугульминскаго уѣзда, Василій Лавровъ—къ Бугульминскому Николаевскому собору 27-го марта; 7) псаломщикъ с. Аманакской, Бугурусланскаго уѣзда, Василій Тихомировъ—въ с. Александровку, Бугульминскаго уѣзда, 27 марта; 8) псаломщикъ сл. Аманакской, Бугурусланскаго уѣзда, Петръ Рождественскій—въ с. Новую Письмянку, Бугульминскаго уѣзда, 27 марта; 9) псаломщикъ с. Новой Письмянки, того же уѣзда, Константинъ Метальниковъ—въ с. Старыя Маклауши, того же уѣзда, 27 марта.

Уволены за штатъ.

1) Священникъ с. Черемшанской крѣпости, Бугульминскаго уѣзда, Петръ Фавстрицкій 21 марта; 2) священникъ с. Матюшкина, Ставропольскаго уѣзда, Павелъ Кармальскій 22 марта.

Исключены изъ списковъ за смертію.

1) Запрещенный священникъ, состоящій на вакансіи псаломщика въ с. Семеновкѣ, Бугурусланскаго уѣзда, Петръ Θεодоровъ (20 марта).

О ВЪЯВЛЕНІЯ.

Совѣтъ Самарскаго Епархіальнаго Алексіевскаго Братства доводитъ до свѣдѣнія духовенства Самарской епархіи, что въ центральномъ складѣ Братства въ г. Самарѣ продаются по удешевленнымъ цѣнамъ (какихъ не можетъ быть въ книжныхъ магазинахъ и лавкахъ) различныя книги и брошюры религіозно-нравственнаго содержанія, потребныя для церковныхъ и народныхъ библиотекъ и читаленъ, а также и богослужебныя книги синодальнаго изданія. Совѣтъ принимаетъ на себя и

посредничество въ выпискѣ книгъ религ.-нравств. содержания и книгъ, потребныхъ для миссіонеровъ.

При складѣ имѣются образчики иконъ разнаго писъма и разныхъ размѣровъ. Книги и иконы продаются по дѣйствительной ихъ стоимости, безъ всякаго барыша.

Складъ Братства помѣщается въ домѣ, завѣщанномъ Братству священникомъ П. М. Колоярскимъ, на Почтовой улицѣ (прямая на востокъ отъ алтаря новаго Кафедральнаго собора), между Сокольничьей и Уральской.

Кромѣ склада, продажа производится въ магазинѣ Братства, на Алексѣевской площади, въ д. Вахарева.

Въ складѣ и магазинѣ можно пріобрѣтать:

1) Всѣ изданія священника Гр. Дьяченко, какъ наилучшее и полнѣйшее руководство для церковной проповѣди, законоучительства въ школахъ и вообще пастырской практики. Всего книгъ 12 названій, цѣна 29 р. 75 к.

2) Прекраснѣйшія изданія К. П. Побѣдоносцева: а) Праздники Господни, ц. 50 к., б) Побѣда, побѣдившая міръ, ц. 45 к., в) Вѣчная память, ц. 75 к., г) Новая школа, ц. 50 к.

3) Сочиненія о. Іоанна Кронштадтскаго, между прочимъ новое сочиненіе: „Правда о Богѣ, о церкви и о мірѣ“.

4) Семнадцать поученій, прот. Н. Востокова, изд. Братствомъ Св. Алексія, ц. 7 к., съ перес. 10 к.

5) Указаніе пути въ Царствіе небесное, митрополита Иннокентія, ц. 7 к.

6) Житіе св. Алексія, митроп. Московскаго ц. 10 к. Изд. Сам. Епарх. Алекс. Братства.

7) Богослужебныя книги и иныя единовѣрческой печати.

8) Брошюры, изданныя учрежденной по Высочайшему повелѣнію постоянною комиссіею народныхъ чтеній въ С.-Петербургѣ, цѣною отъ 8 до 15 коп.

9) Тетради, бумагу и проч. принадлежности для начальныхъ школъ.

Кромѣ склада и магазина пріобрѣтать книги, иконы и крестики можно въ Крестовоздвиженской часовнѣ, на Троицкомъ базарѣ, арендуемой Комитетомъ Епарх. свѣчнаго завода.

САМАРСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

ПРИ ЕПАРХІАЛЬНОМЪ БРАТСТВѢ СВ. АЛЕКСІЯ.

Годъ тридцать четвертый.

№ 9-й. 1-го мая 1900 года. № 9-й.

Выходятъ два раза въ мѣсяць.

Цѣна годовому изданію съ пересылкою четыре рубля.

Часть неофициальная.

С Л О В О

въ понедѣльникъ Свѣтлыя седмицы.

Христось Воскресе!

Какъ ни много уже разъ повторяли мы нынѣ эту чудную вѣсть,—однако уповаемъ, что и вы не утомляетесь часто слышать одно и тоже слово: *Христось Воскресе!* Дивное событіе! *Возсіяла истина отъ земли* (Пс. 84, 12), куда низвели ее неправды человѣческія и правый судъ Божій. Печать, наложенная невѣріемъ на гробъ ея, растаяла отъ огня Божества, въ немъ таившагося. Тяжелый камень соблазна, покрывавшій гробъ, упалъ и только поразилъ іудейскую жестоковѣдность и еллинское высокоуміе. Самый гробъ, въ которомъ недавно погребено было *чаянне* всея *твари* (Рим. 8, 13), оказался пустымъ, и только небесный вѣстникъ, сидя въ его возглавіи, свидѣтельствовалъ объ одержанной побѣдѣ—надъ смертію. Дивное событіе, въ одно мгновеніе измѣнившее лице міра! Сказаль нѣкто: я не узнаю ада; я не знаю,

что небо и что земля. Адъ ли это, заключившій рабовъ проклятія, но отдающій сыновъ свободы? Земля ли это, гдѣ Божество сіяетъ пренебесною славою? Небо ли это, гдѣ поселяются земнородные и царствуетъ человѣчество? До воскресенія Іисуса Христа люди знали только землю, на которой они являются на короткое время и вскорѣ скрываются, неизвѣстно, куда; иные нѣчто еще слышали объ адѣ, какъ о пропасти, которая всѣхъ угрожаетъ поглотить и никого не отдаетъ обратно; немногіе помышляли о небѣ, какъ о такомъ горнемъ жилищѣ, къ которому лѣстницу только во снѣ видѣлъ нѣкто, и только такую, по которой видны были восходящіе и нисходящіе ангелы, но людей не примѣчено.

Но вотъ воскресъ Христось,—и чѣмъ оказывается земля? Земля становится уже разсадникомъ для неба. Кратковременная и разрушеніемъ оканчивающаяся жизнь человѣка въ тѣлѣ теперь подобна жизни птенца въ яйцѣ: сокрушится скорлупа,—и птенцу открывается высшій и обширнѣйшій кругъ жизни; надобно только, чтобы зародышъ небесной жизни въ человѣкѣ объять, проникнуть и возбужденъ былъ животворящею силою крови Христовой. Воскресъ Христось,—и что стало съ адомъ? Адъ теперь хотя—и крѣпость, но уже испытавшая на себѣ руку побѣдителя,—хотя и темница, но съ вратами сокрушенными и съ стражею разсѣянною. Воскресъ Христось,—и небо стало не только недосыгаемымъ для земнородныхъ, но даже соединилось съ землею такъ, что трудно найти между ними предѣлъ и различіе: ангелы, которыхъ Іаковъ видѣлъ восходящихъ и нисходящихъ по лѣстницѣ небесной, теперь сонмами ходятъ по землѣ, какъ вѣстники Сына человѣческаго, Который владычествуетъ на небеси. Короче сказать: воскресеніемъ Іисуса Христа отверзается темница ада для свободнаго выхода заключенныхъ въ немъ,—отверзаются двери рая для пріятія изгнанныхъ прежде изъ рая. Но всѣ эти чудеса, которыя произвело Воскресеніе Христово, только начатки дальнѣйшихъ чудесъ, имѣющихъ открываться въ продолженіи временъ и даже въ безконечной вѣчности.

Поражается умъ необъятностію чудесъ, послѣдовавшихъ за воскресеніемъ Христовымъ, и проникается благоговѣйнымъ удивле-

ніемъ; преисполняется чувствомъ неземной радости и сердце отъ упованія, что блаженство теперь не мечта, но дѣйствительность, и слава не призракъ, но вѣчная молнія, все озаряющая и никого не поражающая. Но чтобы содѣлать радость свою полнѣе и упованіе надежнѣе, войдемъ и въ доступное для насъ размышленіе о томъ, какимъ образомъ воскресеніе Іисуса Христа повело къ такому коренному и столь благодѣтельному перевороту во всемъ мірѣ.

Воскресеніе и восхожденіе Христово началось не отъ гроба только, но и отъ ада. Спаситель нашъ, послѣ того какъ въ видимомъ мірѣ распялся и умеръ, въ невидимомъ мірѣ даже до ада нисшелъ; Онъ былъ, какъ исповѣдуетъ церковь, *во гробъ плотски, во адъ же съ душою, яко Богъ.*

Въ ветхозавѣтное время всѣ люди, за исключеніемъ Эноха и Ілии, сходили послѣ смерти тѣлесной въ преисподнюю, гдѣ царствовалъ діаволь; удѣлъ всѣхъ людей тогда по разлученіи души съ тѣломъ былъ одинъ: нисхожденіе души въ преисподнюю и возвращеніе тѣла въ землю; другого пути для души по исходѣ ея изъ тѣла не было. И что всего тяжелѣе, возврата для души изъ области смертной уже не было. Правда, бывали случаи, что душа послѣ разлученія ея съ тѣломъ и, значить, послѣ нисшествія ея во адъ, снова по дѣйствию Божію соединялась съ тѣломъ и мертвое опять становилось живымъ. Но это вторичное оживленіе было только временное; наступалъ опять часъ разлученія души съ тѣломъ и душа снова шла по прежнему же пути во адъ. Такимъ образомъ, всѣ въ ветхомъ завѣтѣ оказывались плѣнниками и рабами діавола и, по видимому, навсегда. И Христось, облеченный человѣческою смертною плотію, послѣ того, какъ испустилъ духъ, тоже нисшелъ даже до ада, по образу всѣхъ ветхозавѣтныхъ людей; и Онъ тоже вступилъ въ область, гдѣ искони царилъ діаволь. Но лишь только Богочеловѣкъ Христось появился въ мрачномъ царствѣ діавола, — ужасъ и смятеніе овладѣли діаволомъ и ангелами его; застоналъ и затрясся адъ; верси его и затворы ниспроверглись. Христось, какъ Всемогущій, связываетъ сильнаго, сосуды его расхищаетъ и тронъ его ниспровер-

гаеть. Христось, по словамъ Ап. Павла, *смертію Своею упразднилъ и мущаго державу смерти, сирѣчь діавола*, а вмѣстѣ съ тѣмъ и избавилъ всѣхъ, *елицы страхомъ смерти чрезъ все житіе повинни бѣша работъ* (Евр. 2, 14, 15). Обезсиленный и поверженный во прахъ, діаволь вынужденъ былъ отказатья отъ прежней своей власти надъ душами человѣческими: плѣнники его получаютъ свободу и, предводимые Побѣдителемъ діавола, выходятъ изъ мрачнаго царства и вступаютъ въ небесный чертогъ, двери котораго, запертыя еще послѣ грѣха Адамова, только теперь отверзаются для душъ человѣческихъ. И сбылось слово написанное: *пожертва бысть смерть побѣдою. Гдѣ ти, смерте, жало? гдѣ ти, аде побѣда* (1 Кор. 15, 54, 55)?

Но Христось, сопутствуемый отъ вѣка благоугодившими Богу, не изъ ада только вышелъ какъ Побѣдитель, но и изъ гроба восталъ: душа Его, навсегда освободившаяся изъ области смертной, опять соединяется съ тѣломъ и притомъ навсегда. *Азъ быхъ мертвъ, и се живъ есмь во вѣки вѣковъ*, вотъ слова Христа Иоанну Богослову при откровеніи ему будущихъ судебъ міра. Христось восталъ изъ гроба, но не по образу воскресеннаго Имъ Лазаря; душа человѣческая въ лицѣ Іисуса Христа никогда ужѣ не пойдетъ болѣе по пути, ведущему въ сѣнь смертную, потому что никогда не разлучится болѣе съ пречистымъ тѣломъ Его. Говоримъ такъ на томъ основаніи, что Христось воскресъ въ тѣлѣ нетлѣнномъ и безсмертномъ. Потому-то апостоль и сказалъ: *Христось воста отъ мертвыхъ, ктому уже не умираеть, смерть имъ ктому не обладаетъ* (Рим. 6, 9). И это пречистое и нетлѣнное тѣло Христово не говоритъ ли яснѣе всякихъ доказательствъ, что рѣшительная побѣда одержана надъ діаволомъ и въ конецъ разрушена область смертная, неизбежное прежде мѣсто для всѣхъ умирающихъ? Нетлѣнное тѣло Христово не указываетъ ли, что путь въ обители Отца Небеснаго теперь открытъ и возвращеніе въ свое отечество, потерянное было человѣкомъ, чело- вѣку отнынѣ уже обезпечено?

Слуш. хр — не! Жизнь и нетлѣніе, явленное міру воскрес-

шимъ Христомъ, есть чудный даръ любви Божіей. Діаволь, побѣжденный Христосъ, уже не встанетъ, чтобы опять по прежнему царить надъ міромъ. Мрачная область смертная, разрушенная Христомъ, уже не возстановится, чтобы опять увлекать къ себѣ всѣхъ безъ изъятія людей. Правда, грозный приговоръ суда Божія первому человѣку: *земля еси, и въ землю отъидеши*, и нынѣ еще имѣетъ всю свою силу, потому что нѣтъ человѣка, *уже поживетъ и не узритъ смерти*. Но нынѣ, послѣ воскресенія Христова, смертный часъ, полагающій роковую преграду нашему бытію на землѣ, является уже знаменіемъ божественной любви. Теперь тѣло человѣка, разлученное съ душою, предается только временному, покойному сну послѣ понесенныхъ имъ трудовъ, а душѣ уже открытъ прямой путь изъ этой печальной жизни въ царство любви, свѣта и блаженства. Притомъ же и самое разлученіе души съ тѣломъ нынѣ совершается только на время. Гробъ, скрывающій бренные останки человѣка, изъ вѣчной темницы обратился уже во временную храмину; нынѣ онъ только стражъ, который хранитъ то, что ему предано и хранитъ дотолѣ, доколѣ угодно Господу жизни. Нетлѣнное, пречистое тѣло Христа, даруемое вѣрующимъ въ таинствѣ причащенія, есть зародышъ и нашего нетлѣнія: незамѣтно, незримо для внѣшняго міра зародышъ этотъ растетъ и созрѣваетъ подъ мрачною смертною оболочкою, пока не достигнется мѣра возраста Христова; тогда рука Всемогущаго сокрушитъ эту земную форму, — и мы явимся, облекшись во образъ Небеснаго. Нынѣ вѣрующій сквозь мрачныя тѣни гроба видитъ очертаніе свѣтлыхъ вершинъ небесной лазури; нынѣ вѣрующій въ самой могилѣ видитъ только оболочку, въ которой куколка отращаетъ свои крылья, чтобы взлетѣть на небо. Послѣ воскресенія Христова гробъ содѣлался тѣмъ таинственнымъ храмомъ, въ которомъ человѣкъ перерождается въ безсмертіе, — тою благодатною нивою, въ которой посѣянное въ тлѣниі возстанетъ въ нетлѣниі, посѣянное въ немощи возстанетъ въ силѣ, земное превратится въ небесное и смертное содѣлается безсмертнымъ.

Благословенъ Богъ и Отецъ Господа нашего Иисуса Христа, по мнозкой Своей милости породей насъ въ

упованіе живо воскресеніемъ Іисусъ Христовымъ отъ мерт-
выхъ (1 Петр. 1, 3). Аминь.

Протоіерей *Илья Масловъ*.

КЪ ЮБИЛЕЮ

**Преосвященнаго Владиміра, Епископа Нижегородскаго, быв-
шаго ректора Самарской духовной семинаріи**

(воспоминанія воспитанника XIV курса этой-же семинаріи).

И чрезъ двадцать пять лѣтъ бывшіе воспитанники Самар-
ской семинаріи воспоминають съ благодарностью о своемъ рек-
торѣ, нынѣ Преосвященномъ Владимірѣ, тогда Архимандритѣ.

На отдаленномъ фонѣ этихъ воспоминаній, не свободномъ отъ
большихъ тѣней, ректоръ Владиміръ, нынѣ Преосвященный пред-
ставляется свѣтлою личностью, стоящею во главѣ корпораціи, въ
большинствѣ лицъ счастливо составившейся изъ „идейныхъ“ лич-
ностей. „Ректоръ Владиміръ“ (такъ его звали) несомнѣнно велъ
въ Самарской семинаріи свою „политику“ управленія и воспита-
нія, имѣя на своей сторонѣ довольно многихъ лицъ изъ семи-
нарской корпораціи, хотя и не всѣхъ. Онъ велъ свое дѣло, хотя
молча, но несомнѣнно твердо: это чувствовали тогда мы—под-
ростки, при немъ поступившіе въ семинарію и при немъ дошед-
шіе до 4 класса ея. Мы чувствовали, что его образъ дѣйствій
не всѣми въ саминарской корпораціи одобряется: мы видѣли сер-
дечными очами, что тогда шла борьба свѣта со тьмою въ насъ
самихъ и около насъ, что ректоръ нашъ былъ на сторонѣ свѣта,
и намъ хотѣлось всячески увѣрить о. ректора, что и мы на его
сторонѣ, что и мы его поддержимъ своими слабыми силами....

Мы любили своего ректора за то, что онъ былъ на сторонѣ
просвѣщенія, на сторонѣ свободы, а не на сторонѣ рабства предъ
школьною дисциплиною. Мы чувствовали, что маститой личности
ректора чужды всѣ тѣ приемы обращенія съ семинаристами, въ
которыхъ ясно сквозило пренебреженіе къ намъ и особенно къ
бурсакамъ изъ насъ *) Мы сердцемъ видѣли, что ректоръ лю-

*) Обращеніе тогдашняго инспектора съ семинаристами было самое
грубое и дерзкое. Доселѣ помнятся ругательныя инспекторскія выраженія:

бить насъ съ жалостью въ сердцѣ, что не менѣе другихъ видитъ наши бурсацкія ухватки и недочеты воспитанія, но что онъ не желаетъ ихъ замѣчать, еще менѣе желаетъ изъ-за нихъ издѣваться надъ ними, глумиться надъ нашею дикостью, что ему „больно насъ жалко“; особенно жалко было ему даровитыхъ бурсаковъ. Какъ онъ оберегалъ и спасалъ ихъ, хотя ни разу и никому изъ насъ онъ никогда не сказалъ, что онъ насъ жалѣетъ и спасаетъ!

Но все это мы чувствовали тогда, а теперь, придя въ возрастъ, имѣли бы возможность документально доказать, что о. ректоръ Владиміръ былъ именно такимъ, какимъ его представляло намъ наше юношеское, прозорливое сердце!

При ректорѣ Владиміръ семинарія переживала блестящій періодъ своего развитія, развернулись тогда въ всемъ блескѣ ея силы, хотя наряду съ добрыми ^и развернулись и злыя силы въ юношахъ, для которыхъ въ тѣ времена было очень много пищи **).

То было время незабвенное не только для насъ, но и для нашихъ преподавателей, которымъ пришлось служить тогда и послѣ...

Несомнѣнно ректору хотѣлось, чтобы семинаристы не были задавливаемы формализмомъ, но имѣли возможность быть иногда и на просторѣ.

Подтвержденіе: классные уроки посѣщались нами по нашему желанію. Инспекціи извѣстны были факты, что даже «бурсаки» иногда не посѣщаютъ уроковъ нелюбимыхъ учителей ***) , оставаясь

«гадаринская» (sus), „американскій“ (asinus), „персидская“ (св—чь). „шом-поломъ бы тебя“ и т. д. и семинаристы платили за такое обращеніе злобою, ненавистью, отвращеніемъ ко всему „инспекторскому“... *Ред.*

***) По рукамъ воспитанниковъ ходили во множествѣ книги Писарева, Чернышевскаго и под. И откуда только такія книги набирались! Молва, впрочемъ, называла тогда одного виновника, въ лицѣ извѣстнаго врача-публициста, недавно умершаго, который якобы занимался снабженіемъ запрещеннаго плода. Но кромѣ этого врача въ Самарѣ въ ту пору было очень много ссыльныхъ всякаго рода, съ сомнительнымъ направленіемъ. И сколько тогда погибло нашего брата—довѣрчивыхъ, увлекающихся, большею частію даровитыхъ юношей! *Ред.*

***) Среди учителей были тогда два—три человека такихъ, кои сами были „слабоваты“ и замѣтить не только отсутствующихъ, но и присутствующихъ не всегда могли, напр. учитель словесности Д—нъ,—греч. языка К—ій, литургики—Т—въ, пом. исп. О—ій. *Ред.*

гдѣ нибудь въ бурсѣ или уходя за городъ на рыбную ловлю. Инспекція точила зубы на многихъ изъ подозрѣваемыхъ... но не удалось тогда уволить ни одного изъ этихъ преступниковъ». Нарушителями дисциплины (случайными, конечно, не злонамѣренными) были большею частію воспитанники даровитые, которые умѣли на экзаменахъ блестяще оправдаться предъ обвиненіемъ въ манкировка уроками. Но ректоръ не защищалъ тѣхъ, кто пользовался свободою для преступныхъ цѣлей различнаго свойства.

Вотъ два любопытныхъ факта. Мой братъ, теперь профессоръ одного изъ высшихъ учебныхъ заведеній, будучи ученикомъ I или II класса, сбѣжалъ съ уроковъ въ семинарскій садъ, который тогда только еще разводился усердіемъ ректора Владиміра. Ректоръ, любившій самъ руководить работами въ саду, увидѣлъ бѣглеца. Онъ зоветъ къ себѣ ближе «бойкаго» человѣка. Тотъ ждетъ страшнаго: «Къ инспектору!» Ректоръ ласково говоритъ съ ученикомъ о томъ, какіе у нихъ нынѣ уроки: 1, 2, 3 и 4. Затѣмъ снимаетъ съ себя свою домашнюю шапочку-скуфью, надѣваетъ ее на бѣглеца. Потомъ велитъ своему вѣрному слугѣ „Кузмичу“ дать ученику лопату, чтобы тотъ поработалъ въ саду... Мальчикъ съ охотою работалъ. Ректоръ не безъ улыбки смотрѣлъ на бѣлаго кругляша, одѣтаго въ монастырскую шапочку и смущеннаго нечаянностью встрѣчи, «обласканнаго вниманіемъ начальника», все еще въ сердцѣ робѣвшаго предъ роковымъ: «Къ инспектору!». Къ обѣду братъ мой былъ отпущенъ изъ сада. Обѣдалъ съ аппетитомъ, но не безъ страха... ужиналъ. Обѣдалъ на другой день, а жалобы отъ ректора не послѣдовало.

Наше время было время тяжелое для насъ, бурсаковъ: мы сидѣли въ стѣнахъ семинаріи буквально на заборѣ (о чемъ мы уже сообщали въ Епарх. Вѣд. по другому случаю). Инспекція боялась, что чрезъ общеніе наше съ внѣшнимъ міромъ непременно занесены будутъ къ намъ *опасныя* идеи 1870—75 г.г. Думали отъ нихъ отгородить насъ заборами. Забыли, что не только идеи перелѣзаютъ чрезъ заборъ, но что и семинаристы за идеями также могутъ лазить и чрезъ заборъ, и подъ заборъ, даже каменный....

Развлеченій никакихъ не было. Запрещалось взять въ руки даже Давыдову арфу и что-либо ей подобное (гитару скрипку...).

Тоска угнетала опасная. Злость разбирала насъ страшная. Мы томились безъ свѣта и простора, запираемые въ стѣнахъ семинарскаго зданія.

Невольно мы искали средствъ, чтобы забыться въ этой неволѣ чрезъ одурманиваніе себя табакомъ и водкою. Намъ хотѣлось курить и пить, пить и курить....

Находились люди въ рядахъ семинарской корпораціи, которые думали остановить эти „преступленія“ казнями и изгнаніями изъ семинаріи. Были такіе маньяки, которымъ хотѣлось переловить всѣхъ трубокуровъ и пьяницъ, засадить ихъ въ карцеры безъ свѣта, и въ случаѣ недѣйствительности этихъ казней — уволить съ худымъ поведеніемъ (мѣрою и вѣсомъ въ единицу!)..

Какіе шли дебаты въ правленіи о насъ, мы не знали. Но мы хорошо чувствовали, что ректору насъ жалко до глубины души.

Однажды во время экзаменовъ группа моихъ товарищей расположилась въ семинарскомъ саду на травѣ. Повтореніе смѣнялось куреніемъ папиросъ.... Стражи наши какъ то прозѣвали.... Мы не замѣтили, какъ подошелъ къ намъ ректоръ.... Увидавъ его, мы „застыли“ въ тѣхъ позахъ, какъ онъ насъ „засталъ“. Никто изъ насъ даже не всталъ предъ начальникомъ. Мы ждали грознаго: „Къ инспектору!“ Но.... ректоръ улыбнулся и своею неспѣшною походкою двинулся дальше по саду... Цѣлый день, ночь и слѣдующіе дни и ночи мы ждали приговора: „Къ инспектору“, но такъ и не дождались доселѣ ..

Чтобы остановить губельное увлеченіе тогдашнихъ семинаристовъ пьянствомъ, ректоръ Владиміръ (какъ теперь мы понимаемъ его политику) явно для насъ поощрялъ любовь къ наукѣ и въ семинаристахъ, и въ нашихъ наставникахъ. Мы знали, что въ старшихъ классахъ ректоръ „любитъ“ Ж-на, (а это отличный ученикъ!). Ю—а, (а это выдающійся труженникъ въ наукѣ!), Б—го, С — а (это—общающіе быть «учеными»!) и множество

другихъ! Мы видѣли, что ректоръ „дружить“ съ даровитыми преподавателями, что ректоръ уважаетъ тѣхъ изъ нихъ, кого мы чтили за умѣлое преподаваніе и добрыя къ намъ отношенія.

Ректоръ поощрялъ занятія пѣніемъ, — очень любилъ пѣвчихъ, награждалъ ихъ перѣдко конфектами, пряниками, чаемъ и т. д. и какой хорошій хоръ былъ, помнится, въ семинарской церкви въ то время!

Неподражаемымъ благолѣпіемъ въ богослуженіи о. ректоръ Владимиръ не только посѣялъ въ нашихъ сердцахъ сѣмена любви къ церкви Божіей, развилъ въ насъ любовь къ богослуженію, и спасалъ насъ тогда отъ совершеннаго отчаянія. Мы задохнулись бы въ той искусственной темницѣ, какую тогда представляла бурса, если бы наши сердца не отдыхали въ храмъ семинарскомъ, хотя маленькомъ по величинѣ, но прекрасно содержимомъ во время служеній самого ректора. О, эти службы церковныя незабвенны!

Замѣчательное явленіе: бывшіе ученики ректора Владимира даже ушедшіе въ свѣтскія заведенія, унесли съ собою въ міръ эту любовь къ церковному благолѣпію, спасающую ихъ отъ забвенія Бога и матери — церкви!...

Благодарный ученикъ «академикъ» П. I. П.

О церковномъ пѣніи.

Въ послѣднее время церковнымъ пѣніемъ интересуются не только духовныя періодическія изданія, столичныя и провинціальныя, но даже и свѣтскія, какъ напр.: «Русская Музыкальная Газета», „Музыка и пѣніе“. Съ удовольствіемъ отмѣчаемъ, что почти всѣ замѣтки и статьи, касающіяся церковнаго пѣнія, за небольшими исключеніями, выдерживаютъ въ настоящее время одинъ и тотъ — же тонъ: это — сочувствіе и желаніе такими или иными средствами, способствовать возстановленію древне-церковныхъ напѣвовъ, уступившихъ свое мѣсто часто совершенно искаженнымъ мелодіямъ и разнообразнымъ композиціямъ, несоотвѣтствующимъ духу православнаго богослуженія.

Причина такого увлеченія интересами строго-церковной музыки заключается въ томъ, что только въ самое послѣднее время сознание массы русскихъ людей и пѣвцовъ церковныхъ начинаетъ понемножку проникаться пониманіемъ того русско—національнаго направленія, какое получила музыкальная жизнь Россіи во 2-й половинѣ истекающаго ХІХ столѣтія.

Извѣстно, что русская музыка вступила въ фазу національнаго развитія только со времени М. И. Глинки (1804—1857). Данный этимъ національно—русскимъ композиторомъ толчекъ движетъ и до сихъ поръ музыкальную Русь. Много сдѣлано со времени Глинки для нашей родной музыки какъ инструментальной, такъ и вокальной. Даргомыжскій, Мусоргскій, Бородинъ, Сѣровъ, Рубинштейнъ, Чайковскій, а изъ современныхъ Римскій—Корсаковъ, Глазуновъ, Калинниковъ—вотъ славные композиторы, усовершенствующіе способы музыкальнаго выраженія русскаго народнаго духа. Появлялись и появляются теоретическія сочиненія, направленные къ выясненію особенностей нашей родной музыки. Уже давно записываются русскія народныя пѣсни и издаются во всеобщее пользованіе. Благодаря такимъ усиліямъ, въ области свѣтской музыки мы теперь имѣемъ уже такіе перлы, какъ, напр., оперы, русскія народныя пѣсни Римскаго—Корсакова или „первая симфонія“ Калинникова.

Собственно церковная русская музыка, еще въ ХVІІІ в. захваченная общимъ теченіемъ западной культуры въ нашу Русь, отъ иностраннаго вліянія свачала польскаго, а потомъ итальянскаго стала освобождаться также съ 40-хъ годовъ. И въ данномъ отношеніи „отецъ русской музыки“—М. И. Глинка—имѣлъ великое значеніе. Его „Великая эктенія“ и „Да исправится молитва моя“ до настоящаго времени остаются классическими номерами въ духовно—музыкальной литературѣ. *) Дѣло его продолжали Пютуловъ, Ломакинъ, Львовскій и въ настоящее

*) Своею шестиголосною «Херувимскою» Глинка не удовлетворился и находилъ ее „весьма неудачнымъ“ произведеніемъ. „Церк. пѣніе въ Россіи“ Профес. Протоіерея Разумовскаго, стр. 240. Вып. II.

время ведутъ — Римскій Корсаковъ, Архангельскій, Азѣевъ, Металловъ, Кастальскій.

Кажется, послѣ Глинки прошло времени достаточно (болѣе пятидесяти лѣтъ), что—бы это общее и свѣтской, и церковной музыкѣ русское направленіе привилось къ пѣснопѣніямъ нашихъ богослуженій. Но дѣло въ томъ, что пониманіе русской церковной музыки до самаго послѣдняго времени было достояніемъ избранныхъ. Да и эти послѣдніе часто были въ затрудненіи, если дѣло касалось примѣненія древнихъ напѣвовъ къ нашему богослуженію. Не было полного круга церковныхъ пѣснопѣвій, положенныхъ въ соотвѣтствующей гармоніи. Переложенія Потулова, Львовскаго слишкомъ малочисленны, чтобы удовлетворить нуждамъ годового круга богослуженій. Переложенія пѣснопѣвій знаменнаго распѣва въ изданіяхъ Братства Пресвятыя Богородицы, принадлежащія главнымъ образомъ Соловьеву и Смирнову *), положены только для мужскаго хора и потому большинству нашихъ смѣшанныхъ хоровъ не подходящи; они требуютъ умѣлыхъ транспозицій, что не всегда могутъ сдѣлать наши регента. «Пѣніе при всенощномъ бдѣніи древнихъ напѣвовъ, положенное для четырехголоснаго смѣшаннаго хора (изданное придворной пѣвческой Капеллой трудами директора Балакирева и преподавателя Римскаго—Корсакова въ 1888 г.), вполне отвѣчаетъ духу подлинныхъ церковныхъ пѣснопѣвій. Но этотъ трудъ рѣдко, кажется, примѣняется къ дѣлу, отчасти безъ сомнѣнія, потому, что представляетъ изъ себя только начало громаднаго труда, который теперь, кажется, уже оставленъ, за назначеніемъ новаго Директора Капеллы и выходомъ Римскаго—Корсакова изъ числа преподавателей этого учебнаго учрежденія.

Однако всѣ подобныя работы, появляясь изрѣдка, такъ сказать, въ отрывкахъ при богослуженіяхъ, понемногу знакомятъ русскихъ людей съ пѣснопѣніями въ томъ видѣ, какой наиболѣе близокъ истинно—церковному пѣнію. Возрастаетъ интересъ, увеличивается и спросъ, а вслѣдъ за этимъ и предложеніе не заста-

*) Издано 6 выпусковъ содержащихъ пѣніе на Господи возвахъ 8-ми гласовъ, воскресные ирмосы и пѣніе великопостное знаменнаго расп. и др.

вляеть себя ждаты. Ставровскимъ, Нешумовымъ, Комаровымъ, свящ. Металловымъ уже начаты изданія переложеній древнихъ напѣвовъ полнаго годоваго круга въ простой строгой церковной гармоніи. А извѣстному нашимъ читателямъ *) Архангельскому очень немного осталось еще сдѣлать, чтобы снабдить, хоръ подобными церковными переложеніями на цѣлый годовоі кругъ. Не говоримъ уже о многихъ появляющихся въ настоящее время переложеніяхъ оригинальныхъ, наиболѣе совершенныхъ — съ точки зрѣнія русской національной разработки сопровождающихъ голосовъ — и интересныхъ для любителей древнихъ напѣвовъ, каковы отдѣльными номерами изданныя переложенія и сочиненія Римскаго — Корсакова, Азѣва, Аллеманова и особенно Кастаньскаго.

Время беретъ свое. Даже и тотъ, кто любитъ итальянское пѣніе и вообще ласкающія, а иногда и шумныя подражанія формамъ западной музыки, — и тотъ, по невольному сочувствію его русской души къ обиходнымъ — нашимъ народнымъ — напѣвамъ, уже начинаетъ говорить въ пользу новыхъ гармонизацій въ духѣ церковной мелодіи. Не удивительно по этому, что въ печати теперь то и дѣло встрѣчается съ замѣтками въ *pendant* общему національному художественному музыкальному творчеству.

Такъ, одни изъ авторовъ знакомятъ читателей съ вышедшими и выходящими въ свѣтъ духовно — музыкальными произведеніями строгаго — церковнаго стиля. Особеннаго вниманія въ данномъ отношеніи заслуживаетъ предпринятый свящ. М. А. Лисицынымъ „Краткій обзоръ новѣйшей духовно музыкальной литературы.“¹⁾ Обзоръ касается произведеній, вышедшихъ въ послѣднія 10 — 15 лѣтъ. Но не обходятся безъ вниманія композиціи и прежняго времени, особенно цѣнныя, какъ напр., сочиненія Глинки, Ломакина Львовскаго и друг. Пьесы разсматриваются со стороны во 1-хъ, музыкальной „правильности“, во 2-хъ, церковности,

*) См. Сам. Епарх. Вѣд. 1899 г. № 5 „По поводу концерта Архангельскаго“.

¹⁾ „Обзоръ“... начатъ въ журналѣ „Народное образованіе“ еще въ 1898 году и до сихъ поръ продолжается въ томъ же журналѣ, а съ 1900 года одновременно печатается еще и въ специальномъ журналѣ „Музыка и пѣніе“.

въ 3-хъ пригодности для хоровъ, особенно небольшихъ сельскихъ, въ 4-хъ интересности и оригинальности и другихъ сторонъ заслужающихъ замѣчанія“ Авторъ, очевидно, имѣеть ту цѣль, чтобы, руководствуясь этимъ „обзоромъ“, регенты могли выбирать и безошибочно выписывать подходящія для своихъ хоровъ пѣснопѣнія. За два года разобраны произведенія почти всѣхъ современныхъ церковныхъ композиторовъ, какіе обозначены во «всеобщемъ каталогѣ духовно-музыкальныхъ сочиненій Юргенсона»¹⁾, кончая Малашкинымъ (Нар. Образ. 1900, январь), всего 43 композитора.

Другіе разсуждаютъ о недостаткахъ нашего современнаго богослужебнаго пѣнія и о томъ, какими средствами оно можетъ быть поставлено на должную высоту. Н. Казанскій²⁾ указываетъ на придворную пѣвческую капеллу и Московское Синодальное училище церковнаго пѣнія, а также на наши духовно-учебныя заведенія, какъ на учрежденія, спеціально вѣдающія обученіе церковному пѣнію. Но численный процентъ учащихся въ Капеллѣ и Синодальномъ училищѣ—будущихъ руководителей въ обученіи церковному пѣнію—по отношенію къ великой семьѣ русскаго народа сводится къ нулю. Что касается духовно-учебныхъ заведеній, то въ большинствѣ случаевъ они не имѣютъ спеціально подготовленныхъ учителей; да къ тому—же программами семинарій и духовныхъ училищъ удѣляется слишкомъ мало времени на церковное пѣніе, такъ что учитель, если онъ „съ грѣхомъ пополамъ знаетъ, что требуется семинарской программой“³⁾, при всемъ своемъ желаніи добросовѣстно отнестись къ дѣлу не имѣеть возможности пройти успѣшно программу. Это обстоятельство даетъ автору основаніе говорить о томъ, что въ церковно-приходскихъ школахъ, руководителями которыхъ являются прежде всего священники, пѣніе не можетъ быть поставлено правильно. «Изъ окончившихъ курсъ семинаріи только пѣвчіе въ хорѣ въ большей или меньшей степени знаютъ ноты, да попадутся четыре—пять сыновей любителей пѣнія изъ духовенства, еще до училища

¹⁾ Каталогъ стоитъ всего 20 коп.

²⁾ „О современныхъ нуждахъ церковнаго пѣнія въ Россіи“. Богосл. Вѣстн. августъ, 1899 г.

³⁾ стр. 552.

усвоившихъ отъ отцовъ церковные напѣвы, а нерѣдко и ноты. Прочіе кое-какъ сдаютъ экзаменъ и выходятъ не умѣя процѣть даже гаммы, къ сожалѣнію, простое пѣніе и со слуха усваиваютъ немногіе: на клиросахъ обыкновенно поютъ „пѣсы“ *). Проучившійся 10 лѣтъ въ семинаріи и училищѣ, привыкшій къ нотному пѣнію, иногда довольно искусному, точно такъ — же, какъ и наши послѣреформенные предки начинаетъ свысока относиться къ напѣвамъ простымъ и ставши въ ряды духовенства или совсѣмъ не заботился о правильной постановкѣ церковнаго пѣнія въ своемъ храмѣ и церковной школѣ, или, что особенно плохо, устраиваетъ жалкій хоръ пѣвчихъ, ломающихъ чуть-ли не концерты. Вотъ почему теперь въ нашихъ храмахъ, особенно сельскихъ, крайне рѣдко можно встрѣтить псаломщика, твердо и чисто знающаго церковные напѣвы; обыкновенно поется нѣчто болѣе или менѣе сходное съ ними, — иногда басовая партія хоровыхъ переложеній, которая сама по себѣ крайне некрасива и не мелодична и не даетъ объ истинномъ церковномъ мотивѣ почти никакого представленія“ **).

Если священники оказываются мало подготовленными къ руководству церковнымъ пѣніемъ, то могутъ-ли быть таковыми псаломщики? Послѣдніе должны — бы въ этомъ дѣлѣ принять самое дѣятельное участіе. Они именно и должны-бы быть устроителями хоровъ. Напечатанная въ Кіевск. Епарх. Вѣдом. статья: «псаломщики и церковныя школы» подчеркиваетъ эту мысль настойчиво и вполне резонно. При церковно-приходскихъ школахъ устраиваются хоры. Управляютъ ими учителя. Но по трудности для учителя вести школьное дѣло, «жестoko и требовать отъ него, пишетъ авторъ указанной статьи — уѣздный наблюдатель, регулярныхъ уроковъ пѣнія. Вѣдь онъ съ раняго утра до поздняго вечера въ школѣ. Иногда ему приходится занимать урокъ законоучителя. А тутъ за порогомъ школы скучающій псаломщикъ... Если-бы псаломщикъ былъ обязательнымъ преподавателемъ церковнаго пѣнія, то этимъ, во первыхъ — учителю облегчился-бы и

*) стр. 553.

**) Не знаемъ, гдѣ, въ какихъ семинаріяхъ «обыкновенно» поютъ «пѣсы». Совсѣмъ безъ пѣсей обойтись пока нельзя. А стихиры «на Господи возвахъ», «на стиховны», на хвалитѣхъ», ирмосы, тропари, кондаки и молитвы развѣ не поютъ на клиросахъ въ семин. церквахъ? *Ред.*

безъ того тяжелый трудъ, во вторыхъ, учителю дана была-бы возможность лучше ориентироваться въ преподаваніи остальныхъ предметовъ школы и вести это дѣло съ большей энергіей“. Кроме того, веденіе церковнаго пѣнія въ школѣ псаломщикомъ имѣетъ для дѣла еще и ту выгоду, что пѣвцы церковнаго хора при такихъ условіяхъ имѣли бы постояннаго руководителя въ продолженіи всего года. Учитель ежегодно пользуется почти пяти—мѣсячной свободой отъ школьныхъ занятій—лѣтнія вакаціи, пасха, святки. Хоръ въ это время, оставшись безъ руководителя, обыкновенно разстраивается. Между тѣмъ на страстную недѣлю, пасху, на праздникъ Рождества Христова и Богоявленіе всегда желательно слышать умилительное пѣніе, соотвѣтствующее важности воспоминаемыхъ событій. Затѣмъ, частая смѣна учителей мѣшаетъ правильному ходу пѣвческаго дѣла. Псаломщикъ же болѣе или менѣе постоянный служитель въ извѣстномъ селѣ, особенно въ томъ случаѣ, если онъ заслужитъ доброе мнѣніе прихожанъ и подлежащаго начальства веденіемъ своего хорового пѣнія.

Опять, значитъ, на сцену выступаетъ вопросъ, подготовлено-ли большинство псаломщиковъ къ руководству хорами?!

За отсутствіемъ надлежащей подготовки въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, устройство хоровъ бываетъ въ зависимости отъ наличности любителя церковнаго пѣнія. Любовь, какъ извѣстно, дѣлаетъ чудеса. Хоръ быстро организуется, такъ какъ желающихъ пѣть, особенно въ селахъ, всегда бываетъ множество. Но безъ школы „всякая способность незамѣтно можетъ выскользнуть изъ рукъ и растратиться безслѣдно“. Увлечшись успѣхомъ дѣла, любитель часто уклоняется „на самый опасный путь погони за техническими эффектами. Если послѣдніе болѣе или менѣе удаются, какъ говорятъ — идутъ, то на такого регента можно рукой махнуть: чрезъ нѣсколько времени его талантъ исчезнетъ и вкусъ ополится до неузнаваемости“ *).

Такимъ образомъ въ настоящее время требуется обратить серьезное вниманіе на церковно-музыкальное образованіе.

Съ другой стороны важно воспрепятствовать вторженію въ богослужебное употребленіе пронесенныхъ напѣвовъ и заботиться

* Богосл. Вѣстник., 1899 г. XII, 554—555.

о сохраненіи древнихъ. Съ этою цѣлью необходимо поддерживать хоры изъ простыхъ мужичковъ, знакомыхъ съ мѣстными церковными напѣвами *). Въ такихъ народныхъ хорахъ большею частью мелодія — то обиходная, въ устахъ народа она сохраняется иногда съ несущественными измѣненіями. Но что особенно важно: слышится импровизированная гармонизація этой мелодіи въ чисто русскомъ духѣ. Знатоки церковнаго пѣнія въ такихъ хорахъ могутъ для себя почерпать вдохновеніе и мало по малу открыть секретъ русской народной музыки, надъ чѣмъ въ настоящее время такъ много трудятся.

Расположенные къ правильному церковному пѣнію и его усовершенствованію могутъ постепенно насадить въ народѣ церковнопѣвческія школы или теоретическіе классы. Они могутъ быть устраиваемы при церковныхъ хорахъ просвѣтительными братствами, обществами, а также и церковными попечительствами. На бумагу и карандаши средствъ много не потребуется для *элементарнаго* курса. Да и для регента особыхъ спеціальныхъ познаній не нужно, если онъ, руководя теоретическими уроками пѣнія, воспользуется методическими указаніями по этой части напр. свящ. Металлова, г Карасева. Во всякомъ случаѣ это все — дѣло будущаго, думается впрочемъ, недалекаго.

Гораздо важнѣе вопросъ, волнующій интересующихся церковнымъ пѣніемъ: что-же такое это истинно церковное пѣніе?

Впрочемъ, нѣкоторые пѣвцы этимъ вопросомъ даже и не задаются. Для нихъ рѣшающее значеніе имѣетъ текстъ пѣснопѣнія. Если текстъ взятъ изъ псалтири или изъ богослужебныхъ книгъ, то уже по этому одному, они думаютъ въ простотѣ сердца, произведеніе церковно и вполне довольны, хотя-бы въ храмѣ и приходилось имъ изображать какой-нибудь менуэтъ (старинный танецъ) *). Это тѣ, кто до сихъ поръ не выводитъ изъ своего репертуара концертовъ въ стилѣ Бортнянскаго, Львова.

Иные, разсуждая о церковномъ пѣніи, отмѣчаютъ продуман-

*) Въ томъ-то и бѣда для нашей епархіи, что у насъ народъ пришлый — переселенцы изъ разныхъ мѣстъ, а равно и священники псаломщиками въ прежнео время были то Саратовскіе, то Симбирскіе, то Уфимскіе. — Самарская епархія равношерстная, такъ сказать; а посему и напѣвовъ «мѣстныхъ», въ строгомъ смыслѣ слова, у насъ нѣтъ, а есть какая то смѣсь Московскаго, Кіевскаго и друг.

ное, прочувствованное, «трогающее до слезъ», исполненіе пьесъ, какъ вѣрный признакъ церковности. Такъ г. Г. въ „Новомъ Времени“ (за 4-е октября 1899 г.) пишетъ: «въ Москвѣ во время Филарета и его знаменитаго регента Ѳ. А. Багрецова, прозваннаго музыкальнымъ богословомъ за необыкновенную его способность растолковывать текстъ, процвѣталъ и господствовалъ чудовской хоръ; господствовалъ, какъ законодатель пѣнія. Хоръ этотъ въ рукахъ Багрецова передавалъ съ такимъ живымъ совершенствомъ сочиненія даже и не русскихъ композиторовъ, что многихъ (изъ послѣднихъ) какъ-бы породнилъ съ русскимъ народомъ, съ стариннымъ русскимъ церковнымъ пѣніемъ, трогая слушателей до слезъ“. Очевидно, за обдуманное и прочувствованное пѣніе авторъ ставитъ Багрецовскій хоръ на идеальную высоту, какъ предметъ для подражанія всѣмъ церковнымъ хорамъ.

По поводу такого мнѣнія нужно сказать, что обдуманность и прочувствованность — признаки, такъ сказать, общаго характера. Продуманность и прочувствованность желательны и требуется отъ исполненія всякаго рода пьесъ свѣтскихъ или церковныхъ — все равно, такъ что указываемые г-номъ Г. признаки не характеризуютъ церковности пѣснопѣній.

„Драгоценное качество московскаго пѣнія, говоритъ г. Г., состоитъ въ простотѣ и безыскусственности, слѣдахъ — доступности пониманію народной массы“. Вотъ это дѣльное замѣчаніе. Но оно не вяжется съ восхваленіемъ чудовскаго хора, въ которомъ, по словамъ того-же автора, поютъ сочиненія Чайковскаго: у Чайковскаго искусственности — то очень достаточно. Значитъ, сила Чудовскаго хора — „и до сихъ поръ сохраняющаго еще въ своемъ пѣніи какую-то неуловимую, внутреннюю особенность, ему одному свойственную, особливо, когда хоръ поетъ въ полномъ составѣ“ — заключается не въ простотѣ и безыскусственности, а въ указанныхъ выше признакахъ общаго характера.

Однако послѣднихъ еще *мало* для того, чтобы пѣніе было истинно церковнымъ.

*) Вторыя части концертовъ Борнлянскаго писаны въ формѣ менуэтовъ, таковы напр., «еще ополчится на меня полкъ» въ концертѣ: „Господь просвѣщеніе мое“ или — „сильно на земли будетъ сѣмя его“ въ концертѣ: „Блаженъ мужъ“.

Ближе къ цѣли подходятъ «ревнители старины», желающіе слышать въ нашихъ храмахъ столповые—знаменныя, греческіе или другіе обиходныя напѣвы и находящіе для себя идеаль въ напѣвахъ нашихъ благоустроенныхъ монастырей. «Войдемте въ храмъ благоустроеннаго монастыря, пишетъ г. Кычигинъ въ „Странникъ„ *)», гдѣ употребляется, хотя и не постоянно, столповое пѣніе.... Слушая здѣсь дивное столповое пѣніе,—ни мало однако не порабощающее текста и совокупно съ нимъ отражающееся на душѣ молящихся,—мы невольно переносимся мыслию во времена давно минувшей священной древности; мы почувствуемъ на сердцѣ и радость небесную, неземную и неопредѣленную грусть по небесномъ отечествѣ **).

Но и въ такихъ мысляхъ замѣчается *недосказанность*, могущая повести къ желательной крайности.

Едва ли окажемъ непочтеніе въ нашимъ обиходнымъ—знаменнымъ, греческимъ, сербскимъ, болгарскимъ, кіевскимъ, московскимъ—напѣвамъ, если окажемъ, что введеніе ихъ въ богослужбное употребленіе въ однострочномъ видѣ, одногласно, безъ всякой гармонизаціи мало полезно и благотворно для настоящаго времени. Музыкальныя вкусы настоящаго времени въ сравненіи съ IX—XVII вв. далеко ушли впередъ. И нѣтъ никакой возможности XVIII и XIX столѣтія выключить изъ общаго хода развитія церковной музыкальной мысли. При всемъ нашемъ усердіи къ столповому пѣнію мы не можемъ, пользуясь однострочнымъ обиходнымъ изложеніемъ, возстановить утраченнаго искусства съ точностью выпѣвать разныя „напѣвки“, „лица“, „ѳиты“. А потому наше одногласное столповое пѣніе можетъ быть только пародіей на древнее и слѣд., являясь непригоднымъ для высокихъ цѣлей богослуженія. Немыслимо въ самомъ дѣлѣ вводить старообрядческое пѣніе, да еще и съ традиціоннымъ для настоящаго времени пригнушиваньемъ ***). Вѣроятно и г. Кычигинъ такого пѣнія не пожелалъ-бы слушать въ храмѣ.

*) 1899 г. іюль—августъ, сентябрь: „Къ вопросу о цѣляхъ и задачахъ церковнаго пѣнія“

**) Сентябрь. стр. 49.

***) Нужно замѣтить, что *пригнушиваніе* ни сколько не характеризуетъ русскаго народно-музыкальнаго творчества, что ясно видно изъ исполненія

Затѣмъ еще вопросъ: одноголосное-ли только пѣніе употреблялось въ древней Руси? Если мы будемъ обращать вниманіе только на памятники — древнія нотныя рукописи, — то, конечно, должны сказать, что церковное, да и свѣтское пѣніе было *мелодическимъ*, такъ какъ не осталось партитуръ трехголосныхъ или многоголосныхъ пѣснь. Но при этомъ должно помнить, что, по естественнымъ законамъ звука, мелодія невольно и безсознательно могла варіироваться въ сопровождающихъ голосахъ, когда пѣсно-пѣніе воспѣвалось цѣлымъ хоромъ или предстоявшими въ храмѣ, давая совершенно самобытную, чисто русскую народную гармонію и контрпунктъ. «Никому и въ голову не можетъ притти отрицать, говоритъ г. Ю. Арнольдъ, что наши древнія церковныя мелодіи неминуемо имѣютъ подлежать общимъ законамъ звуковой природы», въ числѣ которыхъ онъ полагаетъ и гармонію, или многоголосныя созвучія *).

Древняя музыка не соотвѣтствовала нашему современному западному стилю. Октавы, кварты, квинты въ регистрахъ разныхъ голосовъ (сопрано, альтъ, теноръ, басъ) — вотъ интервалы, прежде всего опредѣлявшіе аккорды. Въ настоящее время нашъ народъ поетъ не одноголосно; русская пѣснь — многоголосная. Не ужели нужно предполагать, что нашъ народъ во всѣхъ уголкахъ Россіи и внутри страны, и на окраинахъ, усвоилъ итальянскую манеру пѣнія? Это едва ли возможно, по меньшей мѣрѣ странно. Не вдаваясь въ интересныя подробности даннаго вопроса, укажемъ только что есть пріятная возможность предполагать о многоголосномъ церковномъ пѣніи у насъ на Руси даже и до XVII в. Въ XVII-мъ же вѣкѣ многоголосное пѣніе дѣлается намъ извѣстнымъ уже по документамъ. Явилось «тріестествогласіе», а также и многоголосное пѣніе въ связи съ развитіемъ чисто русскаго музыкальнаго вкуса, а отчасти подъ вліяніемъ польской

нашимъ народомъ своихъ русскихъ пѣсень. Пригнушиваніе *могло* быть заимствовано у западныхъ, особенно французскихъ, пѣвцовъ крестьяне проносятъ „въ носъ“, проносируютъ при пѣніи, какъ и въ разговорѣ. Во всякомъ случаѣ качество это въ старообрядческомъ пѣніи — явленіе случайное.

*) „Гармонизація древняго русскаго церковнаго пѣнія. Москва 1886 г. стр. 30—34 и друг.

католической музыки. Отъ XVII в. мы имѣемъ въ библиотекѣ Московскаго Синодальнаго училища нотныя рукописи, которыя, по словамъ директора Ст. Вас. Смоленскаго, представляютъ изъ себя «живыя страницы, наглядно доказывающія, какъ было сильно и многосодержательно русское художественное движеніе» *). Эта огромная и богатая сокровищница **) пока еще не разобрана; пока можно увѣриться только въ большемъ огромномъ художественномъ и при томъ *русскомъ* ***) движеніи въ церковно-пѣвческой области». Особенно это нужно сказать о рукописяхъ 2-й половины XVII-го и начала XVIII вв. „Эти богатства, вполне естественно указывающія на степень усвоенія нашими предками гармоніи и контрапункта западнаго склада уясняютъ также и мѣру вложенія въ ихъ средства и приемы чисто русскихъ началъ, такъ какъ безъ всякаго сомнѣнія, наши первые композиторы были истовые церковные пѣвцы, до мозга костей проникнутые церковнымъ напѣвомъ и народной пѣснью“ *).

Такимъ образомъ мы находимъ указанія, что уже въ XVII в. на нашихъ лучшихъ „клиросахъ“ обиходная мелодія примѣняется не въ однострочномъ видѣ, а въ болѣе развитой формѣ въ сопровожденіи трехъ, четырехъ и даже больше голосовъ.

Впрочемъ съ того времени наше древнее—богослужебное пѣніе, какъ одна изъ вѣтокъ православной русской вѣры, оторванныхъ отъ корня западной музыкой, стало увядать и до самаго послѣдняго времени остается въ застывшемъ видѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) Русс. Муз. Газ., 1899 г. № 3, 79 стр. изъ статьи; „О собраніи русскихъ древне пѣвческихъ рукописей въ Московскомъ Синодальномъ училищѣ церковнаго пѣнія“.

**) С. В. Смоленскій свидѣтельствуется, „что теперь имѣется по нѣскольکو десятковъ, даже сотенъ всякаго рода музыкальныхъ русскихъ сочиненій на 3, 4, 5, 6, 8, 12, 16, 24 и даже 48 голосовъ; однихъ 12 голосныхъ, или 3 хорныхъ концертовъ, имѣется 514;—что нѣсколько разъ, свыше 10, были гармонизованы Праздники, Октоихъ, Обиходъ, Трезвонны всякихъ распѣвовъ и на всякое число голосовъ;—что открыта цѣлая масса хоровыхъ, знаменныхъ и демественныхъ партитуръ, духовныхъ стиховъ, кантовъ, псалмовъ, свѣтскихъ пѣсенъ и т. п.“ Тамъ же стр. 81,

***) Курсивъ автора—Смоленскаго.

СПИСОКЪ

смотрителей Николаевского духовнаго училища со времени его основанія до настоящаго (времени *).

1) Теодоръ Дмитриевичъ Кудѣевскій, сынъ причетника Симбирской губерніи, кандидатъ Казанской Духовной Академіи, выпуска 1858 г. 19-го августа 1858 г. опредѣленъ преподавателемъ физико-математическихъ наукъ въ Самарскую Духовную Семинарію, 24 августа 1860 г. смотрителемъ и первымъ учителемъ Николаевского духовнаго училища, 25 сентября 1864 г. перемѣщенъ преподавателемъ физико-математическихъ наукъ въ Саратовскую Семинарію, умеръ въ должности директора народныхъ училищъ Оренбургской губерніи, въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника въ 1897 году. Былъ человекъ доброй души, честный служака стараго пошиба, прямодушный, общительный и пріятный собесѣдникъ.

2) Сергѣй Андреевичъ Нурминскій, сынъ священника Казанской губерніи, старшій кандидатъ, потомъ магистръ Казанской Духовной Академіи, выпуска 1864 г., 20 ноября 1864 года опредѣленъ смотрителемъ Николаевского духовнаго училища, 4 марта 1867 года перемѣщенъ на ту же должность въ Бугурусланское духовное училище; былъ инспекторомъ и директоромъ народныхъ училищъ въ Вяткѣ, потомъ директоромъ Самарской учительской семинаріи, нынѣ благополучно здравствующій директоръ Вятской классической гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ. Человекъ выдающагося ума и начитанный; обладаетъ неутомимой энергіей и сильнымъ характеромъ; честныхъ и строгихъ правилъ. Гдѣ ни служилъ, вездѣ оставилъ по себѣ добрую память.

3) Дмитрій Васильевичъ Ляховскій, сынъ протоіерея Уфимской губерніи, студентъ Оренбургской духовной семинаріи, выпуска 1844 года, 19 іюля 1844 г. опредѣленъ учителемъ низшаго отдѣленія Бугульминскаго духовнаго уѣзнаго училища, 14 ноября 1860 года перемѣщенъ на должность инспектора и перваго учителя въ Самарское духовное училище, 17 апрѣля

*) Прилож. въ „Краткой историч. запискѣ“ о Никол. дух. училищѣ См. Сам. Еп. Вѣд. с. г. №№ 7 и 8.

1864 г. Высочайше пожалованъ орденомъ св. Станислава 3 ст., 4 марта 1867 г. назначенъ смотрителемъ Николаевского духовнаго училища, 14 декабря 1870 г. отъ службы по прошенію уволенъ, умеръ въ отставкѣ. Работникъ старой школы, строгій до жестокости; требовалъ многого, а отъ себя давалъ мало; возбуждалъ страхъ и трепеть въ питомцахъ, представитель розогъ. Съ реформой 1867 г. сумѣлъ смирить себя, но новаго духа не усвоилъ.

4) Проконій Ивановичъ Благовидовъ, сынъ діакона Симбирской губерніи, старшій кандидатъ Казанской Духовной Академіи, выпуска 1870 года, 28 августа 1870 г. опредѣленъ преподавателемъ латинскаго языка въ Пермскую духовную семинарію, 3 марта 1871 г. избранъ и Его Преосвященствомъ утвержденъ смотрителемъ николаевскаго духовнаго училища, 7 іюня 1873 г. Святѣйшимъ Синодомъ утвержденъ въ степени магистра богословія, 10 августа 1873 г. перемѣщенъ г. Попечителемъ Казанскаго учебнаго округа на должность учителя русскаго языка въ Казанскую учительскую семинарію, въ каковой должности вскорѣ и скончался. Оставилъ по себѣ память добраго и гуманнаго воспитателя и благожелательнаго начальника.

5) Протоіерей Кононъ Герасимовичъ Пиксановъ, сынъ пономаря Самарской губерніи, студентъ Самарской духовной семинаріи, выпуска 1864 г., 31 августа 1864 г. опредѣленъ учителемъ Бугурусланскаго духовнаго училища, 11 августа 1867 г. переименованъ въ учителя греческаго языка этого училища, 16 іюля 1870 г. избранъ и утвержденъ помощникомъ смотрителя Самарскаго духовнаго училища, 25 октября 1872 г. рукоположенъ во священника къ домовоі церкви Самарскаго духовнаго училища, 17 августа избранъ и 27 числа того же мѣсяца 1873 г. утвержденъ въ должности смотрителя Николаевскаго духовнаго училища, 12 іюня 1877 года возведенъ въ санъ протоіерея, 15 апрѣля 1880 г. уволенъ отъ духовно-учебной службы и назначенъ настоятелемъ Бугульминскаго собора, откуда былъ перемѣщенъ въ настоятели Николаевскаго Іоанно-Предтеченскаго собора, скончался протоіереемъ въ селѣ Александровѣ Гаѣ Новоузенскаго

уѣзда, Самарской губерніи. Исполнительный и благопослушливый, онъ былъ трудолюбивъ въ высшей степени. Но въ учебно-воспитательномъ дѣлѣ не простирался дальше формы и о саморазвитіи мало заботился. Со смертію жены ослабѣлъ духомъ, а вскорѣ сталъ немощать и тѣломъ. То и другое было причиной оставленія имъ училищной службы.

6) Гавріиль Ивановичъ Поповъ, сынъ священника Самарской епархіи, кандидатъ Казанской Духовной Академіи, выпуска 1875 г., 20 іюня 1875 г. опредѣленъ преподавателемъ греческаго языка въ Иркутскую духовную семинарію, 18 августа 1880 г. избранъ и утвержденъ смотрителемъ Николаевского Духовнаго училища, нынѣ благополучно здравствующій смотритель Вольскаго Духовнаго училища, Саратовской губ. Статскій совѣтникъ. Гавріиль Ивановичъ Поповъ начальное образованіе получилъ въ Николаевскомъ Духовномъ училищѣ.

7) Павелъ Ивановичъ Румянцевъ, сынъ діакона Пензенской губерніи, кандидатъ Казанской Духовной Академіи, выпуска 1880 г., 1 сентября 1880 г. опредѣленъ читателемъ греческаго языка въ Николаевское Духовное училище, потомъ ариѳметики и географіи, 15 января 1888 года назначенъ помощникомъ смотрителя Николаевского Духовнаго училища, 18 мая того же года смотрителемъ Николаевского Духовнаго училища, 15 августа 1889 г. въ послѣдней должности скончался.

8) Священникъ Николай Николаевичъ Русановъ, сынъ священника Самарской губерніи, кандидатъ Казанской Духовной академіи, выпуска 1886 года, 25 января 1887 года опредѣленъ помощникомъ инспектора въ Саратовскую Духовную Семинарію, 11 ноября 1888 г. уволенъ отъ занимаемой должности и опредѣленъ священникомъ къ Самарскому Спасо-Вознесенскому Каѳедральному Собору, 24 октября 1889 года назначенъ смотрителемъ Николаевского Духовнаго училища, въ январѣ 1896 года отъ духовно-учебной службы уволенъ и Пресвященнѣйшимъ Гуріемъ, Епископомъ Самарскимъ, опредѣленъ въ приходскіе священники слободы Цокровской, Новоузенскаго собора, нынѣ законоучитель Вольскаго Реальнаго училища, Саратовской Губерніи.

9) Священникъ Іоаннъ Васильевичъ Майераповъ, нынѣшній смотритель Николаевскаго Духовнаго училища, при которомъ новое зданіе училища начато и окончено постройкой, сынъ священника Самарской епархіи, родился 4 января 1858 года, первоначальное образованіе получилъ въ Самарскомъ Духовномъ училищѣ, потомъ въ Самарской Духовной Семинаріи, высшее образованіе получилъ въ Казанской Духовной Академіи, гдѣ и окончилъ курсъ со степенью кандидата богословія, съ правомъ полученія степени магистра богословія безъ новыхъ устныхъ испытаній въ 1881 году, 11 августа 1881 года опредѣленъ учителемъ ариѳметики и географіи въ Самарское Духовное училище, 31 марта 1894 года произведенъ въ чинъ статскаго совѣтника, 7 октября 1895 г. избранъ и утвержденъ въ званіи старшаго по окладу жалованья учителя Самарскаго училища, 11 февраля 1896 г. рукоположенъ въ санъ священника, 8 марта того же года назначенъ смотрителемъ Николаевскаго Духовнаго училища, 3—7 апрѣля награжденъ бархатною фіолетовою камилавкой, имѣеть ордена св. Станислава III ст. и св. Анны III ст.

Препод. *В. Свѣтловъ.*

Школа не въ „школѣ“. *)

Десять лѣтъ тому назадъ ваши первыя и, быть можетъ, лучшія, подружки, крестьянскія дѣвочки съ широко раскрытыми отъ страха глазами рассказывали вамъ разныя небылицы: про домовыхъ, про лѣшихъ, про огненнаго змѣя, который каждую ночь летаетъ съ деньгами къ дому богатаго мужика, про бабу-ягу, про сѣраго волка, который умѣетъ превращаться въ красавца писаного. Всему вѣрило дѣтское сердце и никогда послѣ съ такимъ успѣхомъ и такъ твердо вы не усвоили уроковъ, какъ эти уроки первыхъ, непризванныхъ учителей вашихъ—деревенскихъ подругъ. Долгихъ хлопотъ, бывало, стоило вашей мамѣ уговорить васъ спать покойно, не пугаясь по ночамъ. Все мерещились вамъ, какъ на

*) Читано (съ сокращеніями) „будущимъ учительницамъ“ вечеромъ 30 марта 1900 года въ 6 классѣ Самарскаго Епархіальнаго женскаго училища.

яву, волки и медвѣди, все боялись вы, какъ бы и въ самомъ дѣлѣ не прилетѣлъ къ вамъ огненный змѣй и не унесъ васъ съ собою и не въ силахъ уже была прогнать вашъ безотчетный страхъ добродушно-строгая угроза любящей матери, что оца отдастъ васъ „мужику чужому“.

Золотое время! Какія тогда прилежныя вы ученицы были, какъ безъ напоминаній, безъ принужденія, усвоили каждый данный вамъ урокъ, какую нибудь схваченную на улицѣ сказку или басню! Жаль только — плохіе у васъ учителя были — ваши наставницы, подружки, крестьянскія дѣвочки, — увѣрявшія васъ, что вонъ тамъ, за дальнимъ оврагомъ „домовой сидитъ“, или что на кладбищѣ „чудится“, и вы боялись, еще не вполне понимая смыслъ этихъ словъ, и оврага, и кладбища.

Теперь измѣнилось время. Черезъ десять лѣтъ учителя ваши уже не сказываютъ вамъ небылицъ, а говорятъ только то, *что было*, а все еще, по прежнему, тянетъ васъ въ область фантазіи. Раньше, когда вы были маленькія, у васъ ничего не было въ рукахъ «настоящаго», все было игрушечное, и учителя ваши тоже были игрушечныя — маленькія крестьянскія дѣвочки, и понятія у васъ тоже были игрушечныя, не серьезныя, но все вамъ тогда хотѣлось чувствовать себя *большими*, а теперь уже вы большія, и учителя у васъ настоящіе, и знанія у васъ фактическія — «строго провѣренныя научнымъ опытомъ и сжато изложенныя въ предѣлахъ учебника», — а васъ все еще по прежнему тянетъ къ „игрушкамъ“, къ сказкамъ и рассказамъ старой няни и маленькихъ дѣвочекъ; по прежнему съ любовью вы помните о своей «подругѣ дѣтства» — разбитой кувлѣ, и съ еще большимъ, быть можетъ, чѣмъ прежде, удовольствіемъ, вспоминаете, какъ вѣрили вы и въ огненного змѣя, отъ котораго искры сыплются среди темной ночи, и въ оборотня, и въ колдуна.

Не удивляйтесь, даже въ минуты критическаго раздумья и дурнаго настроенія, этой своей наивности; не думайте, что только у васъ однихъ долго, на цѣлую жизнь, сохраняются дѣтскія сказки и счастливыя воспоминанія, что только для васъ однихъ дѣтскія впечатлѣнія — самые лучшіе, интересныя уроки. Съ цѣлыми на-

родами бываетъ тоже, что теперь съ вами. Цѣлыя племена и государства, даже доживши до старости и разлагаясь отъ интригъ съ любовью вспоминаютъ и охраняютъ свои былины, а вѣдь онѣ тоже—старыя сказки, тѣже наивныя, полудѣтскія преданія. Древній эллинъ изнервничавшійся и потерявшій вѣру въ боговъ, и во времена Перикла, и при Александрѣ, и послѣ все еще продолжалъ пѣть свои полудѣтскія Гомеровы пѣсни. Нашъ русскій интеллигентъ и теперь, на концертахъ Славянскаго, съ удовольствіемъ внимаетъ былинѣ про кн. Владиміра и, наскучивши Бетховеномъ и Чайковскимъ, съ восхищеніемъ слушаетъ пріѣхавшую изъ далекой лѣсной стороны старуху, Олонецкую вопленицу.

Долго хранятся народныя преданія. Но не меньше живутъ въ сознаніи и впечатлѣнія дѣтства. «Жизнь сумрачна», дѣйствительность и факты печальны; нужно всегда дополнять ихъ фантазіей. Тамъ, гдѣ не хватаетъ факта, нужна вѣра, гдѣ слишкомъ ужъ хитро и политично настроеніе, нужна простота дѣтская.

Золотые годы дѣтства у каждаго отдѣльнаго человѣка, какъ и у цѣлаго народа, красной нитью проходятъ чрезъ всю жизнь. Дѣтскія воспоминанія помогутъ не погнуться ни предъ какой невзгодой: могила родной матери уберезетъ отъ житейской бури гораздо лучше всякихъ книгъ и даже самыхъ дружескихъ сердечныхъ наставленій.

Вы—будущіе хранители юности, не забывайте ни на минуту, что рядомъ съ вашей мудреной школой идетъ *простая* жизнь, болѣе понятная для малаго ребенка, чѣмъ всякая „наука“ ваша: „овалы“ „полуовалы“, аналитическіе и копировальныя методы. Зорко вглядывайтесь и бережно храните внѣшкольную жизнь школьника; заботливо смотрите за доморощенными малыми „учителями“, которые безъ системы и плана преподаютъ ему первую науку: за няней, за уличными мальчиками и дѣвочками; не оставайтесь безучастными и къ тѣмъ методамъ, по которымъ онъ воспринимаетъ первыя впечатлѣнія внѣшней природы. Ваши парты, ваши классныя стѣны, доска и счеты—только три предмета, даже по счету, а то, что за стѣнами и окнами—тысяча предметовъ и, быть можетъ, десятки тысячъ „наукъ“. Вступая въ школу, по-

мните, что выучить грамоту—не значитъ еще *выучить* человѣка, а только—ввести его въ общеніе съ грамотными, и что первый урокъ школы вовсе еще не есть первый урокъ жизни. Первый урокъ школы начинается буквой *а*, а первый урокъ жизни первымъ дѣтскимъ лепетомъ и первымъ дѣтскимъ впечатлѣніемъ, и ученикъ, поступающій въ школу „науки“, уже прошелъ въ извѣстной мѣрѣ *школу жизни*.

Вы, будущія учительницы, не самообольщайтесь, что *только вы* внесете въ деревенскую школу свѣтъ знанія. Знанія у учениковъ есть и раньше, и пожалуй, тѣ знанія, которыя ученики пріобрѣли внѣ школы, главнѣе вашихъ, преподаваемыхъ школою. Въ вашу науку входятъ законъ Божій, русскій языкъ, ариѳметика, пѣніе, а въ ту науку, науку природы, которая *до васъ* и незамѣтно для васъ изучается въ деревнѣ, такъ называемую бытовую науку, входятъ по частямъ и безъ порядка и ботаника, и зоологія, и физика, и химія, и психологія, и богословіе, и наука о правѣ... когда, своеобразно понимая юридическія нормы, крестьянскій мальчишка увѣряетъ васъ, что его собственность не только тѣ игрушки, которыя онъ самъ сдѣлалъ, но и тѣ, которыя укралъ у сосѣда.

Хорошо поставленная школа не только вѣдаетъ такъ называемые *учебные предметы*; нѣтъ: она дѣлаетъ тоже, что нянина сказка: не только даетъ знанія, но и пробуждаетъ въ ученикахъ интересъ къ дальнѣйшему обученію. Плохо, если вы будете коломъ вбивать познанія въ дѣтскую голову; легко это, да пользы не принесетъ никакой. Сѣумѣйте быть не только полезными, но и занимательными; сѣумѣйте сдѣлать такъ, чтобы не тяжело было вашимъ ученикамъ усвоить и русскій языкъ и ариѳметику, и для этого не только *все преподавайте наглядно*, но сдѣлайте такъ, чтобы центръ тяжести школы лежалъ не въ самой школѣ, а за ея предѣлами: въ деревенской обстановкѣ, на улицѣ, на пчельникѣ, въ полѣ, въ лѣсу. По собственному опыту думаю, что это не трудно: насъ учили шутя, за играми и развлеченіями. Моя азбука была сдѣлана не изъ картона, а изъ вѣтвей деревъ, изъ травы и изъ цвѣтовъ полевыхъ, и я не помню, былъ-ли печатный букварь

въ моихъ рукахъ. Помню лишь, что на первыхъ порахъ моего ученія, меня не привуждали сидѣть за книжкой, а предоставляли бѣгать по окрестностямъ деревни и самому учиться. Боялись только одного, какъ бы я не упалъ въ колодезь или не свалился въ рѣку съ береговаго обрыва, и для этого ко мнѣ приставлена была старая няня — мой первый и лучшій учитель.

Живо помню ея простые уроки, безъ партъ и учебниковъ. Обладая рѣдкостной способностью учить, она сама не была учена *ученію книжному*, была вовсе неграмотная. Но она прекрасно знала и умѣла преподавать ту энциклопедію знаній, которая со- вмѣщаетъ въ себѣ основы всѣхъ наукъ, существующихъ на бѣломъ свѣтѣ. И та наука за стѣнами школы, какъ и на васъ прежде, да пожалуй также какъ и теперь, вліяла не менѣе школьной. (Согласитесь, что и теперь не одна школа васъ *воспитываетъ*, а воспитываютъ и ваши братья, которые приходятъ къ вамъ по воскреснымъ днямъ, и ваши сестры, и ваши родные и знакомые). Первый учитель мой — няня — закладывала первые кирпичи педагогическаго зданія: не руководясь никакими научными воспитательными приѣмами, но догадываясь по инстинкту, какъ слѣдуетъ „преподавать“, она знакомила съ окружающимъ міромъ и пробуждала интересъ къ дальнѣйшимъ познаніямъ. По приказанію моихъ родныхъ, она водила меня „за ручку“ гулять, т. е. не отпускала меня ни на шагъ изъ виду. Мы уходили далеко, въ поле, въ лѣсъ, а моя няня на этомъ пути преподавала и начатки религіозныхъ познаній, и географію, какъ она сама знала, и исторію, и естественныя науки. Крѣпостная женщина, родившаяся въ самую страдную пору крѣпостничества, привыкшая безропотно выслушивать самыя горькія упреки, она сохранила въ себѣ чистое сердце, полное беззавѣтной преданности своему питомцу, и это глубокое чувство, какого не встрѣчалъ я уже послѣ въ своихъ школьныхъ учителяхъ, мѣшаетъ мнѣ даже теперь критически смотрѣть на тѣ незамысловатыя познанія, которыя няня сообщала мнѣ въ лѣсу и въ полѣ, сопровождая ихъ постоянными, добродушными нравоученіями. Мнѣ кажутся и теперь дорогими эти познанія, хотя они были и не

высокаго научнаго качества, но развѣ увидишь когда нибудь недостатки въ рассказахъ любимаго человѣка? Логика сердца не подчиняется логикѣ разсудка. Впрочемъ, няня чувствовала себя „спеціалистомъ“ въ той сумѣ знаній, которая передается изъ поколѣнія въ поколѣніе въ крестьянскомъ быту и которая, навѣрно, существовала еще тогда, когда не проникала грамотность въ глухой, лѣсной уголь моей далекой родины. Няня знала законъ Божій, не учивши его, знала по тому, что за каждой службой слушала поученія батюшки (подойдетъ, бывало, къ самому аналою и глазъ не спуститъ съ проповѣдника). Она знала географію, не учивши ея, потому что на одинокомъ вѣку своемъ обошла безъ малаго всѣ города нашего обширнаго отечества; бывала и въ Кіевѣ, и у Троицы—Сергія, и на Валаамѣ, и въ Соловкахъ. И путь ея туда былъ не двадцать какихъ нибудь дней, со скоростію быстрого желѣзнодорожнаго поѣзда, а цѣлме мѣсяцы. Бывало, наступитъ весна, не усидитъ ужъ наша няня дома; какъ перелетная птица, она снимается съ мѣста: починаетъ свою большую суму, сходитъ въ лѣсъ, сама вырѣжетъ себѣ палку, съ крестомъ на верхнемъ концѣ, возметъ съ собою небольшой запасъ сухарей и идетъ себѣ тысячи верстъ Христовымъ именемъ. Сколько людей повстрѣчаетъ она на дорогѣ; къ каждому обращаясь съ лаской и привѣтомъ, она не боится, что ее обидятъ или обокрадутъ: съ ней нѣтъ денегъ, развѣ семитка или пятакъ мѣдный на свѣчку великимъ чудотворцамъ. . . А если и не встрѣтятся людей по пути, то она одна идетъ, слѣпшой поступью, чрезъ лѣса и болота, и думаетъ свою безконечную думу. Случается и заночуетъ въ лѣсу: встанетъ съ зарею, въ озерѣ умоется, помолится на востокъ, и дальше — въ путь. Лѣсной звѣрь можетъ быть ей товарищемъ за ея незлобіе. Рѣдко, впрочемъ, приходилось ей коротать одинокій путь: всегда у ней находились попутчики; то богомольцы, то окрестные жители. . . А вѣдь каждая новая встрѣча—новый урокъ. Ничто и никогда такъ не развиваетъ, какъ новые люди, новыя впечатлѣнія. Когда проѣзжаете вы въ блестящемъ отъ солнца поѣздѣ желѣзной дороги, не смотрите съ гордостью и презрѣніемъ на этихъ, далеко поза-

ди васъ плетущихся, людей съ палкой въ рукѣ, и съ котомкой за плечами: это въ лицахъ вся Русь православная. . . У нихъ нянька училась географіи, не той географіи, которая преподается въ школахъ, въ видѣ не всегда интересныхъ названій рѣкъ, морей, городовъ (съ которыми часто не соединяешь никакого представленія), а въ видѣ живыхъ лицъ и ландшафтовъ, надолго, на всю жизнь сохраняемыхъ памятью. Затѣмъ придя въ монастырь, простоявъ много службъ у гробницъ св. угодниковъ, выслушавъ не одинъ десятокъ монастырскихъ поученій, няня обогащалась и познаніями по исторіи, и, возвращаясь въ родную семью, передавала ихъ своимъ роднымъ и намъ, своимъ ученикамъ, вмѣстѣ съ водою изъ колодцевъ св. угодниковъ. Такія познанія были лучше и полезнѣе десяти учебниковъ; они были живыя, ихъ не нужно было заколачивать въ голову, а дѣтская душа сама ихъ, какъ губка воду, вбирала въ себя съ жадностью. Неграмотная нянька, далѣе, знала зоологію. Но и эта наука какъ ей досталась даромъ, такъ и она намъ передавала ее безъ рытн. Она очень любила рассказывать, какія озера видала, какихъ, на своемъ долгомъ лѣсномъ пути птицъ встрѣчала—на зорѣ и позднимъ вечеромъ, какъ поетъ соловей, какъ журавли кричатъ, собираясь осенью летѣть на югъ съ холоднаго сѣвера. Но познанія няни въ этой области были бы безусловно отвлеченными и мало интересными, если бы не дополнял ихъ своимъ опытомъ ея братъ, старый солдатъ—николаевецъ, страстный пчеловодъ и охотникъ. Онъ всѣхъ звѣрей и птицъ зналъ по имени и отчеству и нерѣдко навѣдывался къ нимъ, непрошенный, въ гости. Изъ міра людей онъ совсѣмъ переселился въ міръ животныхъ. Главными его друзьями были собака и пчелы. И жилъ онъ постоянно на отвѣсномъ берегу рѣчки подъ ветлами; здѣсь было все его богатство—ульи, заботливо охраняемые блестящимъ, вдѣланнымъ въ сосну, образомъ св. Зосимы и Савватія. Здѣсь же былъ и лѣтній домъ его, большой шалашъ, куда онъ пролѣзалъ, согнувшись вдвое и гдѣ, бывало, на выступѣ бревна, сидѣлъ и шурился на солнышкѣ третій любимецъ старика—маленькій сѣрый котенокъ. Доселѣ не могу вспомнить безъ смѣха, какъ мучился онъ, бѣд-

ный, когда пчела ужалила его въ самый носъ. Занимательны были рассказы старика—солдата (царство ему небесное!). Одинъ изъ этихъ рассказовъ, наиболее жизненный товарищъ мой недавно записалъ и предалъ тисненію; я имѣю возможность имъ съ вами подѣлиться. Остальное все забылось,—не вспомнишь. «Въ глухомъ лѣсу N—ской губерніи, — такъ начинается газетное сообщеніе,—въ одномъ имѣніи, въ лѣсахъ, были глубокія, чистыя озера. На берегу одного изъ нихъ стояла избушка полѣсовщика, стараго добродушнаго солдата и страстнаго охотника. На озера по зарямъ прилетала стая лебедей. Прекрасныя животныя, породистыя, бѣлоснѣжныя, съ громадными крыльями, встрѣчали здѣсь восходъ солнца, плавали, ныряли, оглашали звонкую водную поверхность громкими вликами... Изъ оконца своей избушки полѣсовщикъ могъ наблюдать эту поэму лебединой дружбы. Но въ немъ проснулся охотникъ. Его прельстили бѣлыя роскошныя крылья лебедей, и вотъ однажды, засѣвъ въ кустахъ съ ружьемъ, онъ подстерегъ двухъ друзей и убилъ одного изъ нихъ. Другой поднялъ вопль на весь лѣсъ и долго ногами и крыльями отбивалъ трупъ товарища, когда полѣсовщикъ подѣхалъ въ челнокъ, чтобы воспользоваться добычей своего кроваваго спорта. Это отчаяніе лебедя изумило и потрясло полѣсовщика. Онъ не осмѣлился пристрѣлить его. Овладевъ своей добычей и быстро уплылъ. Лебедь кидался въ лодку съ яростью, и когда убійца его друга наконецъ вышелъ на берегъ и скрылся въ избѣ, застоналъ, закружился, снялся съ мѣста и улетѣлъ въ лѣсъ, въ ту сторону, откуда каждое утро прилеталъ съ своимъ другомъ. Но этимъ дѣло не кончилось. Съ того времени ежедневно на зарѣ лебедь прилеталъ на то мѣсто озера, гдѣ прежде плавалъ онъ съ своимъ товарищемъ. Широко развѣвъ свои бѣлыя крылья, покачивался тихо на обогрѣнныхъ алымъ свѣтомъ зари водахъ и, запрокинувъ гордую голову, выгнувъ шею, стоналъ онъ такъ плачевно, такимъ раздирающимъ душу голосомъ, что полѣсовщикъ не зналъ, куда ему дѣваться отъ угрызений совѣсти. Онъ чувствовалъ, что совершилъ кровавое низкое дѣло—убійство. Онъ самъ затосковалъ и не спалъ ночей, съ ужасомъ дожидаясь

зари. Лебедь оплакивалъ своего друга и клики его то выражали безнадежную, тихую грусть, то звучали страстнымъ призывомъ и томленіемъ, то грозили, призывали мщеніе и разрѣшались дикими, безумными воплями. Лѣсникъ наконецъ не выдержалъ и рѣшилъ покончить съ тоскующимъ лебедемъ. Въ одно утро, когда тотъ прилетѣлъ, онъ вышелъ изъ избы съ ружьемъ и, подойдя къ озсру, поднялъ ружье и прицѣлился. Едва лебедь замѣтилъ полѣсовщика, онъ повернулся и, грепеша развитыми крыльями, грудью полетѣлъ на ружье“ *)...

Я увѣренъ, старикъ—солдатъ лучше рассказывалъ этотъ чудный рассказъ, чѣмъ далекій отъ деревенской жизни газетный корреспондентъ. Но и по нему можно съ успѣхомъ судить, о томъ, какъ занимательны были уроки у лѣсника на пасѣкѣ. Много мы послѣ слышали хорошихъ рассказовъ, но ни одинъ изъ нихъ такъ сильно не овладѣвалъ дѣтскимъ воображеніемъ, какъ эти схваченныя съ натуры полусказки о томъ, что и птица лѣсная, и звѣри дикіе могутъ тосковать и томиться. Цвѣтокъ только тогда хорошъ, когда онъ въ полѣ цвѣтетъ, а принесите вы его въ комнату, и въ какую хотите роскошную вазу поставьте, все равно черезъ день онъ потеряетъ свой букетъ; такъ и съ рассказомъ: тогда только въ немъ сила, когда онъ схваченъ изъ жизни, а подвергнешь его литературной обработкѣ, и онъ засохнетъ, утратитъ первую свѣжесть. Тоже самое можно сказать и о школѣ: только та школа хороша, которая содѣйствуетъ общенію человѣка со всей внѣшней природой, и дурная та сельская школа, которая закрѣпощаетъ его въ стѣнахъ школьнаго зданія, игнорируя или вовсе пренебрегая тѣмъ, что дѣлается за этими стѣнами. Мы благодаримъ школу своего ранняго дѣтства: она учила насъ рядомъ съ природой. Сообщая знанія, она не развивала въ насъ эгоизма и отчужденности.

Итакъ, вотъ та канва, на которой послѣ пришлось нашимъ учителямъ рисовать свои педагогическіе рисунки. Съ одной стороны—сказки и народныя преданія, освященныя глубокой вѣрой, согрѣтыя сильной теплотою беззавѣтнаго чувства, и съ другой—

*) „Новое Время“.

красота внѣшней природы: „поля, холмы родные“... И покаюсь вамъ, что окруженный внѣшнимъ довольствомъ, каждую весну тоскую по родномъ сѣверѣ: по рѣкамъ, полямъ и лѣсамъ далекимъ...

Няня моя часто учила меня молиться; еще чаще рассказывала она про святые мѣста и святыхъ угодниковъ, своеобразно закрывая таинственной дымкой свои рассказы. Доселѣ сохранились въ моей памяти „чудодѣйныя сказанья про угодниковъ святыхъ“; неизгладимо живутъ въ сознаніи фантастическіе рассказы, которые послѣ приходилось читать въ чудныхъ переложеніяхъ лучшихъ русскихъ поэтовъ: про подземный храмъ, про невидимый городъ, про старцевъ—затворниковъ. Какая все это богатая почва для послѣдующаго изученія и пониманія народныхъ преданій, въ связи со всею жизнью и исторіей нашей родины, единое имѣющей животворящее начало—вѣру народную!

Предо мною какъ на яву, въ глубокихъ и прозрачныхъ водахъ лѣснаго озера стоитъ старый Китежъ, который Богъ, по молитвѣ жителей, сокрылъ отъ взоровъ осадившаго городъ несмѣтнаго татарскаго полчища.

...И ужасъ напалъ на невѣрныхъ тогда,
Смутился Батый неключимый;
И въ страхѣ великомъ бѣжала орда,
А Китежъ остался незримъ навсегда,
Стоитъ и доселѣ онъ незримый.
Но въ ясную пору на озерѣ томъ
Видаютъ въ водѣ отраженье
Церквей златоглавыхъ и княжьихъ хоромъ,
Да красныя избы посадскихъ кругомъ.
Не всѣмъ лишь дано то видѣнье.
И слышало тоже немало людей
На озерѣ звонъ колокольный
Въ канунъ иль наутрѣ праздничныхъ дней
То благовѣсть, значить, китежскихъ церквей
Сзываетъ народъ богомольный“... *)

*) Розенгеймъ. „Невидимый городъ“ (Народное повѣрье за Волгой).

Съ истиннымъ наслажденіемъ читаю знакомое съ дѣтства преданіе о подземной церкви, также въ переложеніи поэта.

„Повѣрье есть такое въ нашихъ селахъ,

Что церковь въ землю нѣкогда ушла,

На мѣстѣ-жъ томъ образовалась яма;

Церковищемъ народъ ее зоветъ,

И ходитъ слухъ, что въ тихую погоду

Во глубинѣ звонятъ колокола,

И клирное въ ней пѣнье раздается. *)

Не менѣе живо, далѣе, чѣмъ въ дѣтствѣ, рисуется въ моемъ воображеніи старецъ — затворникъ, который говорилъ, что

„Дверь въ его обитель

До дня сего задѣлана была,

И проникалъ въ глухое подземелье

Лишь дальній гулъ Господней непогоды,

Да слабый звонъ святыхъ колоколовъ“... **)

Когда я былъ пятилѣтнимъ ребенкомъ и няня моя водила меня гулять, безпрестанно уговаривая, чтобы я „слушался папу и маму“, я часто спрашивалъ ее, въ которую сторону живутъ отъ насъ старцы — затворники и гдѣ невидимый городъ, и няня всегда показывала на юго-востокъ. Тамъ, надъ лѣсомъ, за широкой рѣкою возвышались далекія, синія горы, и мнѣ всегда казалось, что за этими горами и есть та блаженная страна, гдѣ „не темнѣютъ неба своды“. И долго потомъ, послѣ этихъ непосредственныхъ дѣтскихъ впечатлѣній я сохранилъ память объ этихъ горахъ. Даже теперь по цѣлымъ часамъ смотрю и не могу насмотрѣться на синюю даль, что красуется тамъ, на горизонтѣ, за Волгой; и чрезъ многіе годы вновь кажется мнѣ, что въ той сторонѣ и солнышко свѣтитъ краше, и люди добрѣе. Хорошо знаешь, что все это иллюзія, давно пережилъ дѣтскія впечатлѣнія, и уже не вѣришь больше въ правдивость слышанныхъ когда-то простодушныхъ рассказовъ, а и теперь, когда приходится проѣзжать по Волгѣ мимо Керженца или по Окѣ недалеко отъ Муромы, —

**) А. Толстой. „Царь Феодоръ Иоанновичъ“.

***) — „Смерть І. Грознаго“.

невольно всматриваешься въ лѣсную даль, стараясь отгадать, гдѣ стоитъ невидимый городъ или сокрытая церковь. Факта нѣтъ. Онъ созданъ былъ воображеніемъ и уступилъ мѣсто дѣйствительности, а идея осталась, и она дороже несуществующаго уже факта. Въ этой идеѣ сказалась вся древняя Русь, со всей радостью и горемъ минувшихъ лѣтъ, съ глубокой вѣрой народа въ то, что Богъ чудомъ можетъ слѣлать возможнымъ невозможное. А это, вѣдь, уже *фундаментъ* для цѣлой жизни, гораздо болѣе устойчивый и цѣнный, чѣмъ всѣ наши „учебные курсы“ и другіе источники знаній. Преданія — тоже, что глина въ рукахъ ваятеля: пока статуя не отлилась въ опредѣленную форму, выражающую идею, она необходима; создана статуя, воспиталась вѣрующая и мыслящая душа — и они отпадутъ сами собою.

И вы, вступая въ школу, не думайте, что только своими азбуками и грамматиками будете „возбуждать умы“. То дѣло, которое вы будете дѣлать въ школѣ, только малая частичка великаго дѣла воспитанія крестьянскаго населенія, которое будетъ идти помимо школы. Такъ рѣка, минуя плотину, устроенную для утилизаціи воды на мельницѣ, находитъ себѣ сторонній выходъ и торопливо убѣгаетъ отъ задержки щита. Съумѣйте и вы пристать къ этому основному, натуральному теченію. Не мечтайте, что вы „всю науку прошли“. У крестьянина наука своя, и часто придется вамъ не дѣтей до себя возводить, а самимъ спускаться до уровня ихъ пониманія, идти вровень съ ними. Только тогда они васъ поймутъ, когда, по простотѣ, вы будете для нихъ второй няней и перестанете витать въ заоблачныхъ высяхъ. Съумѣйте вы продолжать нянины уроки...

У васъ, молодыхъ людей, завѣтная мечта: все разломать и на развалинахъ построить новое *свое* зданіе. Хорошее это дѣло, конечно, передѣлать фундаментъ, да крѣпко онъ сложенъ, изломать то его вамъ не придется. А не придется изломать, не придется выбить изъ дѣтской голсы нянины сказки, начинайте строить педагогическое зданіе на старомъ фундаментѣ. Раньше дѣтямъ сказывала сказки няня, теперь пусть имъ сказываетъ ихъ учительница; раньше говорили про бабу — Ягу, теперь, въ школѣ, вы

разказывайте церковно-историческія событія, разказывайте изъ географіи, изъ естественныхъ наукъ. И ради Бога не повторяйте тѣхъ поистинѣ курьезныхъ экспериментовъ, которые въ старую пору продѣлывали при нашемъ воспитаніи.

Съ болью въ сердцѣ вспоминаю, какъ временная моя воспитательница, воспитанница одного изъ закрытыхъ учебныхъ заведеніи, учила меня русской грамматикѣ. Взяли мы, помню, грамматику Кирпичникова, открыли четвертую страницу, и моя учительница „задала“ мнѣ урокъ, выучить наизусть подрядъ пять—десять выраженій, къ воспріятію которыхъ вовсе не подготовлена была моя, привыкшая къ конкретнымъ воспріятіямъ, память. Изнемогая отъ усталости, я помню, послѣдовательно, одно за другимъ училъ слѣдующія выраженія: „Предложеніе есть сужденіе, выраженное словами; напр. ученикъ пишетъ, урокъ выученъ, тетрадь чиста... имена, оканчивающіяся въ именительномъ на *а* суть средняго рода, напр. ворота... *ъ* пишется въ слѣдующихъ нарѣчіяхъ: возлѣ, вывѣ, подлѣ, послѣ, вчужѣ, въявѣ, вкратцѣ, вскорѣ“ и т. д. и т. п. Никакъ я не могъ тогда преодолѣть этой премудрости...

Пусть у васъ въ школѣ не будетъ ничего подобнаго. Преподавайте *наглядно*, образно, съ картинками. Пусть всякая буква у васъ будетъ живая. Помните постоянно того профессора еврейскаго языка, о которомъ я говорилъ вамъ на дняхъ, какъ онъ преподавалъ мудреную азбуку и какъ слѣдуетъ ее преподавать.

Итакъ пусть течетъ ваша школьная жизнь съ общей жизнью деревни въ одномъ руслѣ, не разливаясь въ ширь и не дѣлая искусственной преграды жизни мальчика рядомъ съ природой. Пусть будетъ она только фильтромъ дѣтскаго міросозерцанія или вѣялкой, чрезъ которую могла бы отдѣляться пшеница отъ плевелъ. Но вѣдь ужъ и не такъ же, чай много „плевелъ“ въ десятилѣтней дѣтской головѣ, чтобы все пришлось выбросить, а есть и хорошія зерна, ихъ оставить надо, пусть растутъ. Выбросьте дурное, оставьте доброе зерно и развивайте его, поливайте, пересаживайте, оберегайте отъ вредныхъ вліяній. Смотрите за тѣмъ, чтобы

ростъ этого зерна былъ естественный, а не искусственный, не кладите растеніе въ футляръ, не подстригайте (для красы и симметріи) верхушки дерева, дайте ему волю самому развиваться какъ хочетъ; вы только содѣйствуйте развитію.

Всякое дерево растетъ къверху, кънебу, и въ ширь, въ разныя стороны. Чѣмъ выше къверху, чѣмъ шире въ стороны развивается, тѣмъ лучше, величественнѣе дерево. Тоже самое и съ человѣкомъ. Высокъ бываетъ иногда его полетъ; бываютъ люди, которые, выражаясь образно, живутъ въ заоблачныхъ высяхъ—одними лишь идеалами, и бываютъ люди, которые весь міръ могутъ обнимать своимъ умомъ. Деревенскій мальчикъ, который не отличить иконы Спасителя отъ Николая Чудотворца, который не былъ далѣе трехъ верстъ отъ своей родной деревни—малое, еще не развившееся деревцо. Ему нельзя, силъ нѣтъ у него уходить далеко отъ деревни, и вы помогайте ему, „мыслью мѣрять“ далекое пространство отъ города до города: показывайте ему карту и картины, объясняйте ихъ содержаніе. Въ чистотѣ храните дѣтское сердце; ставьте идеаломъ для него типъ простеца, нарисованнаго въ рѣдкостномъ по своей задушевности разсказѣ Лѣскова: „На краю свѣта“. Вотъ вамъ задача, вотъ вамъ посѣвъ... а жатвы ждите черезъ двадцать лѣтъ, когда подрастутъ ваши школьники, а можетъ быть и не дождетесь до жатвы. Богъ показалъ Моисею съ горы землю обѣтованную и сказалъ: «Но въ нее ты не войдешь»; такъ, послѣ многихъ лѣтъ труда, быть можетъ, и вы не увидите результатовъ своей работы, какъ не увидѣла дѣлъ рукъ своихъ и та учительница, о которой я вамъ говорилъ*). При жизни человѣка, который трудится на пользу общую, замѣтны лишь малые всходы; выростетъ и зацвѣтетъ посѣянное имъ долгодѣйное растеніе уже тогда, когда онъ самъ истлѣетъ въ землѣ. Но рѣдкое сѣмя не падетъ на добрую почву. Сѣшь зло и ненависть—и оно возрастетъ сторицею. Учительница сѣяла добро и любовь, и оно также не заглохло въ терновникѣ и не было заглушено дурною травой.

Любимцемъ учительницы нашей былъ сынъ покойнаго свя-

*) Вечеромъ 5 марта

щенника, тогда еще маленькій красавецъ — мальчуганъ, теперь занимающій одно изъ видныхъ священническихъ мѣстъ на сѣверѣ Россіи. Брошенный всѣми оставшимися послѣ отца безъ призора и ласки, пятилѣтній поповичъ вѣчно, бывало, сидитъ на рѣкѣ съ удочкой, а зимою въ школѣ, притаившись въ углу, слушаетъ урокъ. Онъ малъ, ему еще рано учиться, но ясные задумчивые и постоянно устремленные куда то вдаль глаза и теперь говорятъ безъ словъ, что слово ученія падетъ здѣсь на добрую почву. Всѣ свободные часы свои учительница отдавала этому безродному мальчику; бывало, умоетъ его, причешетъ, учить Богу молиться, азбуку съ картинками ему показываетъ, сказываетъ сказку, разучиваетъ вмѣстѣ съ нимъ любимое стихотвореніе. . . Никто тогда не слѣдилъ за тѣмъ, что дѣлалось въ душѣ мальчика, помнитъ только моя старая нянька, какъ силой его оторвали отъ гроба на похоронахъ учительницы и какъ съ безумными рыданіями онъ едва не упалъ въ могилу, когда ей пѣли въ послѣдній разъ вѣчную память. Но забылось и это впечатлѣніе, и я скоро потерялъ изъ виду товарища дѣтства. Онъ прекрасно учился, съ большимъ успѣхомъ прошелъ курсъ средней и высшей школы и, получивъ ученую степень, пошелъ во священники въ то село, гдѣ похоронена была его бывшая учительница. Немало хлопотъ надѣлалъ тогда блестящій кандидатъ въ деревенской округѣ. Въ чемъ только его не обвиняли! И въ неблагонамѣренности, и въ ханжествѣ, и въ оригинальничаньи, и даже въ душевной ненормальности. Особенно беспокоился, помню, отецъ благочинный, который никакъ не могъ примириться съ мыслью, что у него подчиненный будетъ имѣть академическій дипломъ. Одна только наша подруга дѣтства, старая няня, благословляла будущаго самоотверженнаго дѣятеля на святой подвигъ (Она и теперь жива еще). «Божье дѣло, родимый, — говорила она ему, — своимъ людямъ будешь служить»... Чуткимъ сердцемъ своимъ она понимала всю высоту этого служенія и кто знаетъ, можетъ быть и сама радовалась на ту обильную жатву, которую, въ лицѣ этого молодаго священника, дали ея рассказы и внѣшкольное образованіе. Закваска сильна, и я не перестаю вѣрить, что доб-

рыми рѣчами своими старая нянька имѣла на своего воспитанника не меньшее вліяніе, чѣмъ ученныя монографіи и изслѣдованія. Не даромъ же онъ весь курсъ высшей школы не разставался съ вопросомъ *о благу народа...*

Прошелъ годъ со времени поступленія въ село молодого священника „съ высокимъ образованіемъ“, какъ выражались наши мужики, и нельзя было проѣхать на пароходѣ вблизи этого села, чтобы не услышать трогательно-почтительныхъ рѣчей о дѣлахъ новаго батюшки. Слава его выросла какъ-то очень быстро: всюду только и рѣчи было, что „какой рѣдкій человекъ у насъ появился“. На городской почтѣ въ значительной степени возросла корреспонденція: молодой священникъ то и дѣло получалъ письма съ просьбой помолиться, разрѣшить какойнибудь сложный житейскій вопросъ, дать отвѣтъ на то или иное религіозное недоумѣніе...

И, несмотря на это, онъ все таки былъ самый обыкновенный, прстой человекъ; не было у него никакихъ бьющихъ въ глаза замысловъ, ни хитрыхъ церемоній, рассчитанныхъ на эффектъ. Все дѣлалось какъ то само собою, силою рѣдкой, золотой души, да знанія людскаго сердца... Не мнѣ, конечно, разбираться въ этой психологіи. Я зналъ, что у него прекрасно была поставлена церковная проповѣдь, что онъ первый являлся на зовъ бѣдняка, что, въ случаѣ общественныхъ бѣдствій, умѣлъ какъ то найти средства на первую помощь, что невѣдомыми какими то силами могъ заставить лѣнтяя и тунеядца работать, что онъ вытрезвлялъ запойныхъ пьяницъ и былъ всегдашнимъ ходатаемъ предъ властью за обиженныхъ и обездоленныхъ. Храмъ былъ главнымъ мѣстомъ его работы; но едва ли меньшее мѣсто занимала въ его сердцѣ и школа. Какъ то само собой случилось такъ, что школа по воскреснымъ днямъ постоянно была переполнена народомъ; здѣсь была бібліотека, были чтенія съ туманными картинами, собесѣдованія, и среди всего этого царства самъ молодой священникъ съ постоянно привѣтливой, добродушной улыбкой... До позднего вечера тянутся бесѣда, и всѣ уходятъ ободренными и освѣженными. Очевидцы рассказывали, что приходилось видѣть рѣдкостнаго батюшку и на пожарѣ въ загорѣвшемся домѣ, и въ бо-

льницѣ, среди бѣдныхъ безнадежно больныхъ, и въ зимнюю непогодь, среди поля, спѣшшимъ напутствовать трудно больнаго. Не берусь сказать, сколько правды въ этихъ разсказахъ, и что надо отнести на счетъ фантазіи безпредѣльно любившихъ его прихожанъ, но думаю, что и самая любовь достается недаромъ, и прежде чѣмъ пріобрѣсти ее, нужно ее заслужить. Знаю только, что когда не могъ укрыться свѣтильникъ на горѣ стоящій и когда, наконецъ, послѣ долгихъ просьбъ, удалось уговорить его принять на себя высшій и отвѣтственный постъ, ему были устроены такіе проводы, какіе дѣлаютъ только самымъ дорогимъ людямъ. Я прочитаю вамъ безхитростное описаніе этого прощанья, написанное рукою тамошней сельской учительницы.

„Если бы вы видѣли, какъ прощался Б—скій народъ съ *нимъ*, какъ плакали о немъ всѣ, бывшіе въ церкви: ни одинъ мужчина не утерпѣлъ, а заливался горькими слезами, когда онъ говорилъ прощальное слово, а о женщинахъ ужъ и говорить нечего, вслухъ причитали; затѣмъ въ это же воскресенье была воскресная школа, и тамъ его былъ послѣдній урокъ. Но онъ прошелъ тоже въ горькихъ слезахъ, а взрослые ученицы еще когда онъ подошелъ къ училищу, спѣли ему увходное „Достойно есть“, и вообще весь урокъ прошелъ въ назидательномъ прощаніи. Ребятишки мои выли воемъ, когда онъ пришелъ послѣдній разъ въ училище; затѣмъ, ужъ наканунѣ отъѣзда почти, было чтеніе для народа, которое ранѣе производилось обыкновенно въ моей школѣ, но въ этотъ день оказалось такое стеченіе народа, что мнѣ пришлось проводить всѣхъ въ церковь, которая оказалась полнымъ полна. Во время чтенія его раздавались рыданія, а когда, уходя въ алтарь, онъ благословилъ всю собравшуюся массу людей, то я не умѣю вамъ и объяснить, что происходило въ этой толпѣ, кто плакалъ такъ, что и слова не могъ выговорить, кто въ слезахъ благословлялъ его, и не суждено было въ этотъ вечеръ ему успокоиться; оказалось болѣе ста человекъ изъ пришедшихъ на чтеніе пожелавшихъ исповѣдаться послѣдній разъ у своего любимаго батюшки, а когда побѣжалъ, опять сбѣжалась толпа, и всѣ просили у него благословенія... Все порвалось съ его отъѣздомъ. Нѣтъ больше духовной силы, которая въ немъ была».

Въ этомъ описаніи нѣтъ «изящныхъ образовъ и остроумныхъ сближеній». Сама правда говоритъ простыми, безхитростными фразами и свидѣтельствуесть о томъ, что я не преувеличиваю.

Немало нужно потрудиться, чтобы съ такимъ сочувствіемъ и энтузіазмомъ провожало своего священника цѣлое населеніе прихода, но и самому трудившемуся недостаточно жить одними только внѣшними впечатлѣніями, чтобы достигнуть такого успѣха. простая исправность не создастъ такой сильной, исключительной привязанности. Нужно всей душой вѣрить въ силу идеи, чтобы такъ беззавѣтно полюбили пастыря даже загрубѣвшія сердца прихожанъ. И съ своей точки зрѣнія правы были тѣ сослуживцы молодого священника, которые называли его «ненормальнымъ». Въ самомъ дѣлѣ: что такое идейная жизнь съ точки зрѣнія современника? Конечно, безуміе. Умъ—это практицизмъ, изворотливость, умѣнье рыбу ловить въ мутной водѣ, а все, что касается вопросовъ совѣсти, стремленія быть лучше самому и дѣлать другихъ лучшими, —это, конечно—безуміе. И чтобы послѣдовать слову апостольскому, которое говоритъ: „Богъ безумныхъ избралъ, чтобы посрамить премудрыхъ,“ великая нужна закваска, большая нужна сила вѣры. Но вы простите мнѣ, если разсматривая дѣло съ личной точки зрѣнія, я буду думать, что и онъ, этотъ молодой батюшка, всѣми своими успѣхами обязанъ *старой* закваскѣ—своей нянь, да сельской учительницѣ. Я плохой психологъ, и собственную душу мало знаю, гдѣ мнѣ читать въ душѣ другихъ людей! Но осмѣливаюсь думать, что дѣтскія впечатлѣнія, первыя сказки, не замысловатыя басни и трогательная привязанность самоотверженной труженицы сдѣлали свое дѣло: воспитали ей преемника, который продолжаетъ ея работу. И надъ всѣмъ тѣмъ, что онъ дѣлаетъ, я вѣрю, витаесть доселѣ ея святая душа. Огонь божественный, зажженный отъ Христа, черезъ Евангеліе, безкорыстной учительницей, разгорѣлся въ сердцахъ ея учениковъ, слѣдуя общему закону преемства въ воспріятіи духовнаго наслѣдія. Такъ, по преданію, въ святую ночь въ Іерусалимѣ, патріархъ первый зажигаетъ свѣчу отъ огня, упавшаго съ неба на алтарь гроба Господня, а отъ этой свѣчи одинъ за другимъ за-

жигаютъ свои свѣчи и всѣ остальные—сначала ближніе а потомъ и дальніе, и подъ сводами темной пещеры свѣтитъ Божественный свѣтъ. Такъ и у насъ бываетъ въ пасхальную ночь. Также загорается и свѣтитъ, передаваясь изъ поволенія въ поколеніе свѣтъ вѣры и доброй христіанской науки.

И всякій разъ, когда я читаю, что священникъ, забывая себя, бросается въ ледоходъ на помощь утопающему *), или когда слышу, что въ глухую полночь и непогодъ священникъ идетъ черезъ лѣсъ и болота въ дальнюю деревню съ напутствіемъ **), сбивается съ дороги и ждетъ смертнаго часа, я по старой привычкѣ, отыскиваю за этими геройскими поступками тоже вліяніе какой нибудь доброй деревенской няни или сельской учительницы, которая всѣ дѣтскіе годы, на разные лады, твердила своему ученику о томъ, что нужно „любить ближняго, какъ самого себя,“ и что больше нѣтъ любви на свѣтѣ, какъ «положить душу за друзей своихъ».

Завтра, ***) позднимъ вечеромъ, вы будете приближаться къ родной деревнѣ. Въ сумракѣ ночи вы издали еще увидите, какъ огни въ окнахъ хатъ то загораются, то пропадаютъ, то долго свѣтятъ тихимъ, лучистымъ сіяньемъ. Мирно, свѣтло будетъ у васъ въ это время на сердцѣ... Съ такимъ же чувствомъ нравственнаго примиренія и всѣ, тѣ кому дороги интересы родины, смотрятъ на самоотверженный подвигъ сельской учительницы. Среди моря житейской непогоды они видятъ въ ней близкую пристань, тихій, мерцающій вдали огонекъ.

К. Казанскій.

*) Случай въ Московской губерніи.

**) Въ Смоленской губерніи.

***) Въ день отпуски на Пасху.

Епархіальная хроника.

Впродолженіе страстной седмицы Его Преосвященство Преосвященнѣйшій Гурій понесъ великіе труды молитвенныхъ подвиговъ и поста, совершая богослуженіе *ежедневно*. Въ навечеріе недѣли Ваій — всенощное бдѣніе съ раздачею св. вербъ — и въ самый праздникъ — божественную литургію Преосвященнѣйшій Владыко совершилъ въ кафедральномъ соборѣ. Въ первые 3 дня Страстной седмицы литургію Преждеосвященныхъ Даровъ, а также литургію Василя В. въ Великій Четвертокъ и В. субботу, также и утреню съ В. Пятка на В. Субботу Преосвященнѣйшему благоугодно было совершить въ своей домовоі церкви при Архіерейскомъ домѣ. Утреню съ В. Четвертка на В. Пятокъ съ чтеніемъ Евангелія страстей Христовыхъ (стояніе) и въ В. Пятокъ великую вечерню съ выносомъ плащаницы и чтеніемъ надъ ней акаѳиста Животворящимъ Страстямъ Христовымъ, Его Преосвященство соизволилъ совершить въ кафедральномъ соборѣ при громадномъ стеченіи молящихся.

На Свѣтлой седмицѣ Преосвященнѣйшій Владыка не оставилъ молитвенныхъ трудовъ и *ежедневно* *) совершалъ божественную литургію въ различныхъ храмахъ города. Свѣтлую Христову утреню и раннюю литургію на 1-й день Пасхи, Преосвященный изволилъ совершить въ кафедральномъ соборѣ. На 2-й день Пасхи въ кафедральномъ соборѣ отправлялся храмовой праздникъ въ лѣвомъ придѣльномъ храмѣ собора въ честь св. Іосифа Пѣснописца, память коего — 4-го апрѣля — приходилась на Страстной седмицѣ, а посему и празднованіе перенесено было на 2-й день Пасхи. По этому случаю всенощное бдѣніе наканунѣ и литургію съ молебномъ послѣ оной на 2-й день праздника, Преосвященнѣйшій совершилъ въ кафедральномъ соборѣ. На 3-й день Пасхи Преосвященный Владыка служилъ въ Женскомъ Иверскомъ монастырѣ. На 4-й день — въ Единовѣрческой церкви; на 5-й день — въ Вознесенскомъ соборѣ, на 6-й день — въ Казанскомъ (старомъ) соборѣ, на 7-й день — въ церкви Св. Троицы. Всенощное бдѣніе

*) А въ первый и послѣдній день по два раза на дню совершалъ богослуженіе: и всенощное бдѣніе и литургію.

въ канунъ недѣли Антипасхи (Өомина Воскресенья) и божественную литургію съ молебномъ послѣ оной въ самый день праздника, Преосвященнѣйшій совершилъ въ Каѳедральномъ соборѣ, такъ какъ главный престолъ освященъ въ честь Воскресенія Христова, и храмовой праздникъ этотъ по уставу положено отправлять въ Недѣлю Антипасхи.

За всю седмицу Пасхи при Архіерейскомъ богослуженіи были произнесены два поученія: одно на 2-й день Пасхи—о значенія Воскресенія Христова, протоіереемъ И. В. Маслвымъ и другое—въ Өомино воскресеніе объ истинной, живой вѣрѣ на слова «Блаженіи не видѣвши вѣровавшие» каѳедральнымъ протоіереемъ Лаврскимъ; оба замѣчательныя по глубинѣ содержанія.

На кладбищѣ въ Пасху.

Христосованье семинаристовъ съ умершими товарищами *).

Тихое, немножко пасмурное весеннее утро. Солнце то показывается изъ за тучъ, то скрывается вновь. Впереди виднѣтъ большой разливъ рѣки и синева лѣса, раскинушагося на далекое пространство; вправо — обширныя здавія желѣзнодорожнаго вокзала; влево — городское кладбище. Подъ звонъ колоколовъ, зазыванія торговокъ и причитанія нищихъ, вступаемъ мы въ его печальныя стѣны. Сотни памятниковъ и крестовъ по обѣимъ сторонамъ дороги: одни уже врыты въ землю и напоминаютъ о множествѣ сгоревшихъ жизней, другіе стоятъ на солнышкѣ длинной веренищцей, готовясь стать печальнымъ украшеніемъ чьей нибудь новой могилы. Время раннее, литургія еще не начиналась, и намъ съ нашимъ спутникомъ, имѣющимъ обычай (никогда не запаздывать, остается не мало времени для занятій „кладбищенской психологіей“. Заглянули мы «въ мертвецкую», (по мѣстному «вскрытый»), тамъ лежитъ трупъ, приготовленный для вскрытія; пошли затѣмъ по дорогѣ вдоль памятниковъ и могильныхъ надписей. Спутникъ мой — самарскій старожилъ — изъ несчастныхъ, нѣсколь- ко лѣтъ уже оплакивающій свою невознаградимую потерю... Здѣсь

*) 13 апрѣля 1900 г.

всѣ почти у него знакомые. Около могильныхъ крестовъ и монументовъ онъ идетъ какъ будто по главной улицѣ города: то и дѣло снимаетъ шапку и раскланивается со своими знакомыми: «членъ суда», «секретарь управы», „полковникъ“, недавно похороненный... Попутно рассказываетъ біографію cadaго, даетъ характеристику, сообщаетъ обстановку смерти и похоронъ, и время отъ времени замѣчаетъ, что вотъ того или этого изъ своихъ знакомыхъ «они сами, на своихъ рукахъ принесли сюда»... Обмѣниваясь впечатлѣніями, дошли мы до противоположнаго конца кладбища и остановились въ созерцательныхъ позахъ. Предъ нами, какъ ряды солдатъ на ученьи, стоятъ кресты на могилахъ умершихъ воиновъ, нѣсколько дальше кладбищъ иновѣрцевъ, а еще дальше за «вѣтрянками» — холерное кладбище: благодарная тема для моего неистощимаго въ воспоминаніяхъ спутника... Посмотрѣли кругомъ, поговорили и пошли назадъ. На обратномъ пути спутникъ мой поименно перечислялъ всѣхъ, скоростижно умершихъ въ холерное лѣто, и я жалѣлъ, что мало времени у насъ оставалось для того, чтобы еще разъ пережить въ воспоминаніяхъ чувство всеобщей паники во время эпидеміи. Мы подходили уже къ церковной паперти; пора было кончить интересный разговоръ... Въ церкви богомольцевъ мало: десятокъ старухъ богадѣльщицъ, да наша молодая семья, во главѣ съ ректоромъ и духовникомъ. Пѣніе будничное. Голосъ стараго запѣвалы — любителя, охрипшаго отъ пережитыхъ житейскихъ тревоженій, напоминаетъ шипѣніе старыхъ часовъ, собирающихся отбивать удары. По окончаніи обѣдни, мы взяли съ собой фонарь, облаченія, кадило и, сопровождаемые праздничнымъ трезвономъ, двинулись «по погосту» христосоваться съ дорогими покойниками *). Обошли сначала три-четыре могилы родственниковъ «старшихъ»: преподавателя, ректора, служителя семинарскаго и батюшки духовника, не дѣлая при этомъ никакихъ различій по рангамъ, считая всѣхъ членами одной общей семинарской семьи; затѣмъ пошли на ученическія могилы...

Далеко, на лѣвой сторонѣ кладбищенской дороги, возвышается маленькая могильная насыпь и крестъ на ней, украшенный вѣнкомъ и лентами. Вѣнокъ пожелтѣлъ отъ времени, а ленты

*) Принесены они сюда „погостить“ до дня всеобщаго воскресенія.

окончательно выцвѣли. Это могила Василя Сѣменникова, умершаго въ 1897 г. (отъ тифа), товарища нынѣшнихъ шестиклассниковъ. Три года тому назадъ схоронили здѣсь они его, своего „богатыря“, по физическому сложенію, и на память о своемъ расположеніи къ нему составили надпись: „подъ крестомъ — моя могила, на крестѣ — моя любовь“... Солнышко выглянуло изъ за тучъ, когда мы подошли къ могилѣ. Ученики поставили на мѣстѣ насыпи фонарь, батюшка взялъ кадило, низко поклонился и положилъ уставный началъ. Всѣ присутствовавшіе: ректоръ за регента, три преподавателя, семинаристы (человѣкъ 15) и служитель, насъ сопровождавшій, отвѣтили: „аминь“, и начали пѣть „Христосъ воскресъ“ и затѣмъ пасхальный канонъ. Стройное, одушевленное пѣніе далеко разносится по окрестности. Кажется, можетъ оно разбудить и уснувшихъ на вѣки. Громче и громче раздаются наиболѣе сильныя мѣста церковныхъ пѣснопѣній: „Тецете и міру проповѣдите, яко воста Господь, умертвивый смерть“. „Утренняя утренняя глубоку“, „Снишелъ еси въ преисподняя земли и сокрушилъ еси верей вѣчныя“. Колокольный звонъ вторитъ одушевленному пѣнію. Мало по-малу наша толпа увеличивается, присоединяются къ ней посторонніе молящіеся и поютъ вмѣстѣ съ нами. Окончивъ пѣніе, батюшка тихо, проникновенно произноситъ отпущекъ и низко склоняется надъ могилой. Мы всѣ останавливаемся на минуту, вспоминая о необычайной крѣпости умершаго, сраженнаго безвременною смертью. Идемъ дальше. Дорогой подходить подъ благословеніе къ ректору какая-то заплаканная барышня; кто знаетъ, быть можетъ и ей дорога эта могила... Еще не большой переходъ, и мы стоимъ у новаго могильнаго памятника. Бѣлый, некрашеный крестъ безъ всякой надписи и вѣнокъ на немъ, повѣшенный любимой рукой, служатъ здѣсь напоминаніемъ о рано угасшей юной жизни. Въ сторонѣ, немного вправо, какое-то жалкое деревцо закрываетъ изголовье. Въ чинномъ молчаніи подходимъ мы къ новому мѣсту упокоенія. Батюшка низко склоняется надъ могильной насыпью и тихо произноситъ: „Христосъ воскресъ“. Грустью, какъ мнѣ показалось, звучатъ пасхальныя пѣсни среди безмолвныхъ могилъ. Трудно юнымъ пѣвцамъ отрѣ-

шиться отъ печальныхъ воспоминаній объ умершихъ товарищахъ, особенно о послѣднемъ изъ нихъ *). Всѣ мы грустили о немъ, чуть не вчера только пѣли предъ его гробомъ погребальныя стихи. Омертвѣвшее, исхудалое лицо его стояло и теперь предъ нами. А давно-ли, давно-ли онъ бесѣдовалъ съ нами въ семинарской больницѣ и, хотя сознавалъ серьезность своей болѣзни, но отгонялъ отъ себя прочь опасность смерти. Великая надежда была у него выздороветь и снова расцвѣсти съ расцвѣтомъ весны... Кончили пѣніе, а все еще не можемъ отрѣшиться отъ докучливыхъ мыслей. Невольно слагается въ сознаніи молчаливая, невыражаемая словами, надгробная рѣчь: „Жаль тебя, талантливый юноша. Еще только расцвѣтала твоя жизнь, когда ты покинулъ насъ на вѣки. Всею силой жизненной энергіи боролся ты съ своимъ недугомъ, гналъ дальше отъ себя страшный призракъ. На смертномъ уже одрѣ, въ конецъ сраженный болѣзнию, едва будучи въ силахъ говорить, ты думалъ о высшей наукѣ, мечтой сврашивалъ горькую дѣйствительность... Злая судьба помѣшала тебѣ войти въ святилище знанія, не дала она размахнуться вширь твоимъ могучимъ крыльямъ... Въмѣсто желанія блестящихъ успѣховъ, мы принесли тебѣ загробный привѣтъ. Прими его. И да приметъ Всевышній нашу молитву о чистой душѣ твоей. Земной тебѣ поклонъ и вѣчная память!“

Идемъ еще далѣе. Почти у самой кладбищенской ограды пріютилась всѣми забытая могила скончавшагося въ минувшемъ году на святкахъ, первоклассника (Александра Покровскаго). Крестъ на ней покосился; маленькій мѣдный образокъ потускнѣлъ отъ времени; на правой сторонѣ креста кто-то камень положилъ, неизвѣстно зачѣмъ. Вспомнили мы и этого юношу и на его могилѣ также пропѣли „Воскресенія день“. И онъ, вѣдь, также близкій намъ. Скоро-ли еще придутъ навѣстить его болѣе близкіе... Пройдетъ десятокъ лѣтъ, и самая могила сравняется съ землей, не отыщетъ даже родная мать, гдѣ похороненъ ея сынъ.

Помянувъ на панихидѣ р. Б. отрока Александра, влѣсть

*) Константинъ Валенковъ, ученикъ 6 класса; умеръ въ ночь на великій вторникъ отъ чахотки; могила его еще совсѣмъ свѣжая.

съ другими, умершими въ послѣдніе годы вдали отъ Самары воспитанниками нашей Семинаріи, спѣшной поступью выходимъ съ кладбища по тропинкѣ, ведущей вдоль церковной ограды. Вблизи видѣются привѣтливые домики священно-служителей; оживленное настроеніе кладбищенскихъ богомольцевъ нѣсколько сглаживаетъ грустныя думы... Въ воздухѣ пахнетъ весною, день развеселился; солнце привѣтливо свѣтитъ съ высоты неба. Подходимъ ближе къ домамъ священниковъ и останавливаемся на минуту на дворѣ передъ церковью. Здѣсь все тѣже картины, что и съ утра. Съ разныхъ сторонъ „болящіе, слѣпые и хромые“, весь тотъ бѣдный отъ болѣзни и праздности людъ, что питается поминальнымъ подаяніемъ. Два-три старика съ сумой черезъ плечо, собираютъ милостыню. Въ сторонѣ — двое слѣпыхъ; около одного лежитъ колыбель, другой держитъ въ рукѣ чашку и заунывнымъ голосомъ тянетъ: „Милостивые благодѣтели, православные христіане, подайте слѣпому, убогому“... Маленькая дѣвочка — нищенка пріютилась около стѣны священническаго дома и играетъ камешками, весело смотря впередъ ясными глазами, не омраченными еще житейской заботой. Около церкви на могилахъ столпились богомольцы; священникъ въ золотистой ризѣ, діаконъ и знакомый запѣвала — любитель поютъ панихиду; предстоящіе молятся. Вблизи стоитъ корзина съ хлѣбами и крашеными яйцами.

Въ трогательномъ чувствѣ душевной теплоты и примиренія оставили мы церковный погостъ. Настроеніе грустное, а тихо, свѣтло на сердцѣ. Какъ будто мы вновь, послѣ долгой разлуки, бесѣдовали съ своими умершими; будто снова на моментъ воскресили ихъ къ жизни и общенію. Рѣдкія въ жизни минуты. Богъ знаетъ когда еще разъ онѣ повторятся... развѣ тогда, когда ктонибудь изъ этихъ юношей, въ ту пору уже облеченный въ іерейскій санъ, будетъ совершать безкровную жертву въ Радуницу, гдѣнибудь въ далекомъ селѣ, и вновь помянетъ товарищей своихъ, похороненныхъ на этомъ кладбищѣ; да развѣ тогда, когда чрезъ много лѣтъ, потерявъ все дорогое въ жизни, придетъ онъ въ первый день Пасхи на родную могилу: усталый, сядетъ вблизи холоднаго памятника, передастъ этой могилѣ всѣ свои думы,

что въ ту пору будутъ волновать его сердце, быть можетъ поплачетъ, быть можетъ долго и грустно посмотритъ на могильную насыпь, помолится, положить земной поклонъ, и тихо побредетъ домой, опираясь на старческій посохъ.

К. К.

Отрадное и желательное явленіе.

Кому не извѣстна горькая доля женъ и дѣтей духовенства, лишающихся въ лицѣ мужа и отца единственнаго кормильца? Осиротѣлая семья, остающаяся съ достаточными для прокормленія и воспитанія средствами, явленіе весьма рѣдкое, даже исключительное. Нѣкоторой матеріальной поддержкой является имѣющая въ Самарской епархіи эмеритальная касса. Но 1) далеко не все духовенство пользуется ея услугами; 2) при постоянно увеличивающейся дороговизнѣ содержанія даже и въ селахъ и при осложненности потребностей житейскихъ эмеритальная касса можетъ удовлетворить только часть существенныхъ нуждъ. Обычный исходъ вдовъ духовенства — занять мѣсто просфорни. Но эта скудная должность едва спасаетъ отъ голодной смерти. Большаго она дать не можетъ. Вотъ почему мы съ удовольствіемъ отмѣчаемъ явленіе, занесенное на страницы случайно попавшагося намъ „Отчета по Пензенскому епархіально-свѣчному заводу за 189⁸/₉ хозяйственный годъ», въ каковомъ отчетѣ (ст. 40) значатся нѣсколько вдовъ и дѣвицъ духовенства завѣдующими свѣчными лавками съ жалованьемъ отъ 8 до 10 руб. въ мѣсяцъ *). Нельзя не признать это явленіе и идейнымъ и практичнымъ. *Идейно* оно потому, что избавляетъ священниковъ отъ несвойственнаго имъ торгашества, давая имъ большую возможность работать по храму, приходу и школѣ. Многіе священники положительно тяготятся завѣдываніемъ свѣчными лавочками и только по необходимости несутъ это бремя, иногда съ явнымъ ущербомъ для интересовъ прихода и отчетности по лавочкѣ **). Этого не можетъ быть, когда въ завѣдыванію лавоч-

*) Въ общей сложности операція Пензенскаго епархіальнаго завода болѣе, чѣмъ на половину менѣе операцій Самарскаго завода.

***) Насколько разнообразна дѣятельность священника см. слѣд. статью «Что дѣлаетъ духовенство».

кой приставлено особое, свободное отъ всякихъ другихъ обязанностей лицо изъ неустроенныхъ и, быть можетъ, ни въ какому болѣе труду не способныхъ сиротъ духовенства. *Практично* это явление потому, что даетъ возможность собираемыя духовными попечительствами деньги употреблять въ болѣе солидныхъ размѣрахъ на помощь лицамъ, совершенно неспособнымъ ни къ какому труду, больнымъ, престарѣлымъ и т. д. Развѣ напр. можно хотя бы какъ нибудь просуществовать на выдаваемые попечительствомъ вдовамъ священниковъ 16 руб. въ годъ? Никакихъ личныхъ препятствій въ обездоленныхъ женщинахъ духовенства къ завѣдыванію свѣчными лавочками быть не можетъ. Если, кромѣ священниковъ, лавочками завѣдуютъ приказчики, люди, не имѣющіе никакихъ особенныхъ гарантій въ правильности торговли, отчетности и исправности въ доставленіи суммъ; то отчего не предоставить этотъ кусокъ сиротамъ изъ духовенства, которые не становились-бы бременемъ для общества, или для своихъ родныхъ, а добывая кусокъ честнымъ трудомъ какъ въ своемъ личномъ мнѣніи, такъ и во мнѣніи другихъ считались-бы людьми полезными и дѣтельными. Нашла-же возможность казна довѣрять свое имущество въ винныхъ лавкахъ женщинѣ; отчего же женщина не можетъ быть приставлена къ торговлѣ восковыми свѣчами, деревяннымъ масломъ и ладаномъ? Пусть отмѣченное явление въ Пензенской епархіи сдѣлается всеобщимъ. Пусть только тѣ, отъ кого это зависитъ, скажутъ о немъ свое авторитетное и сочувственное слово; сдѣлаютъ явление, пока исключительное, всеобщимъ и тѣмъ утрутъ не одну слезу сиротъ духовныхъ.

Что дѣлаетъ духовенство.

Первое дѣло духовенства, разумѣется, служба, которая во многихъ приходахъ ежедневно, и отправленіе приходскихъ требъ. Предъ службой полагается извѣстное приготовленіе — правило, а сверхъ того и приготовленіе поученія (прав. 19-е Трул. соб.), если и не своего, а чужаго, то во всякомъ случаѣ приноровленнаго къ потребностямъ слушателей и ко времени. Изъ требъ особенно обременительны и рискованны для духовенства браки, при

которыхъ требуется строжайшая провѣрка документовъ, собраніе необходимыхъ свѣдѣній, соблюденіе предбрачныхъ предосторожностей и проч. и проч. Далѣе слѣдуетъ школа; въ послѣднее время не рѣдкость двѣ, или три въ одномъ приходѣ, и во всѣхъ ихъ священникъ—обязательный законоучитель. Опытъ показалъ, что въ виду физической невозможности отправлять и службу церковную, и вести неопустительно занятія въ школѣ, а въ приходѣхъ сектантскихъ еще и заниматься миссіей, нерѣдко одно изъ указанныхъ дѣлъ отправляется на счетъ другого. Такъ въ нашей Самарской епархіи нашлись приходы, гдѣ ежедневная безъ пропусковъ церковная служба, вслѣдствіе отвлеченія священниковъ школьными занятіями, стала производиться 2—3 раза въ недѣлю. И это при молодыхъ, энергичныхъ священникахъ. Кромѣ указанныхъ занятій, на священникѣ лежитъ, если не лично, то подъ его отвѣтственностію, масса обязанностей канцелярскихъ, бухгалтерскихъ и статистическихъ. Причтъ долженъ вести: 1) *метрическія книги* о родившихся, бракомъ сочетавшихся и объ умершихъ (въ двухъ экземплярахъ), гдѣ требуется самое точное соблюденіе формальностей подъ опасеніемъ быть оштрафованнымъ; 2) *обыскную книгу*, самую строгую и страшную для причтовъ. При этомъ требуется строжайшая разборка представляемыхъ документовъ, ибо незамѣченный въ свое время подлогъ и фальшь могутъ обнаружиться даже чрезъ нѣсколько лѣтъ и тяжкимъ бременемъ обрушиться на повѣнчавшій причтъ; 3) *приходо-расходныя книги* и *вѣдомости* о приходѣ и остаткѣ денежныхъ суммъ и капиталовъ. Вѣдомостей этихъ нѣсколько, подъ лит.² А, Б, В, Г, и Д; 4) *клировыя вѣдомости* въ четырехъ экземплярахъ; 5) *исповѣдныя росписи* въ двухъ экземплярахъ; 6) *запись* о приходѣ, расходѣ и остаткѣ вѣнчиковъ и листовъ разрѣшительной молитвы; 7) *валовую вѣдомость*, представляемую вмѣстѣ съ метриками (въ ней 27 рубрикъ); 8) посылать въ Военскія Присутствія метрическія выписи о лицахъ, подлежащихъ призыву къ отбытію военной повинности; 9) выдавать метрическія *выписи* по требованію нуждающихся въ нихъ; 10) выдавать свидѣтельства о бытіи на исповѣди и у св. причастія; 11) справки вся-

каго рода по составленію обысковъ и друг.; 12) рапорты и дневники по дѣламъ миссіонерскимъ, инородческимъ и т. д.; 13) Богослужбный журналъ. 14) Слѣдственные дѣла, иногда очень сложныя.. Сверхъ того, неизбежна текущая переписка, реэстры входящихъ и исходящихъ.

Нечего и говорить, если выдумаютъ занятія физическимъ оздоровленіемъ сель и ихъ обитателей, то непременно, назначать священниковъ, предсѣдателемъ санитарной комиссіи; а если—чего Боже упаси—случится голодъ, то священникъ—первый распорядитель съѣстными припасами для голодающихъ. Обычный ремонтъ, или устройство церкви, школь (церковно-приходскихъ, даже земскихъ) и причтовыхъ домовъ большею частію ложатся своею тяжестью на священника, какъ на лицо, болѣе другихъ заинтересованное и правоспособное: онъ обращается и къ преосвященному и къ земскому начальнику и къ сильнымъ прихожанамъ. Не слѣдуетъ забывать, что священникъ человекъ семейный и какой ни на есть хозяинъ. Нужно дѣтей отправить въ школу и устроить; а возвратившись озаботиться и собственной хатой и будущимъ пропитаніемъ: у него вѣтъ квартиры съ готовымъ тепломъ, свѣтомъ и столомъ. Обо всемъ этомъ онъ долженъ позаботиться самъ. Иначе его же назовутъ нерадивымъ и беззаботнымъ. Таковы занятія священника, не облеченнаго никакими особенными правилами и полномочіями. А что сказать о благочинныхъ, ихъ помощникахъ, наблюдателяхъ, слѣдователяхъ и проч. Приходская ихъ дѣятельность положительно забрасывается по причинамъ, отъ нихъ независящимъ. То отлучки по ревизіи, то составленіе отчетовъ, разбирательство разныхъ недоумѣній, руководственныхъ указаній духовенству и т. д. и т. д.

Простой перечень занятій духовенства показываетъ, насколько къ пастырскому служенію духа, примѣшались элементы характера чиновническаго и сдѣлали изъ духовнаго отца священника-чиновника, который при всемъ желаніи быть исправнымъ не можетъ быть таковымъ: займется службой, дѣлаются опущенія по школь, недовольны наблюдатели; займется школами, опускаетъ службу, жалуются прихожане, поставляетъ на видъ благочинный;

обратилъ вниманіе на церковную школу, ослабились занятія въ земской, доноситъ инспекторъ народныхъ школъ. Какъ хочешь, — такъ и поступиай. Разорвись, а успѣвай и всѣхъ утоли: одного успокой, предъ другимъ оправдайся, третьему обѣщай исправленіе опущеній и т. д. И проходитъ время въ занятіяхъ совсѣмъ не пастырскихъ. Нѣтъ спокойной, методичной дѣятельности; всюду порывистость, нервность, или случайное увлеченіе, или подневольное исполненіе. Неудивительно, что совсѣмъ исчезнетъ типъ пастыря-отца духовнаго, серьезнаго, спокойнаго, вдумчиваго, сосредоточеннаго, занимающагося саморазвитіемъ и чтеніемъ. Такой типъ составляетъ теперь рѣдкое исключеніе, остающееся только при какихъ-либо исключительныхъ условіяхъ. вмѣсто того, народился типъ пастыря—чиновника, бѣгающаго по присутственнымъ мѣстамъ и административнымъ лицамъ, по канцеляріямъ, ходатайствующаго о жалованьѣ, субсидіи на постройку школы, всегда торопливаго, нервнаго, возбужденнаго. Очевидно, въ этомъ отношеніи и духовное сословіе платитъ дань нервному вѣку.

КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Церковная школа въ настоящее время служитъ постоянною темою разговоровъ, предметомъ постоянныхъ заботъ и хлопотъ среди духовенства епархіи. Между церковно-приходскою школою и приходскимъ духовенствомъ установилась тѣсная и неразрывная связь. Укрѣпленію этой связи весьма много способствовала и способствуетъ то, что являясь въ церковной школѣ законоучителемъ, приходскій священникъ является здѣсь и завѣдующимъ, руководителемъ и наблюдателемъ. Обязанность завѣдущаго налагаютъ на приходскаго священника заботы не только о нуждахъ учащихся, но и о нуждахъ школы и учащихся въ ней. И къ чести духовенства Самарской епархіи, лица близко стоящія къ церковно-школьному дѣлу въ епархіи, единогласно свидѣтельствуютъ, что сознаніе необходимости и пользы законоучительства, учительства и завѣдыванія въ церковныхъ школахъ прихода настолько въ настоящее время окрѣпло среди духовенства епархіи, что нѣтъ почти ни одного прихода, гдѣ бы заботами приходскаго пастыря не была открыта церковная школа.

Столь твердая связь между церковною школою и приходским духовенствомъ, установившаяся среди духовенства епархіи, служитъ несомнѣннымъ ручательствомъ тому, что краткіе очерки церковно-школьной жизни въ епархіи, которые мы намѣрены по временамъ, по мѣрѣ накопленія матеріала, сообщать въ формѣ церковно-школьной хроники на страницахъ епархіальнаго органа къ свѣдѣнію читателей его, не безъ интереса прочтутся многими церковно-школьными дѣятелями и смѣемъ даже питать надежду, что выдающіеся труды нѣкоторыхъ, довольно многочисленныхъ церковно-школьных дѣятелей, о которыхъ будетъ сообщено въ хроникѣ, послужатъ примѣромъ, достойнымъ подражанія для многихъ молодыхъ неопытныхъ труженниковъ церковной школы и побудятъ къ дѣятельности тѣхъ, которые почему-либо необнаруживали особой ревности, такъ какъ общеизвѣстная истина, что примѣръ добрый и живой убѣждаетъ въ истинѣ сильнѣе всякихъ краснорѣчивыхъ разсужденій о ней.

Въ церковно-школьной хроникѣ мы намѣрены отмѣчать всѣ выдающіяся явленія церковно-школьной жизни, которыми такъ богата наша епархіа, за текущій годъ, — сообщать всѣ тѣ мѣропріятія и предположенія учрежденій и лицъ, близко стоящихъ къ церковно-школьному дѣлу, которыя могли бы способствовать къ подъему и развитію церковныхъ школъ въ епархіи; особенное же вниманіе намѣрены удѣлить вопросу объ улучшеніи положенія учащихся въ церковныхъ школахъ и о мѣрахъ къ скорѣйшему осуществленію въ епархіи общедоступнаго обученія. Церковная школа, въ формѣ школы грамоты, является въ этомъ отношеніи неоспоримымъ благомъ, какъ созданіе чисто русской самобытной народной жизни, могущее проникнуть въ самыя отдаленныя, глухія и малонаселенныя мѣста епархіи безъ всякихъ отягощеній населенія особыми обложеніями.

Церковно-школьная хроника.

1) Близкое окончаніе учебнаго года для большинства церковныхъ школъ въ епархіи. 2) Переводные и выпускные экзамены въ церковныхъ школахъ, льготныя испытанія и ихъ значенія въ общемъ строѣ церковно-школьной жизни. Краткія статистическія свѣдѣнія о церковныхъ школахъ къ 1-му января 1900 г.

Вотъ уже и мартъ прошелъ и наступилъ послѣдній учебный мѣсяць для большинства церковныхъ школъ въ епар-

хія. Съ первыми признаками весны крестьянскія дѣти — школьники начинаютъ отрываться родителями отъ школьныхъ занятій и привлекаться къ живому и дѣятельному участию въ неотложныхъ сельско-хозяйственныхъ работахъ: кто нанимается въ работники, кто въ подпаски, кто отправляется на заработки, и день ото дня ряды школьниковъ рѣдѣютъ и рѣдѣютъ, а къ Пасхѣ во многихъ школахъ остается одно только 3-е старшее отдѣленіе. Часто, къ великому огорченію учащихъ, покидаютъ школу и ученики этого отдѣленія.

Имѣя въ виду близкое окончаніе учебныхъ занятій въ большинствѣ церковныхъ школъ епархіи, наши церковно-школьные дѣятели въ настоящее время заняты подведеніемъ итоговъ своей годичной учебной дѣятельности, производствомъ переводныхъ испытаній изъ одного отдѣленія въ другое — слѣдующее. Льготныя испытанія, по обычаю, будутъ произведены во 2-й половинѣ апрѣля и 1-й половинѣ мая. Время это для производства выпускныхъ экзаменовъ освящено многолѣтней практикой какъ церковныхъ, такъ и земскихъ школъ, но считать его удобнымъ, по нашему мнѣнію, нельзя, ибо во многихъ школахъ приходится на экзамены приводить съ поля, отрывать отъ работы, а въ иныхъ случаяхъ терять даже лучшихъ учениковъ. Было бы желательно (объ этомъ уже и идетъ рѣчь во многихъ мѣстахъ) перенести экзамены на февраль и мартъ или даже на декабрь, сдѣлавъ гражданскій годъ учебнымъ годомъ.

Производство выпускныхъ экзаменовъ въ церковныхъ школахъ въ настоящемъ году взяли на себя многіе земскіе начальники, инспекторы народныхъ училищъ и уѣздные предводители дворянства. Такое вниманіе свѣтскихъ административныхъ лицъ къ церковной школѣ должно быть особенно пріятно для труженниковъ церковной школы и весьма важно для самой церковной школы. Свѣтскія лица не могутъ быть заподозрѣны въ пристрастіи къ церковнымъ школамъ, когда со стороны ихъ послѣдуетъ добрый отзывъ объ успѣхахъ учебнаго дѣла въ церковныхъ школахъ.

Въ настоящемъ году всѣмъ кончающимъ курсъ въ церковно-

приходскихъ школахъ, согласно напоминанію Преосвященнѣйшаго Гурія, будутъ выданы въ напутствіе и благословеніе Св. Евангелія. Это обстоятельство усугубитъ торжество, съ какимъ обычно производятся экзамены въ начальныхъ школахъ. Въ земскихъ школахъ Самарскаго уѣзда по постановленію послѣдняго земскаго собранія 11 мая, въ день св. Кирилла и Меодія, имѣетъ быть послѣ божественной литургіи и молебна, торжественный актъ. Хорошо бы такіе акты устроить и во всѣхъ церковныхъ школахъ епархіи. Въ заключеніе по поводу экзаменовъ позволяемъ себѣ высказать пожеланія, чтобы экзамены учащихся произведены были по возможности въ тѣхъ самыхъ школахъ, гдѣ они учились: родители и ученики съ большею неохотою—но только по необходимости—ѣздятъ въ сосѣднія селенія. Къ тому же въ своей школѣ, какъ говорятъ, и стѣны помогаютъ, а въ чужой частѣ и хорошіе ученики пасуютъ.

О В Ъ Я В Л Е Н І Я .

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

И. Л. ТУЗОВА

между прочими продаются слѣдующія книги:

(Продолженіе).

Дестунисъ Софія. Житія святыхъ, ежедневное чтеніе для народа и для церк.-прих. шк. Со включ. 1) мѣсяцеслова, 2) объясненія праздн. и 3) указанія дней особен. честв. Бож. Маг. Съ 120 изобр. св., 12 книж. Спб. 1898 г. 1 р. 80 к., въ кол. пер. въ 2-хъ вк. ц. 3 р. 30 к. По ея же книгѣ „Житій свят.“ изд. 1886 г. одобр. Уч. Ком. при Св. Свн. 27 іюня 1886 г. № 428) и Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. (20 мая 1887 г. № 7623).

Дмитріевскій И. Истор. догм. и таинств. изъясненіе божественной литургіи, основ. на свящ. пис., прав. всел. и помѣстн. собор. и на писан. св. отцовъ церк. Съ рис. акад. Солнцева.

Спб., 1897 г. ц. 2 р. 50 к., въ кол. пер. 3 р. 50 к. *Мин. Нар. Пр. одоб. для фундам. библ. ср. уч. зав.* (21 іюля 1894 г. № 14375).

Добровольскій И., канд. бог. Справочная квіга для православнаго духовенства. Спб., 1898 г., ц. 1 р.

Есиповъ Н. Н. Свят. и чудотв. арх. Черниг. Θεодосій. Угл. 1) Житіе. 2) Прол. и чуд. 3) Торжество открыт. мощей свят. Съ прил. патріарш. и царск. граматы, автографовъ и писемъ св. Θεодосія, хронологич. указат. событ. съ 1630 по 1999 г. и опис. собор., гдѣ покоились и вынѣ почиваютъ моща св. Θεодосія, и со мног. рис. Спб., 1897 г., ц. 1 р., въ коленк. перепл. 2 р.

Опредѣлен. Учебнаго Комитета при Св. Синодѣ утвержденнымъ г. Обер-Прокуроромъ Св. Синода, постановлено: допуститъ къ пріобрѣтенію въ ученическія библіотеки духовныхъ семинарій, мужескихъ духовныхъ и женскихъ епархіальныхъ училищъ („Церк. Вѣд. № 29-й, 1898 г.).

Ивановъ А. Руков. къ изъясн. чтен. Апостольскихъ посланій и Апокалипсиса. Изд. 4-е. *Од. Уч. Ком. при Св. Свн. для сем.* Спб. 1893 г., цѣна 2 р. 50 к.

— Руков. къ изъясн. чтен. Четвероевангелія и дѣяній Апостольскихъ. Изд. 2-е съ прилож. карты Палест. во время жизни І. Христа. Спб. 1894 г., ц. 2 р. 50 к. *Учеб. Ком. при Св. Свн одоб. для употр. въ сем.*

Игнатій еп. (Брянч.) Сочиненія. Съ прил. портъ авт. Изд. 2-е. 6 т. Спб., 1886 - 91 г., цѣна 13 р. въ кол. пер. 19 р.

— О терпѣніи скорбей. Ученіе святыхъ отцовъ. Изд. 3-е. Спб., 1893 г., ц. 50 к., въ кол. пер. 1 р. *Мин. Нар. Пр. одоб. для учен. библ. средн. и низш. учебн. зав.* 2 сент. 1881 г., № 12959.

— Отечникъ. Избранныя изреченія святыхъ иконовъ и повѣсти изъ жизни ихъ собранныя. Спб., 1891 г., ц. 3 р., въ пер. 4 р.

Слово о смерти и прибавленіе къ нему. Изд. 5-е. Спб. 1886 г., ц. 1 р. 25 к. Въ коленк. пер. 2 р.

Игнатъевъ П. Благочестивыя размышл. пр. христiанина о своей душѣ. На каждый день мѣсяца. Съ изреч. заимствов. изъ свящ. писан., св. отцовъ и святит.церкви и древн. филос. Спб., 1890 г. ц. 30 к., въ коленк. перепл. 75 к.

Избранныя изъ житiй святыхъ чудеса и видѣнiя, какъ доказательства различн. истинъ христ. правосл. вѣры. Материалъ для пастырей при составл. поуч. и назидат. чтенiе для всѣхъ правосл. христ. Сост. прот. **Θ. Л.** Изд. 3-е. Спб. 1891 г., ц. 1 р., въ кол. пер. 1 р. 75 к.

Иннокентiй, митр. Москов. Творенiя. Книга первая, вторая и третья. Собраны **И. Барсуковымъ**. М., 1886—88 г., ц. за 3 тома 6 р.

Иринея, св. еп. Лионскiй. Сочиненiя. Изд. въ русск. перев. прот. **П. А. Преображенскимъ**. 1) Пять книгъ противъ ересей. 2) Отрывки изъ утрач. сочин. св. Иринея. М., 1871 г., ц. 3 руб. *Ученымъ Ком. Мин. Нар. Пр. одобр. для библ. средн. учебн. завед. Министерства.* (25 ноября 1898 г. № 28740).

Іоаннъ св. Дамаск. Точное изложенiе православной вѣры. Творенiе св. Іоанна Дамаскина. Съ греч. перев. и снабд. перев. предисл., примѣч. и указател. **А. Бронзовъ**. Спб., 1894 г., ц. 2 руб.

— Три защитительн. сыова противъ порицающ. святыхъ иконы или ообраз. Съ греч. перев. **А. Бронзовъ**. Спб., 1893 г., ц. 1 руб.

Іоаннъ Злат. св. О воспитанiи дѣтей. Переводъ **Филарета** архіеп. Черниговскаго. Спб., 1889 г., ц. 10 к.

— О дѣвствѣ. Перев. **Марiи В—вой**. Изд. 2-е. Спб., 1892 г., ц. 50 к.

Іустинъ еп. Зерцало православнаго исповѣданiя свят. **Дмитрiя Рост.**, въ русск. перев. Спб., 1898 г., ц. 15 коп.

Іустинъ св., философ. и муч. Сочиненiя. Изд. въ русск. перев. со введен. и примѣч. къ нимъ, прот. **П. А. Преображенскимъ**. Отд. 1. Первая и вторая апалогiя. — Разговоръ съ Трифономъ Іудеемъ. От. II. Посл. къ Дiогнету. — Рѣчь къ Элли-

намъ. — Увѣщан. къ Элинамъ. — О единовластительствѣ. — Отрывокъ о Воскресеніи. М., 1891 г., ц. 2 р.

На пересылку книгъ магазинъ покорнѣйше проситъ прилагать по 20 коп. на каждый рубль.

Магазинъ снабженъ выборомъ книгъ духовно-правственныхъ.

Подробный каталогъ магазина на 1900 годъ высылается за 5 почтовыхъ марокъ по 7 коп. или за 35 коп.

Требованіе Гг. иногородныхъ исполняются съ первою почтою.

Колокольно-литейный заводъ

НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА КАМЕНЕВА

бывшій Бр. ГУДКОВЫХЪ, въ Саратовѣ.

Основанъ въ 1817 г.

За Всероссійскую Промышленно-Художественную выставку въ Н.-Новгородѣ 1896 г. большая серебряная медаль. За Саратовскую Сельско-Хозяйственную выставку 1899 г. большая серебряная медаль.

Заводъ принимаетъ заказы на выливку новыхъ и переливку старыхъ колоколовъ разнаго вѣса, также и доставку какъ по желѣзнымъ дорогамъ, такъ и воднымъ путямъ; поднимать колокола на колокольную, даетъ ручательство въ прочности колоколовъ и дѣлаетъ разсрочку платежа на разные сроки; при заводѣ всегда имѣются для продажи готовые колокола, вѣсомъ отъ 150 пудовъ и до 10 фунт. разной величины.

1850—1900.

5 марта.

М.м. Г.г.

Имѣю честь увѣдомить
Васъ, что сего 5 марта 1900
года исполнилось пять де-
сятъ лѣтъ со дня откры-
тія мною торговли въ гор.
Самарѣ, почему покорнѣй-
ше прошу Васъ почтить
меня своимъ расположені-
емъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть

Вашъ покорнѣйшій слуга

Аковъ Васильевичъ Жалалевъ.

МАГАЗИНЪ ГОТОВАГО ПЛАТЬЯ И ОБУВИ

А. П. ПОЖИДАЕВА

ВЪ САМАРЬ, Панская ул., д. Суховскихъ.

ВНОВЬ получено — приготовлено къ весеннему и лѣтнему сезону по послѣднимъ Парижскимъ и Вѣнскимъ моделямъ,

МУЖСКОЕ, ДАМСКОЕ И ДѢТСКОЕ ПЛАТЬЕ.

А также получены всевозможные МАТЕРІАЛЫ русскихъ и заграничныхъ фабрикъ,

А ИМЕННО:

драпъ, драпъ-шивіотъ, сукно, трико, букле, шивіотъ, шелковый и шерстяной плюшъ и др. модныя ткани.

Изъ всѣхъ вышеозначенныхъ матеріаловъ принимаются ЗАКАЗЫ по послѣднимъ Парижскимъ и Вѣнскимъ моделямъ, подъ личнымъ наблюден. опытныхъ закройщиковъ

Принимаются заказы на костюмы всѣхъ вѣдом. и духовное платье.

Постоянно имѣю въ большомъ выборѣ
ВСЕВОЗМОЖНЫЕ МѢХА И МѢХОВЫЯ ВЕЩИ.

ОБУВЬ,

МУЖСКАЯ, ДАМСКАЯ И ДѢТСКАЯ, С.-Петербург., Московск. и Варшавск. фабрикъ. А также принимаются ЗАКАЗЫ. Дорожныя вещи: чемоданы, сакъ-воажи, сакъ-баулы, кожаны, пальто, шведскія куртки и виксатиновые непромокаемые плащи и накидки. Дождевые зонты.

24—15 Цѣны на всѣ товары поставлены САМЫЯ ДЕШЕВЫЯ.

Въ большомъ выборѣ:

кружева, ленты, аграмантъ, сутажъ, рюшь, газъ, крепъ, бархатъ, цвѣты, эгреты, гарнитуры кружевные и снуровыя для платья, накидки, шитье по батисту русское и швейцарское, чулки, носки, корсеты, перчатки, галстуки, бѣлье, зонты, трости, кушаки дамскія и мужскія, альбомы, вѣера, несесеры, ридикюли, кошельки, портъ-монэ, портъ-сигары, бумажники, рамки, кашнэ мужское, платки, шарфы, фуфайки дамск. и мужск. д-ра Эгера, костюмы дѣтскіе, платки Оренбургскіе и Пензенскіе, свадебныя шкатулки, уборы для невѣстъ, туалетныя—кабинетныя вещи, бинокли, щетки головныя и плательныя, шпильки, гребни, джерсе, юбки шелковыя и шерстяныя, приклады для портныхъ и портнихъ, манекэны, бумага чулочная—швейная разныхъ фабрикъ, принадлежности для мебели: бахрома, кисти, анбразы, подхваты, снуръ, тесьма. Иконы, кіоты, клеенка, парфюмерія русскихъ и заграничныхъ фабрикъ.

Дамскія дѣтскія шляпы.

Пріемъ заказовъ на отдѣлку и передѣлку. Вѣнки металлическіе французской работы и много другихъ товаровъ.

БАЗАРЪ ИГРУШЕКЪ.

Цѣны на всѣ предметы поставлены очень дешевыя

БЕЗЪ ЗАПРОСА.

Вновь открытый магазинъ модъ и галантерейныхъ товаровъ

НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА

КОНОНОВА.

Самара. Дворянская ул., домъ Поповой. Телефонъ 280.

Объявленіе
ТОРГОВАГО ДОМА САДОВЛАДѢЛЬЦЕВЪ
Бр. РѢзаковыхъ
ВЪ Г. ВЛАДИКАВКАЗѢ.

Симъ имѣемъ честь довести до свѣдѣнія, что вина нашихъ Владикавказскихъ садовъ высокаго качества натуральныя, выдержанныя въ виноградныхъ дворахъ на мѣстѣ производства, имѣются въ продажѣ въ г. САМАРѢ въ складѣ

Г. И. ИВАНОВА

на углу Заводской и Соборной улицъ.

ПРОДАЖА БОЧКАМИ И ВЪ РОЗНИЦУ.

Вниманіе наше обращено на церковныя вина, чтобы поставлять чистый продуктъ винограда, строго избѣгая всякихъ суррогатовъ и не прибѣгая къ разнымъ рекламамъ. Будемъ стараться заслужить на дѣлѣ довѣріе г.г. покупателей.

Братья РѢзаковы.

Складъ Иванова по требованіямъ отправляетъ церковныя вина на всѣ станціи ж. д. и пароходныя пристани съ наложеннымъ платежемъ. Для церквей скидка 10% съ руб.

СТРАХОВАНИЕ ПОЖИЗНЕННЫХЪ ДОХОДОВЪ.

Лицамъ, желающимъ получать отъ своихъ капиталовъ неизмѣняющійся доходъ въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ даетъ обыкновенное помѣщеніе ихъ, рекомендуется заключить страхование пожизненныхъ доходовъ въ **Страховомъ Обществѣ „Россія“** посредствомъ единовременнаго взноса въ общество.

Возрастъ страхуемаго при заключеніи страхованія	55 л.	60 л.	65 л.	70 л.	75 л.	80 л.
Пожизненный доходъ отъ внесеннаго капитала	8,07 ⁰ / ₀	9,44 ⁰ / ₀	11,14 ⁰ / ₀	13,46 ⁰ / ₀	16,03 ⁰ / ₀	17,77 ⁰ / ₀

Такого рода страхованія пригодны также для обезпеченія неправоспособныхъ лицъ всякаго возраста, опекаемыхъ страхователемъ, для призрѣнія преданныхъ престарѣлыхъ слугъ и въ другихъ случаяхъ.

Подробности въ Правленіи (С.-Петербургъ, Большая Морская, д. № 37), у агентовъ въ г. Самарѣ С. М. Тикунова (Казанская улица домъ Маркова) и П. А. Коновалова (Николаевская улица собственный домъ) и у агентовъ Общества во всѣхъ городахъ Имперіи.

СТРАХОВОЕ ОБЩЕСТВО „РОССІЯ“.

Наличные фонды Общества свыше 38,000,000 руб.

ПОСТОЯННАЯ ТОРГОВЛЯ

ОБОДОРА ПУГИНА
СПИРИДОНОВИЧА

ВЪ САМАРѢ, близъ ярмарки

ГОТОВЫМИ КОЛОКОЛАМИ

24—10 съ Саратовскаго завода О. И. Медвѣдовой.

ЕПАРХИАЛЬНЫЙ и ГУБЕРНСКИЙ АРХИТЕКТРЪ Θ. С. Хилинскій

имѣетъ большой выборъ чертежей съ готовыми смѣтами: церквей, школъ и церквей--школъ, а также и причтовыхъ домовъ, уже выстроенныхъ въ епархіи. Принимаетъ на себя устройство всякаго рода печей (голландскихъ, круглыхъ и колориферныхъ) съ вентиляціей и топкою на дрова, кизякъ и нефть.

МАСТЕРСКАЯ СПЕЦИАЛЬНО ЦЕРКОВНОЙ ЖИВОПИСИ

Н. И. Иванова-Баронскаго.

Г. Самара. Ново-Соборная ул., домъ Пронина, между Москательной и Алексѣевской.

Принимаю всѣ церковныя живописныя работы, стѣнную роспись, въ иконостасѣ иконы, реставрирую старыя и т. п. Съ исполненіемъ работъ могутъ ознакомиться въ г. Самарѣ, въ храмахъ: Воскресенскомъ, Петра и Павла и Успенской и во многихъ другихъ. При мастерской готовыя иконы и картины. По желанію разсрочиваю платежъ до 3-хъ лѣтъ.

АРХИТЕКТОРЪ ГУБЕРН. ПРАВЛЕНІЯ

З. КЛЕЙНЕРМАНЪ

Саратовская улица, домъ Челышева, кв. № 12 средній подъездъ.

ЦЕРКОВНЫЕ ЧЕРТЕЖИ.

СТРАХОВОЕ ОБЩЕСТВО „ЯКОРЬ“.

ОСНОВНОЙ, СПОЛНА ОПЛАЧЕННЫЙ КАПИТАЛЬ

РУБ. 25,000,000.

АГЕНТСТВО ОБЩЕСТВА ВЪ ГОР. САМАРѢ,

ДЛЯ Г. САМАРЫ СЪ ЕГО УѢЗДОМЪ

ПРИНИМАЕТЪ:

1. Страхование строений, фабрикъ, заводовъ, сельско-хозяйственныхъ усадебъ, а также и другого недвижимого имущества отъ всѣхъ убытковъ, могущихъ произойти въ застрахованномъ имуществѣ во время пожара какъ отъ дѣйствій огня, такъ и отъ тушенія его, а также и при спасаніи имущества.

2. Страхование товаровъ, кладей, вообще грузовъ и фрагтовъ при транспортированіи ихъ сухопутно или водою.

3. Страхование жизни со льготами на случай неспособности къ труду или съ участіемъ въ прибыляхъ, или же безъ указанныхъ льготъ и безъ участія въ прибыляхъ за пониженныя преміи.

4. Страхование отъ несчастныхъ случаевъ служащихъ и рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ на случай смерти, инвалидности или временной потери способности къ труду, а также и отдѣльныхъ лицъ.

СТРАХОВОЕ ОБЩЕСТВО „ЯКОРЬ“.

АГЕНТСТВО ОБЩЕСТВА ВЪ Г. САМАРѢ.

Правила, условія, письменныя и словесныя объясненія можно получать у агента Вольфа Моисеевича БОБЕРМАНА, къ которому желающіе страховать благоволятъ обращаться съ своими предложеніями.

АГЕНТСТВО ПОМѢЩАЕТСЯ: въ г. Самарѣ, уголъ Панской и Соборной улицъ, д. Бобермана. (Ходъ съ Соборной улицы). 24—11

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
„БР. В. и И. РЫСИНЫ“

Отдѣленіе Церковной Утвари

Въ Царицынѣ Н./В. Телефонъ № 74.

Облаченія для Священно-Церковно-Служителей

легкія лѣтнія отъ 11 р. до 100 р.
изъ парчи, газета, бархата „ 14 р. до 1000 р.

ОТЛИЧНЫЙ ПОКРОЙ и ОТДѢЛКА

Прейсъ-Курантъ церковной утвари высылается по требованію.

Торговый Домъ «Бр. В. и И. Рысины».

СТРАХОВОЕ

Наличные капиталы
свыше 38.000,000 руб.

ОБЩЕСТВО

Страхованія жизни,
отъ несчастныхъ случаевъ, отъ
огня, транспортовъ и стеколь.

„РОССІЯ“

Агенты въ Самарѣ: С. В. Тихуновъ (Казанская ул., д. Маркова) и П. А. Коноваловъ (Николаевская ул., собст. домъ).

ОТЪ КОЛОКОЛО-ЛИТЕЙНАГО ЗАВОДА

Олимпіады Ивановны

МЕДВѢДЕВОЙ.

Въ настоящемъ 1898 году будетъ производиться торговля готовыми колоколами лучшаго качества на всѣхъ существующихъ въ г. Самарѣ ярмаркахъ и въ теченіе всего года, вѣсомъ отъ самаго мелкаго и до ста пудовъ (100 п.), а также принимаются заказы на отливку, кому какого угодно вѣса. При продажѣ готовыхъ и при заказѣ допущена часть кредита. За прочность готовыхъ и заказанныхъ колоколовъ заводъ ручается. За покупкою и заказами покорнѣйше прошу обращаться въ Самарѣ: къ Федору Спиридоновичу Пугину, противъ Старога собора, по Духовной улицѣ, а въ г. Саратовѣ: въ контору завода Медвѣдовой. При всякихъ запросахъ будутъ немедленно даваться съ почтою ясные отвѣты.

Колокола нашего завода находятся: въ г. Самарѣ, при Единовѣрческой церкви (514 и 209 п.п.) и въ Каѳедральномъ Соборѣ (960 и 300 п.п.), въ г. Симбирскѣ, при Воскресенской церкви (703 п.), въ г. Вольскѣ (600 п.), въ г. Тамбовѣ (485 п.), въ г. Николаевскѣ, Сам. г. (420 п.), въ с. Обшаровкѣ (313 п.) и многихъ городахъ и селахъ какъ Самарской епархіи, такъ и другихъ.

Заводъ имѣетъ похвальные отзывы о достоинствѣ и добросовѣстности работъ.

Управляющій завода Саратовскій купецъ

Илья Афанасьевъ Медвѣдевъ.

СТРАХОВОЕ ОБЩЕСТВО „РОССІЯ“.

Учрежденное въ 1881 г.

въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, БОЛЬШАЯ МОРСКАЯ, № 37.

Основной и запасные капиталы свыше 32.000,000 рублей.

Общество заключаетъ:

СТРАХОВАНІЯ ЖИЗНИ,

т. е. капиталовъ и доходовъ для обезпеченія семьи или собственной старости, приданого для дѣвушекъ, стипендій для мальчиковъ и т. п., на особо выгодныхъ условіяхъ и съ участіемъ страхователей въ прибыляхъ Общества.

Къ 1 января 1897 г. въ Обществѣ «Россія» было застраховано 49,736 лицъ на капиталъ въ 117.356,600 руб.

СТРАХОВАНІЯ ОТЪ НЕСЧАСТНЫХЪ СЛУЧАЕВЪ

какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и коллективныя страхованія служащихъ и рабочихъ на фабрикахъ; страхованія пассажировъ по жизненнымъ, годичнымъ или на меньшіе сроки.

СТРАХОВАНІЯ ОТЪ ОГНЯ

движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ всякаго рода (строений, машинъ, товаровъ, мебели и проч.);

СТРАХОВАНІЯ ТРАНСПОРТОВЪ

рѣчныхъ, сухопутныхъ и морскихъ; страхованіе корпусовъ судовъ.

Заявленія о страхованіи принимаются и всякаго рода свѣдѣнія сообщаются въ Правленіи въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, собств. д., № 37), въ г. Самарѣ С. В. Тикуновымъ (Казанская, д. Маркова), П. А. Коноваловымъ (Николаевская ул., близъ собора собств. домъ) и агентами Общества во всѣхъ городахъ Имперіи.

Страховые билеты по страхованію пассажировъ отъ несчастныхъ случаевъ во время путешествія по желѣзнымъ дорогамъ и на пароходахъ выдаются также на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ и на паромныхъ пристаняхъ.

СУКНО, ДРАПЪ, ТРИКО

ДЛЯ МУЖСКИХЪ, ДАМСКИХЪ КОСТЮМОВЪ И ВСЕВОЗМОЖНЫХЪ ФОРМЪ
ВСѢХЪ ВѢДОМСТВЪ И УЧАЩИХСЯ.

ПЛЮШЪ ШЕЛКОВЫЙ и ШЕРСТЯНОЙ.

МОДНЫЯ ШЕЛКОВЫЯ И ШЕРСТЯНЫЯ МАТЕРИИ

ДЛЯ ДАМСОЖИХЪ ПЛАТЪЕВЪ,

зефиръ, батистъ, сатинетъ и всевозможныя бумажныя ткани.

ОДѢЯЛА ПЛЮШЕВЫЯ, БАЙКОВЫЯ, АТЛАСНЫЯ И ТКАНЬЕВЫЯ
ПОЛУЧЕНЫ ВЪ БОЛЬШОМЪ И РАЗНООБРАЗНОМЪ ВЫБОРѢ

ВЪ МАГАЗИНѢ ФАБРИКАНТА

М. Ф. СТЕПШАНОВА,

Самара, Дворянская улица.

При этомъ № согласно распоряженія Его Преосвященства, разсылается Высочайшій рескриптъ, данный 9-го апрѣля, въ Москвѣ, съ тѣмъ, чтобы онъ былъ прибитъ на входныхъ западныхъ церковныхъ дверяхъ у всѣхъ храмовъ епархіи для прочтенія народомъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

XXXV очередное Губернское Земское Собрание, признавъ въ принципѣ необходимымъ обученіе глухонѣмыхъ дѣтей, ассигновало 1000 р. на подготовку для нихъ учителей и поручило Губернской Управѣ собрать свѣдѣнія о числѣ глухонѣмыхъ дѣтей въ губерніи и представить къ слѣдующему очередному Собранию докладъ объ открытіи училища для глухонѣмыхъ въ Самарской губерніи. Исполняя это порученіе, Губернская Земская Управа затребовала отъ волостныхъ правленій свѣдѣнія о глухонѣмыхъ, проживающихъ въ селахъ и деревняхъ Самарской губерніи. Что же касается до глухонѣмыхъ, проживающихъ въ городахъ, то Губернская Управа обращается съ покорнѣйшей просьбой ко всѣмъ тѣмъ лицамъ, въ семьяхъ которыхъ имѣются глухонѣмые, доставить о нихъ въ мѣстныя Городскія Управы свѣдѣнія по слѣдующей программѣ: имя, отчество и фамилія глухонѣмаго; сословіе, мѣсто приписки и мѣсто постоянного жительства; лѣта отъ рожденія; вѣроисповѣданіе; національность; родъ занятій глухонѣмыхъ взрослыхъ; желаютъ ли родители или замѣняющіе ихъ мѣсто учить глухонѣмаго ребенка въ училищѣ, хотя бы на земскій счетъ; глухонѣмой отъ рожденія или вслѣдствіе болѣзни. (Школьный возрастъ для глухонѣмыхъ нужно считать отъ 7 до 18 лѣтъ).

Свѣдѣнія о глухонѣмыхъ, проживающихъ въ городѣ Самарѣ, могутъ быть доставлены непосредственно въ Губернскую Земскую Управу.

Предсѣдатель Самарской Земской Управы *Карамзинъ*.

СОДЕРЖАНІЕ. Распоряженія Епархіальнаго Начальства. — Объявленія. Слово въ понедѣльникъ Свѣтлыя седмицы. Къ юби ею Преосвященнаго Владимира, Епископа Нижегородскаго, бывшаго ректора Самарской духовной семинаріи. О церковномъ пѣніи. — Списокъ Николаевскаго духовнаго училища со времени его основанія до настоящаго времени. Школа въ «школѣ». — Епархіальная хроника. — На кладбищѣ въ Пасху. Христосованье семинаристовъ съ умершими товарищами. — Отрадное и желательное явленіе. — Къ читателямъ. — Объявленія.

Редакторъ, протоіерей *Н. Боголюбскій*.

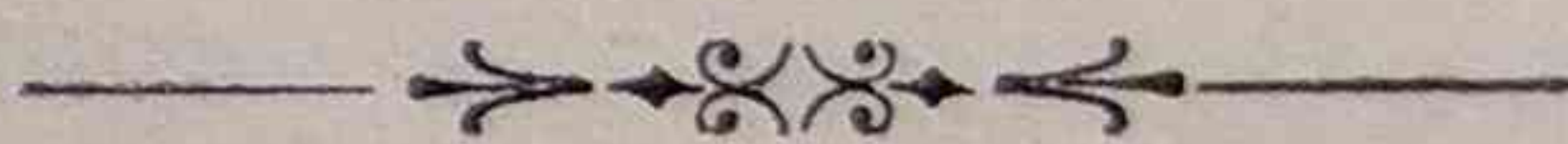
Доволено цензурою 1 мая 1900 г. Цензоръ прот. *М. Смирновъ*.

Тип. Самарской Духовной Консисторіи (Н. А. Жданова).

ПРОСВѢТИТЕЛЬ
И Н О Р О Д Ц Е В Ъ
КАЗАНСКАГО КРАЯ

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ИЛЬМИНСКІЙ.

„ВЫ ЕСТЕ СВѢТЪ ВСЕМОУ МИРОУ... да просвѣтитъ са свѣтъ
вашъ прѣдъ челоуѣкъ да оузръать ваша добра дѣла и про-
славать отца вашего иже есть на небесехъ“ Евангеліе отъ
Матѳея гл. 5, ст. 14, 16 по изданію Н. И. Ильминскаго.

Составиль Н. А. Спасскій.

САМАРА.

Типографія Самарской Духовной Консисторіи (Н. А. Жданова).

1900.

Печатано приложеніемъ къ Самарск. Епарх. Вѣдомостямъ 1900 года.

Печ. разрѣш. 10 апрѣля 1900 г. Цензоръ Протоіерей Смирновъ.

Составилъ Н. А. Сиверкинъ.

Г Л А В А I.

Введение. Состояніе христіанскаго просвѣщенія инородцевъ Казанскаго края до Н. И. Ильминскаго.

По берегамъ рѣчекъ, озеръ и болотъ лѣснаго заволжья, входящаго въ предѣлы нынѣшнихъ Вологодской и Вятской губерній, по степнымъ низинамъ восточнаго приволжья, ушедшаго далеко за Каменный поясъ, въ укромныхъ долинахъ нагорно-Волжской стороны расселились своими околотками исконные насельники края: финны да тюрко-татары. Здѣсь въ нынѣшнихъ 12 губерніяхъ восточнаго приволжья русскій православный христіанинъ изстари является лишь колонизаторомъ, шедшимъ въ восточную глушь по волѣ государевой или вслѣдъ за святымъ отшельникомъ, устраивавшемъ въ лѣсной чащѣ себѣ обитель. Даже новгородская вольница не иначе пролагала себѣ путь къ жителямъ Вятской и Пермской земли, какъ по благословенію и въ союзѣ съ этими святыми колонизаторами востока. Русскаго челоуѣка изстари привлекалъ этотъ край, и мы знаемъ изъ разсказовъ лѣтописи, что князья Святославъ и Владиміръ ходили воевать противъ камскихъ болгаръ, народа торговаго и богатаго, извѣстнаго не только на Руси, но и въ азіатскихъ странахъ. Въ обширномъ и богатомъ краѣ русскіе встрѣчали мордву, чувашъ, вотяковъ, болгаръ, черемись, пермяковъ, зырянъ, мещеру, вогуль, бесермянъ, башкиръ, киргизъ. Въ 13 вѣкѣ по Волгѣ стали расселяться татары, а потомъ привольныя заволжскія степи привлекли изъ Азіи новыхъ кочевниковъ — калмыковъ.

Всѣ эти народы были преимущественно язычники, и только

про болгаръ лѣтопись говоритъ, что они были магометане, усвоившіе вмѣстѣ съ новою вѣрою и стремленіе къ ея распространенію. Потомъ и татары скоро приняли исламъ, за ними башкиры и киргизы; новый же народъ— калмыки пришли на Русь ламаитами.

Финно-тюркскія племена поволжья были первоначально пастухи, звѣроловы и рыболовы; лишь исподоволь пріучились они къ осѣдлой жизни и земледѣлію, даже и доселѣ предпочитая по лѣтамъ жить въ шалашѣ (юртѣ) съ его неизмѣннымъ очагомъ, остатками кочевого быта. Такъ жили почти всѣ инородцы края. Волжскіе финны и тюрки наслѣдовали отъ предковъ своихъ шаманство, были язычники, какъ и ихъ сородичи— алтайцы и другія сибирскія племена.

Они принесли свою вѣру изъ своей далекой родины— Сибири. Язычники вѣрили въ верховнаго духа— Бога, живущаго на небѣ, источника всякихъ благъ: дождя, урожая, многочадія, плодovitости скота, удачи въ ловитвѣ и т. п. Но рядомъ съ этимъ у нихъ имѣлось представленіе о злыхъ силахъ, старающихся всячески навредить человѣку болѣзнями, моромъ скота и т. п. Это— керемети. Финны и тюрки принесли съ собою изъ Азіи и поклоненіе представителямъ рода. Они вѣрили, что покойные продолжаютъ существовать, могутъ гнѣваться на потомковъ, вредить имъ. Вся окружающая инородца природа: рѣчки, ключи, озера, лѣсъ, даже домъ— все имѣло своего духа, своего хозяина, котораго нужно умилостивлять: иначе „домовой“ будетъ пугать человѣка стукомъ, давить его во снѣ, „водяной“ утопитъ или посредствомъ воды произведетъ желудочныя болѣзни, „лѣшій“,— будетъ кружить человѣка въ лѣсу, а „хлѣвной духъ“ испортитъ скотину.

Умилостивленіе происходило посредствомъ жертвъ, даже кровавыхъ, причемъ истолкователями воли божествъ являлись волхвы, колдуны; у нѣкоторыхъ племенъ были жрецы, карты и іомзи; у иныхъ умилостивителями являлись старики и старухи. Разные керемети, прихи, сусѣдки и хозяева— духи въ воображеніи подавленнаго силами природы инородца представлялись

существами, нуждающимися въ пищу растительной или мясной. Отсюда блины, лепешки, каша, болтушка и мясное варево были обычными жертвами для злыхъ духовъ и покойниковъ, которыхъ инородецъ почиталъ даже баней.

Священные рощи, особыя дуплистыя деревья, священные долины — вотъ мѣста, гдѣ шаманствующіе инородцы поволжья приносили свои общественныя жертвы, умиловляя домашнихъ духовъ въ своихъ жилищахъ. Соединяя представленіе о Богѣ, подателѣ всѣхъ благъ, съ представленіемъ о солнцѣ, источникѣ тепла и плодородія, язычники почитали свои общественныя моленія съ весны до поздней осени, при чемъ поводомъ къ нимъ были также и неблагоприятныя земледѣлю и промысламъ атмосферическія явленія, родовыя и народныя несчастія.

Явившись на Волгу шаманистами, инородцы упорно сохраняли свои языческія религіозныя вѣрованія, удержавъ ихъ въ значительной степени и до настоящаго времени. Правда, болгары магометане, народъ торговый и предприимчивый, а потомъ татары, принявшіе мусульманство и расселившіеся, на правахъ побѣдителей, по Волгѣ и Камѣ, неизбежно должны были, по мѣрѣ усвоенія мусульманскаго вѣроученія, вліять на инородцевъ края; наконецъ русскіе насельники, явившіеся въ край уже христіанами, не могли не вліять на религіозное міросозерцаніе чувашина или мордвина, и только искреннее убѣжденіе, что всѣ вѣры отъ Бога, что каждому народу назначена своя вѣра, помогало инородцамъ отстаивать свои религіозныя взгляды, создавъ даже легенду о чудесной книгѣ ихъ религіознаго закона, на подобіе корана и евангелія, будто-бы посланной инородцу Богомъ, но утерянной имъ по неосмотрительности. Преданный своей вѣрѣ, инородецъ остался вѣренъ ей до самаго послѣдняго времени потому, что она была тѣсно связана съ его бытомъ, семейнымъ укладомъ, его взглядами на жизнь и окружающую природу.

Но это могло продолжаться лишь до того времени, пока можно было жить уединенно въ лѣсныхъ или степныхъ урочищахъ.

Образованіе Казанскаго царства, основаннаго народомъ ма-

гометанскимъ, необходимо наложило свою печать на инородцевъ Казанскаго края, и магометанская вѣра, ея воззрѣнія, обычаи получаютъ теперь распространеніе. Камскіе болгары сливаются съ татарами по вѣрѣ, языку и обычаямъ, а вслѣдъ за ними начинаютъ принимать татарскую вѣру, языкъ, обычаи и другіе инородцы. Этому не мало способствуетъ весьма значительная близость языковъ народностей поволжья, близость обычаевъ, основанныхъ какъ на условіяхъ быта, такъ и на общихъ языческихъ представленіяхъ, какъ наслѣдіи покинутой азіатской родины. И татарская народность увеличивается на счетъ инородцевъ.

Но вотъ 2 октября 1552 г. Казанское царство пало. Вліяніе мусульманскаго народа, управлявшаго краемъ, должно было уступить вліянію побѣдоносной русской силы. 7 февраля 1555 г. въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ былъ рукоположенъ первый архипастырь „многочеловѣчнаго“ града Казани, архіепископъ Гурій. Сопровождаемый молебствіями московскаго духовенства, царемъ и народомъ, напутствуемый общими благословеніями, новый архіепископъ отправился въ свой духовный походъ въ „запустѣнную прелестъ Казанскую“. Онъ ѣхалъ въ завоеванное царство для распространенія христіанства, везъ духовенство, св. иконы, церк. утварь и друг. св. предметы. На пути его встрѣчали съ крестнымъ ходомъ и молебствіями, и народъ шель на-встрѣчу апостолу восточной стороны. Пастырь казанской церкви получилъ царскій наказъ: поучать свою паству жить по заповѣдямъ Божиимъ, учить народъ каждое воскресенье; новокрещенныхъ всегда поучать страху Божию, къ себѣ приучать, кормить, поить, жаловать и беречь во всемъ, дабы и прочіе невѣрные, видя такое береженіе и жалованіе, поревновали христіанскому праведному закону и просвѣтились св. крещеніемъ. Архіепископъ долженъ былъ татаръ привлекать къ себѣ и приводить любовію на крещеніе, а страхомъ къ крещенію никакъ не приводить, допуская къ таинству только такихъ, которые изъявляютъ добровольное сердечное расположеніе къ крещенію. Ему дано было право принимать подъ защиту и опальныхъ инородцевъ, выражавшихъ желаніе креститься. Св. Гурій и его ближайшіе помощники исполнили наказъ какъ нель-

зя лучше. Владыка поучалъ паству каждый воскресный и праздничный день и „множество душъ присвоилъ Христу“. Архипастырь обратилъ особенное вниманіе на дѣтей инородцевъ, поручая духовенству учить ихъ читать, писать и понимать свящ. книги. Нѣсколько тысячъ магометанъ и язычниковъ было крещено святителемъ Гуріемъ. Дѣятельнымъ и полезнымъ сотрудникомъ архіепископу въ христіанскомъ просвѣщеніи татаръ-магометанъ былъ любимый имъ, пріѣхавшій вмѣстѣ съ нимъ въ Казань архимандритъ только что устрояемаго тогда Спасопреображенскаго монастыря въ Казани, св. Варсонофій. Послѣдній лучшіе годы своей жизни провелъ въ плѣну у крымскихъ татаръ, гдѣ „извыкъ до конца бесерменскій языкъ и грамоту срацинскую“. Святая жизнь Варсонофія, его знакомство съ языкомъ и бытомъ татаръ, магометанскимъ вѣроученіемъ, искусство врачеванія—все это привлекало къ нему казанскихъ татаръ, которые слушали его кроткія бесѣды о божественности христіанства, и бывшій плѣнникъ и рабъ татаръ плѣняетъ ихъ и дѣлаетъ рабами Христа. Въ 1563 г. преставился святитель Гурій, окончательно ослабленный своими неустанными трудами апостольскаго служенія среди инородческаго края; его дѣло продолжали св. Варсонофій и св. Германъ, и «счастлива была Казанская земля, что были у ней такіе владыки и такъ горячо пеклись о пасомыхъ».

Истинно апостольская любовь, терпѣніе и самоотверженіе святыхъ сотрудниковъ перваго святителя казанскаго принесли обильный плодъ въ лицѣ крещеныхъ черемисъ, чувашъ и татаръ, изъ которыхъ послѣдніе въ потомствѣ стали называться особымъ именемъ „крещеныхъ“. Потомки ихъ и доселѣ называются старокрещеными. Къ сожалѣнію, эти первосвѣтильники казанскіе не успѣли сдѣлать языки инородцевъ орудіемъ христіанскаго просвѣщенія,—не приготовили богослуженія на мѣстныхъ нарѣчіяхъ; хотя нельзя и думать, что бы они не сознавали этой необходимости: подобно св. Стефану Пермскому, св. Варсонофій пользовался народною татарскою рѣчью въ своихъ увѣщаніяхъ къ татарамъ. Онъ, конечно, прекрасно зналъ слова Апостола Павла: «Когда я молюсь на незнакомомъ языкѣ, то хотя духъ

мой и молится, но умъ мой остается безъ плода» (1 посл. къ коринѣ. гл. 14, 14). Да и самъ Божественный Учитель, посылая учениковъ Своихъ на проповѣдь иноплеменнымъ, ниспослалъ имъ даръ языковъ, „и исполнились всѣ (апостолы) Духа Святаго и начали говорить на другихъ языкахъ, какъ Духъ давалъ имъ провѣщавать. . И всѣ изумлялись и дивились, говоря между собою: «сіи говорящіе не всѣ ли галилеяне? Какъ же мы слышимъ ихъ нашими языками говорящихъ о великихъ дѣлахъ Божіихъ?» (Дѣян. Апост. гл. 2). Въ этомъ проявленіи Божественнаго могущества заключается ясное указаніе, что миссіонеры должны вести свою проповѣдь на языкѣ окружающаго племени, какъ это дѣлалъ св. Варсонофій. Обученіе въ школахъ, богослуженіе и проповѣдь на родномъ языкѣ — вотъ единственный и надежный путь къ христіанскому просвѣщенію иновѣрныхъ. Эти орудія необходимы и тогда, когда народъ уже крестился, для его укрѣпленія въ вѣрѣ Христовой. Такъ св. Іоаннъ Златоустъ, чтобы утвердить готтовъ въ христіанствѣ, выбираетъ проповѣдника изъ народа готтскаго, отдаетъ одну константинопольскую церковь для проживающихъ въ столицѣ христіанъ изъ этого племени, поставляетъ туда пресвитеровъ, діаконовъ и чтецовъ изъ природныхъ готтовъ, приказываетъ совершать богослуженіе на готтскомъ языкѣ, даже самъ, ревностію апостольскою подвигаемый, посредствомъ переводчика, нерѣдко проповѣдуетъ въ сей церкви, и готты охотно принимаютъ христіанство (Приб. къ Твор. Св. От. ч. II стр. 344 и 346). Необходимость богослуженія на инородческомъ языкѣ яснѣе всего была признана св. Стефаномъ Пермскимъ еще въ 14 вѣкѣ. Этотъ великій учитель инородцевъ съ отроческихъ лѣтъ посвятилъ себя на приготовленіе къ христіанской проповѣди въ языческой Перми. Живя въ своемъ родномъ городѣ Устюгѣ, онъ хорошо изучилъ мѣстный инородческій языкъ, составилъ зырянскую азбуку, перевелъ на зырянскій языкъ нѣкоторыя книги св. Писанія и, руководимый Промысломъ Божіимъ, направился въ языческую среду съ евангельскою проповѣдью. Ангельскимъ терпѣніемъ, кротостію и глубокою убѣжденностью св. проповѣдникъ сломилъ вѣру простодушнаго народа въ волхвовъ и обаянниковъ;

собиралъ юношей, училъ азбукѣ и чтенію богослужебныхъ книгъ на родномъ ихъ языкѣ; пѣлъ съ ними священныя христіанскія пѣсни, дѣлалъ переводы, училъ отроковъ и дѣтей переписывать рукописи на зырянскомъ языкѣ. Чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ разностороннѣе была дѣятельность св. Стефана. Онъ созидалъ храмы, монастыри, постригалъ въ монахи, посвящалъ священниковъ и избиралъ прочихъ клириковъ изъ инородцевъ. Все богослуженіе шло на зырянскомъ языкѣ; проповѣдь и обученіе „пермскою бесѣдою“ сдѣлали христіанство доступнымъ уму и сердцу зырянъ, жившихъ въ Малой Перми. Св. проповѣдникъ оживилъ и согрѣлъ душу и сердце бывшихъ язычниковъ огнемъ Божественнаго ученія и сроднилъ зырянскій народъ съ Русью. Восторженный жизнеописатель св. Стефана говоритъ: „гдѣ были идолослужители, тамъ явились богомольцы; гдѣ были идольскія требища и кумирницы, тамъ строились церкви и монастыри; идолослуженіе было изгнано и вѣра христіанская процвѣла“.

Къ сожалѣнію, не такъ глубоко пустило корни христіанство среди татаръ въ казанскомъ краѣ, и прошло лишь 30 лѣтъ послѣ кончины казанскаго первоучителя, какъ въ 1593 г. казанскій святитель Гермогенъ рисуеъ мрачную картину религіознаго состоянія крещеныхъ инородцевъ, оставленныхъ духовенствомъ безъ назиданія на родномъ языкѣ. Въ Казани, по словамъ Гермогена, и въ уѣздахъ—Казанскомъ и Свіяжскомъ живутъ новокрещеные вмѣстѣ съ татарами, чувашами, черемисами и вотяками, ѣдятъ и пьютъ съ ними, къ церквамъ Божиимъ не приходятъ, крестовъ не носятъ, въ домахъ образовъ и крестовъ не держатъ, поповъ не призываютъ и отцовъ духовныхъ не имѣютъ, къ роженицамъ поповъ не зовутъ, только не самъ попъ, свѣдавъ роженицу, пріѣхавъ, дастъ, молитву; и дѣтей своихъ не крестятъ, только попъ не обличить ихъ; и умершихъ въ церкви хоронить не носятъ, кладутся по старымъ своимъ татарскимъ кладбищамъ; а женихи къ невѣстамъ по татарскому обычаю приходятъ, а вѣнчався въ церкви, снова вѣнчаются въ своихъ домахъ татарскими попами, и во всѣ посты, въ среды и пятницы скоромъ ѣдятъ, да и многіе скверные татарскіе обычаи новокрещены держатъ безстыдно, а

христіанской вѣры не держатся и не навываютъ“. Митрополитъ Гермогенъ 12-го февраля 1592 года призывалъ новокрещеновъ со всего Казанскаго уѣзда въ соборную церковь Пресвятыя Богородицы, гдѣ поучалъ ихъ отъ Божественнаго писанія и наказывалъ и не по одинъ день, какъ подобаетъ христіанамъ жить; но новокрещенные ученія не принимаютъ, отъ татарскихъ обычаевъ не отстаютъ, а живутъ въ великомъ безстрашіи и конечно отъ христіанской вѣры отстали. Пришлось царю принимать строгія мѣры, и онъ приказалъ мѣстнымъ властямъ въ Казани на посадѣ и по слободамъ переписать новокрещеновъ по именамъ съ женами, дѣтьми и людьми, а, переписавъ, приказать прибыть имъ въ Казань и сдѣлать имъ внушеніе, какъ твердо должны они держать христіанскую вѣру; передать имъ волю царскую и поселить ихъ особой слободой близъ Казани; „а слободу имъ устроить, гдѣ пригоже: въ острогѣ или за острогомъ, межъ русскихъ людей, а татаръ бы близко не было; и церковь поставить и попа, и діакона, и дьячка, и пономаря, и проскурницу прибрать и ругою устроить, и сына боярскаго выбравъ добра, который отъ службы поотбылъ, приказать ему ту слободу вѣдать и надъ новокрещены беречи того накрѣпко, чтобы они крестьянскую вѣру держали крѣпко, къ церкви ходили и въ домѣхъ у себя образа держали и на себѣ кресты носили, и поповъ въ дома свои призывали, и отцовъ духовныхъ себѣ имѣли, и умершихъ клали у церкви, и сами-бъ новокрещены женились и дѣтей своихъ женили у русскихъ людей и межъ собой на крещеныхъ, и дочерей своихъ давали-бъ за русскихъ же людей и за новокрещеновъ, а въ татарскую вѣру отъ христіанства не обращались,... и для поученія-бъ велѣли есте новокрещеномъ всѣмъ приходити къ Гермогену—митрополиту часто, и поученія его слушати и держатися, а которые новокрещены христіанскія вѣры крѣпко держати и поученія митрополита и отцовъ духовныхъ слушати не учнутъ, и вы бъ тѣхъ велѣли смиряти, въ тюрьму сажати и бити и въ желѣза и въ чеши сажати, чтобъ новокрещеновъ всѣхъ въ христіанскую вѣру привести крѣпко и утвердить, а отъ татарскія бъ вѣры отучить и отстращати“. (Казанская центр. крещенот. школа

изд. 1887 г.). Мы видимъ, что правительству пришлось, кромѣ духовныхъ мѣръ, принимать и другія, болѣе суровыя, чтобы удержать новокрещеновъ въ христіанствѣ. Видимо, дѣло христіанскаго просвѣщенія не было поставлено надлежащимъ образомъ, и они не слышали ни поученія, ни богослуженія на родномъ языкѣ. Имъ приходилось исповѣдовать вѣру, для нихъ не понятную, на языкѣ чуждомъ. Духовные отцы новокрещеновъ болѣе слѣдили за обрядовою стороною дѣла, и ихъ духовныя дѣти были разбросаны по инородческимъ поселкамъ съ иновѣрнымъ населеніемъ. Кажется, ни пастыри, ни паства не понимали другъ друга.

Не лучше было дѣло христіанскаго просвѣщенія новокрещеновъ въ концѣ 17-го вѣка и началѣ 18-го. Такъ въ февралѣ 1729 года Казанскій митрополитъ Сильвестръ ѣздилъ по крещенскимъ поселкамъ для изслѣдованія религіознаго состоянія крещеныхъ татаръ. Самъ онъ не зналъ татарскаго языка, а пользовался переводчикомъ. Въ деревнѣ Абдахъ всѣ крещеные татары объяснили ему, что они крещены назадъ тому лѣтъ 170, что они по незнанію русскаго языка и по отдаленности отъ церквей верстъ на 40 и болѣе, и притомъ за лѣсами и за рѣками, «молитву Іисусову творить намалѣ умѣютъ, и то не всѣ, и крестное знаменіе вообразать и законъ христіанскій въ твердости исполнять и содержать отъ ненаученія и непризрѣнія не умѣютъ». Въ 1736 году тотъ же митрополитъ Сильвестръ доносилъ Св. Синоду про новообращенныхъ татаръ, что видѣлъ ихъ «въ богомерзкихъ жительствовахъ весьма закоснѣлыми и упорными». Не лучше обстояло дѣло и во второй половинѣ 18 вѣка. Правда, для старокрещеныхъ и новокрещеныхъ инородцевъ заведены теперь особыя проповѣдники. Нужно замѣтить, что, вѣроятно, донесенія митрополита Сильвестра производили свое дѣйствіе, и въ царствованіе Анны Іоанновны и Елизаветы Петровны правительство усердно стремилось крестить всѣхъ инородцевъ Казанскаго края. Тогда то и появились новокрещеные татары, а за прежде крестившимися осталось имя старокрещеновъ. Для новокрещеновъ стали устраиваться школы, заведены были проповѣдники, а въ

Свіяжскомъ монастырѣ была учреждена особая новокрещенская контора. Тогда же въ Казанской академіи (семинаріи) стали появляться учениками крещеные татары, которыхъ потомъ посвящали въ священники и на другія церковныя должности. Явилась вѣрная въ основѣ мысль просвѣщать инородцевъ чрезъ ихъ же единоплеменниковъ; но послѣдніе получали образованіе не цѣлесообразное: въ нихъ не было умѣнья передавать религіозныя истины народу, не было того направленія, которое даетъ не только крѣпость личнымъ религіознымъ убѣжденіямъ, но и ревность къ ихъ защитѣ и распространенію среди единоплеменнаго народа.

Грустно поучительна исторія этихъ новокрещенскихъ школъ, открытыхъ въ Казани и разныхъ другихъ мѣстностяхъ края. Въ 1750 году въ Казани на святительской кафедрѣ былъ ревнитель христіанскаго просвѣщенія Лука Конашевичъ. Вотъ онъ на берегу озера Кабана въ татарской слободѣ г. Казани построилъ каменный храмъ во имя праведныхъ Захаріи и Елизаветы, а при немъ деревянное зданіе для школы, какъ центрального учрежденія для христіанскаго образованія разныхъ инородческихъ племенъ края: крещенныхъ татаръ, чувашъ, черемись, вотяковъ, даже башкиръ и киргизъ. Онъ думалъ здѣсь, подѣ своимъ ближайшимъ попеченіемъ, сосредоточить образованіе крещенныхъ инородцевъ. Но въ 1755 г. епископъ былъ перемещенъ въ Бѣлгородъ. Преемники святителя не поддержали школьнаго дѣла въ краѣ, и въ 1764 году, по почину мѣстной власти, Св. Синодъ вмѣстѣ съ Сенатомъ представляли Императрицѣ Екатеринѣ II-й, „чтобы учрежденнымъ въ Казанской губерніи для обученія новокрещенскихъ дѣтей школамъ не быть, ибо Св. Синоду не безвѣстно есть, что обучающіяся въ тѣхъ школахъ новокрещенскія дѣти по большей части къ обученію не понятны“. Императрица однако не согласилась съ основаніями доклада и повелѣла „школъ не отрѣшать“. Дѣло инородческаго образованія продолжалось и представляло точную копію системы школьнаго обученія русскихъ дѣтей того времени.

Въ новокрещенскихъ школахъ обучались „россійской грамо-

тѣ, т. е. букварю съ десятеловіемъ, часослову, псалтырю и катихизису, а также скорописному письму,“ и въ 1786 г. въ казанской новокрещенской школѣ обучалось 80 дѣтей. Это исключительное господство церковнославянскаго языка само по себѣ и составляло существенную причину непонятливости инородческихъ дѣтей, приводившей епархіальную власть въ отчаяніе. Старинная метода псалтырнаго ученія не могла заинтересовать и оживлять дѣтей.

Школа была поставлена дурно и въ матеріальномъ отношеніи, учащіеся не имѣли ни какого призрѣнія и питались весьма скудно. Между тѣмъ епархіальное начальство постоянно получало донесенія отъ своего духовенства и проповѣдниковъ, что не только новокрещены, не и многіе старокрещены, особливо женскій полъ, не умѣютъ креститься, молитвъ не творятъ, къ св. образамъ почтенія не имѣютъ, въ церкви не ходятъ, живутъ вмѣстѣ съ иновѣрцами, по иновѣрческимъ обыкновеніямъ устраиваютъ многіе непорядки и мольбища; ихъ дѣти св. крещенія, больные — исповѣди и св. причастія, а умершіе надлежащаго церковнаго погребенія лишаются; за побужденія же ихъ къ содержанію православныя христіанскія вѣры и обученію молитвамъ Господнимъ чинятъ они со священниками и церковными служителями не малыя ссоры и драки, просятъ объ отрѣшеніи ихъ священнослужителей отъ мѣстъ своихъ. [Указъ Казан. Консistorіи 1778 года). Пришлось Духовной Консistorіи просить свѣтское начальство указами объявить всѣмъ старокрещенамъ и новокрещенамъ Казанской и Оренбургской губерній, чтобы они прежнія свои заблужденія оставили и съ некрещеными для могущаго быть соблазна никакого сообщества отнюдь не имѣли и отъ нихъ удалялись, а содержали бы христіанскую вѣру твердо и непоколебимо; св. иконы почитали-бы по — надлежащему, да и въ церкви на общія молитвословія во всѣ воскресные и знатныхъ праздниковъ, а особливо высокоторжественные дни ходили нелѣпно и хотя первѣйшимъ молитвамъ Господнимъ: Во имя Отца... Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, Отче нашъ, Богородице Дѣво, радуйся.... до конца, такъ и крестное на себя знаменіе изображать обучались непременно, и

для того священнослужителей въ дома свои пускали-бъ безпрепятственно, и никакого озлобленія имъ не дѣлали; равнымъ же образомъ и онымъ священно-церковно-служителямъ отъ духовныхъ правленій и отъ заказчиковъ учинить письменное подтвержденіе, чтобы они объ обученіи тѣхъ своихъ прихожанъ вышеписаннымъ молитвамъ и прочимъ должностямъ и обычаямъ христіанскимъ, а также и о чиненіи имъ во вся св. четверодесятницы исповѣди и о сподобленіи ихъ Святымъ Христовымъ Тайнамъ имѣли наи-прилежнѣйшее старательное наблюденіе, не требуя за то отъ нихъ ни малѣйшаго награжденія и не домогаясь къ оному ни подъ какимъ видомъ, подъ изверженіемъ священникамъ и діаконамъ своего сана, а церковникамъ подъ тяжкимъ церковнымъ наказаніемъ по важности винъ и отдачею ихъ въ свѣтскій судъ“.

Напуганные такимъ грознымъ указомъ священники принялись учить крещеныхъ молитвамъ; благочинные стали разѣзжать по приходамъ и спрашивать, знаютъ ли крещеные упомянутыя выше молитвы. Теперь женихъ и невѣста являлись на экзаменъ къ благочинному, спрашивавшему ихъ молитвы. Конечно, такое строгое примѣненіе указа вызывало много недоразумѣній, и наводило на необходимость подставлять на экзаменъ вмѣсто однихъ лицъ другія. Это усердное требованіе касалось лишь внѣшней стороны христіанства и имѣло принудительный характеръ; самое знаніе молитвъ было принужденное и до смысла ихъ инородецъ не добирался.

Съ 1785 года по 1801 г, на Казанской каѳедрѣ святительства воевалъ архіепископъ Амвросій Подобѣдовъ. Послѣдній старался поднять инородческое образованіе, заново перестроилъ зданіе казанской новокрещенской школы. Онъ пришелъ къ сознанію, что для просвѣщенія инородцевъ нужны не только дѣятели изъ ихъ единоплеменниковъ, но и родной ихъ языкъ, какъ орудіе христіанскаго образованія. Эту мысль онъ высказалъ Св. Синоду, и, вѣроятно, по его инициативѣ завязалась обширная переписка о переводахъ священныхъ, богослужебныхъ и др. книгъ на инородческіе языки. Толчкомъ къ тому послужило отпаденіе въ началѣ 19 вѣка крещеныхъ татаръ въ Нижегород-

ской губерніи въ магометанство. Въ 1802 г., по представленію Св. Синода, состоялось Высочайшее повелѣніе о переводѣ богослужебныхъ книгъ на татарскій и друг. инородческіе языки. Въ 1803 г, вышелъ переводъ краткаго катихизиса, напечатанный славянскими буквами, параллельно съ русскимъ текстомъ; но переводъ оказался темнымъ, нестройнымъ, исполненнымъ книжнымъ татарскимъязыкомъ. Не лучше были переводы на инородческіе языки и Библейскаго общества въ началѣ 19 вѣка. Преосвященный Амвросій съ 1785 г. по 1801 г. посвятилъ въ церковный клиръ болѣе 60 воспитанниковъ новокрещенскихъ школъ. Видимо это было лучшимъ временемъ дѣятельности этихъ учреждений,—дѣятельности хотя и односторонней, но не совсѣмъ безуспѣшной.

Но просвѣтительная дѣятельность Преосвященнаго Амвросія по новокрещенскимъ школамъ прекратилось вслѣдъ за выбытіемъ его изъ Казани. Несмотря на то, что новокрещены, по примѣру 1802 и 1803 годовъ, не перестали заявлять о своемъ отпаденіи въ магометанство, и эти отпаденія были въ 1810, 1820 годахъ, инородческое образованіе стало приходить въ окончательное разложеніе. Дѣло дошло до того, что въ 1825 г. Захаріе-Елизаветинская церковь, заброшенная и запустѣлая послѣ закрытія школы, была разобрана и уничтожена. Только и осталось въ памяти народной имя „новокрещенскихъ школъ“, да убогая часовенка стояла на мѣстѣ бывшаго храма.

Въ послѣдующіе годы снова стало пробуждаться сознаніе необходимости хоть что нибудь сдѣлать для темнаго инородческаго люда. Въ поволжскихъ семинаріяхъ явилось усиленное преподаваніе инородческихъ языковъ, чтобы дать инородческимъ приходамъ болѣе подходящее духовенство. Въ центрѣ инородчества, Казани въ 1830 г. блаженной памяти Филаретъ Амфитеатровъ, архіепископъ казанскій, такъ сильно вліявшій на казанскихъ татаръ своею святою жизнью, принялъ близко къ сердцу просвѣтительное дѣло среди крещенныхъ татаръ и постановилъ, чтобы въ крещенотатарскіе приходы назначались священники съ особенно тщательнымъ разборомъ, чтобы эти священники были знающіе свое

дѣло, ученые, благонравные, понимали мѣстный инородческій языкъ. Святитель приказалъ перевести на инородческіе языки вѣроучительныя книги. Онъ далъ распоряженіе, чтобы въ церквахъ во время богослуженія поученія говорились на инородческомъ языкѣ, чтобы по крайней мѣрѣ главныя части богослуженія совершались на инородческомъ языкѣ. Наконецъ владыка требовалъ отъ духовенства учить инородческихъ дѣтей въ школахъ. Эти совершенно вѣрные взгляды благостнаго владыки на инородческое дѣло особенно были благовременны послѣ того, какъ въ 1840 годахъ снова начались отпаденія крещенныхъ татаръ въ магометанство. Къ сожалѣнію распоряженія архіепископа Филарета, устроившаго въ г. Казани миссію, не нашли подходящихъ исполнителей, потому что, судя по инородческимъ переводамъ, самые авторитетныя знатоки инородческихъ языковъ, владѣя ими практически, не имѣли теоретической подготовки, не умѣли ими пользоваться и научить этому другихъ *) Такъ какъ дѣло до 1847 года, когда Государь Императоръ Высочайше повелѣтъ соизволилъ „приготовить переводъ на татарскомъ языкѣ необходимѣйшихъ духовныхъ книгъ православнаго исповѣданія съ тѣмъ, чтобы можно было учредить православное на семь языкъ богослуженіе для татаръ, принявшихъ православную вѣру“. Такимъ образомъ печальные факты не прекращающагося отпаденія крещенныхъ татаръ въ магометанство убѣдили русскую церковь обратить особенное вниманіе на положеніе инородческаго дѣла въ Казанскомъ краѣ. И вотъ въ 1842 году, учреждая въ г. Казани духовную академію, Св. Синодъ указомъ отъ 25 мая 1842 г. постановилъ придать ей миссіонерское направленіе устройствомъ особыхъ кафедръ инородческихъ языковъ, употребляемыхъ язычниками и магометанами Казанскаго учеб. округа, частію и Сибири. Въ 1845 г. на первое время было открыто въ академіи обученіе языкамъ татарскому съ арабскимъ и монгольскому съ калмыцкимъ, причемъ отдавалось преимущество этимъ инородческимъ языкамъ именно потому, что инородцы монгольскаго и

*) Идеи архіепископа Филарета примѣнилъ къ дѣлу архіепископъ Казанскій Автоній Амфитеатовъ, близкій родственникъ, воспитанникъ, «дѣтя сердца» приснопамятнаго владыки.

тюркского племенъ обращали на себя вниманіе своею многочисленностью и религіозною устойчивостью, сравнительно съ другими инородцами края, менѣе упорными въ своемъ язычествѣ, по крайней мѣрѣ съ официальной стороны.

Вновь открытая академія должна была принять на себя и миссію перевода на инородческіе языки богослужебныхъ христіанскихъ книгъ.

Таковы были въ главныхъ чертахъ судьбы миссіонерства среди инородцевъ Казанскаго края.

Успѣхи христіанства были лишь внѣшніе, количественные, и то по преимуществу среди финскихъ племенъ, уступающихъ внѣшнему вліянію. Это вліяніе всего лучше сказалось на крещеніи татаръ и мордвы, относительно которой Лепехинъ говоритъ, что въ 1681 году грознымъ указомъ мордвѣ повелѣвалось, чтобы она „поискавъ благочестивой христіанской вѣры греческаго закона крестилась вся; а какъ она крестится, то ей во всякихъ податяхъ дано будетъ облегченіе на 6 лѣтъ; а буде она креститься не похотитъ, то ей сказать, что она отдана будетъ въ помѣстья и вотчины некрещенымъ мурзамъ и татарамъ“ *).

Тоже самое, конечно, примѣнилось и къ другимъ инородческимъ племенамъ. Если христіанство распространилось количественно, то въ качественномъ отношеніи успѣхи миссіонерства были не блестящіе. Мордва, принявъ крещеніе, по—прежнему не преставала молиться „богу боговъ“ — Чамъ-Пасу, богинѣ Анге-Патяй, отожествивъ ее съ Божіей Матерью въ молитвѣ: «матушка Богородица Анге-Патяй!» Мордва не забыла злого духа Шайтана, по—прежнему твердо держась языческой теогоніи; совершала жертвоприношенія при многочисленномъ собраніи народа. Николая угодника она отожествляла съ богами Мастырѣ-Пасомъ и Назаромъ-Пасомъ и т. п. Крещеные черемисы по прежнему продолжали поклоняться Юмо, богу неба, и керемети, богу зла, младшему брату Юмо. Загнанный судьбою въ глубь лѣсовъ, черемисинъ и доселѣ оставался ревностнымъ слугою керемети, приносилъ ему кровавыя жертвы, благоговѣлъ предъ приказаніями ворожниковъ и

*) Рагозинъ „Волга“ т. 2 стр. 3.

мужанговъ, черемисскихъ шамановъ. Черемисскій кереметь одинаково служилъ предметомъ поклоненія и крещеной мордвы и крещеныхъ чувашъ, которые не переставали почитать Тора, бога добра и свѣта, цѣлый рядъ мелкихъ божествъ, совершали имъ жертвы, имѣли своего рода шамановъ: іомзей. Крещеные вотяки не переставали оставаться язычниками и приносили жертвы до самаго послѣдняго времени. Новокрещеные татары были совершенными магометанами, а старокрещеные, оставаясь по имени христіанами, на дѣлѣ были язычниками, чтили Бога добра и кереметя,—бога зла; совершали языческія моленія: шыйлыкъ, чюкъ, пукрау, приносили жертвы домовому, хлѣвному, лѣсному, водянымъ богамъ. Всѣ инородцы почитали покойниковъ, какъ живыхъ, совершая имъ жертвоприношенія. Все міросозерцаніе крещенаго инородца было языческое, и тѣма заблужденій, невѣжества облегла инородческій край, предоставляя полную возможность магометанству пролагать незамѣтныя для посторонняго, но прямыя тропы къ сердцамъ и умамъ этихъ язычествующихъ народцевъ.

Вотъ въ какое темное для края время зародилась въ Казани духовная академія, взявшая на рамена свои дѣло христіанской миссіи въ краѣ. Въ стѣнахъ этой академіи съ первыхъ же годовъ ея существованія получилъ миссіонерское образованіе просвѣтитель инородцевъ Казанскаго края, основатель цѣлой системы инородческаго обученія, мужъ великой силы и великаго дѣла Николай Ивановичъ Ильминскій. Въ то время, когда мусульманская пропаганда въ краѣ проникла и къ старокрещенымъ татарамъ, чувашамъ, черемисамъ, и массовыя отпаденія угрожали уже опасностью поглотить все инородческое населеніе края для служенія мусульманству и татарской народности; тогда именно Богу угодно было послать краю свою милость: въ академіи обучался и укрѣплялся духомъ сей замѣчательный человекъ; благодать Божія воистину почивала на этомъ человекѣ. Это было тогда, когда въ 12 губерніяхъ Казанскаго края насчитывалось приблизительно до 4223035 человекъ инородческаго населенія, а изъ нихъ крещеныхъ было лишь до, 1853943 человекъ. Въ подавляющемъ большинствѣ эти крещеные инородцы

преданы были вѣрѣ предковъ и представляли собою почти не воздѣланную почву. Воздѣлывать ее и призванъ былъ знаменитый Николай Ивановичъ, имя котораго навсегда и неразрывно связывается съ исторіей христіанскаго просвѣщенія востока Россіи, оставаясь въ благодарной памяти просвѣщенныхъ имъ инородцевъ, какъ завѣтъ прошедшаго и указаніе будущаго.

ГЛАВА II.

Происхождение. Годы ученія. Служба Николая Ивановича въ Казанской дух. академіи до конца 1858 г. Его взгляды на значеніе книжнаго и народнаго языка татаръ въ христіанскихъ переводахъ.

„Лучшій изъ добрыхъ людей,“ заслуженный государственный дѣятель, основатель цѣлой системы инородческаго просвѣщенія, системы мудрой, многостороннеѣ, приносящей благіе плоды уже 40 лѣтъ, рѣдкій богословъ, литургистъ, педагогъ и изумительный полиглоттъ, употребившій свою ученость на неустанное служеніе святому дѣлу просвѣщенія „малыхъ сихъ,“ приснопамятный Николай Ивановичъ Ильминскій былъ родомъ изъ г. Пензы и родился 23 апрѣля 1822 года. Отецъ его служилъ протоіереемъ городской Николаевской церкви, членомъ Консисторіи, имѣлъ многочисленную семью шесть человѣкъ дѣтей. Семья была религіозно настроенная. Мать происходила изъ купческаго рода, была добрая и кроткая. Дѣти жили между собою дружно. Иногда по вечерамъ оставалась съ ними старушка, вдовая дьяконица Васильевна, которая своимъ мастерскимъ подборомъ сказокъ возбуждала въ дѣтяхъ благородныя чувствованія. Ихъ неотразимо трогали повѣствованія, напримѣръ, о томъ, какъ братъ съ сестрой, по проискамъ лихой мачехи, терпѣли всякія напасти и чуть было не были зарѣзаны; дѣти навзрыдь плакали, но были очень удовлетворены, когда слышали о томъ, какъ жестоко была наказана мачеха.

Учиться Николай Ивановичъ началъ по старой методѣ, по азамъ у своей бабушки, вдовы — купчихи, жившей у дочери, умной и энергичной женщины, просто и естественно воспитывавшей дѣ-

тей зятя; потомъ прошелъ курсъ дореформеннаго духовнаго училища и семинарій; жилъ у родителей и потому не испыталъ на себѣ невзгодъ исторической бурсы. Въ семинаріи онъ учился отлично, прекрасно изучилъ классическіе языки, любилъ заниматься математикой, и, какъ прекрасно подготовленный юноша, былъ отправленъ семинарскимъ начальствомъ въ академію. Въ Пензенской семинаріи въ то время преподавался татарскій языкъ, но Николай Ивановичъ и не помышлялъ объ изученіи его, любя болѣе науки положительныя и болѣе развивающія.

Пребываніе въ средней духовной школѣ не оставило, кажется, въ Николаѣ Ивановичѣ особеннаго сочувствія къ ней, что мы увидимъ изъ неоднократныхъ отзывовъ его о неправильной постановкѣ въ семинаріяхъ преподаванія Богословія, какъ научнаго предмета, о недостаточно разностороннемъ развитіи въ семинаріяхъ религіозной жизни. *).

Въ 1842 г. были открыта въ г. Казани духовная академія, которая помѣщалась сначала въ Спасопреображенскомъ монастырѣ, потомъ въ д. Тихонова на Проломной улицѣ и лишь съ 1845 г. въ собственномъ зданіи на Арскомъ полѣ. Къ Казанскому академическому округу приписаны были всѣ семинаріи востока Европ. Россіи и Сибири, въ учебномъ отношеніи. По предложенію академическаго правленія Пензенская духовная семинарія, въ числѣ прочихъ семинарій округа, назначила въ составъ перваго курса вновь открытой академіи своего лучшаго студента Николая Ильминскаго. Въ академію поступилъ маленькій ростомъ, смуглый шатень, живой, какъ ртуть, красивый изъ себя юноша, съ открытымъ и веселымъ характеромъ, остроумный и говорливый, поэтъ въ душѣ, обладающій чисто художественнымъ воображеніемъ, превосходный рассказчикъ. Среди строгаго, угрюмаго режима академической бурсы это была находка, и юноша Ильминскій дѣлается любимцемъ на своемъ курсѣ.

*) Николай Ивановичъ отдалъ своихъ воспитанниковъ Бобровниковыхъ не въ духовную школу, а въ гимназію. Тоже сдѣлалъ съ своими дѣтьми и о. Василій Тимофеевичъ, извѣстный Казани дѣятель по крещенію татарскому дѣлу, священникъ изъ татаръ, конечно, по совѣту своего учителя. Николай Ивановичъ вышелъ однакоже изъ семинаріи съ любовью къ ученію и нравственной чистотою.

Академическій курсъ того времени дѣлился на 2 отдѣленія, низшее и высшее. Первое въ свою очередь дѣлилось на историческое и математическое. Николай Ивановичъ записался на математическое отдѣленіе и всѣ 2 года съ особеннымъ жаромъ и любовью предавался изученію положительныхъ наукъ, поражая быстротой и легкостью математическихъ соображеній.

Послѣдніе два года ученія въ академіи Николай Ивановичъ долженъ былъ изучать преимущественно богословскіе предметы; но онъ особенно охотно занимался русской церковной исторіей и его магистерское сочиненіе было исполнено имъ по общей церковной исторіи: о вселенскихъ соборахъ. Однако это не мѣшало юному богослову увлекаться лекціями по естественнымъ наукамъ, читаннымъ тогда въ академіи извѣстнымъ ученымъ П. И. Вагнеромъ, — участвовать въ ботаническихъ экскурсіяхъ, а потомъ не менѣе страстно предаваться изученію языковъ какъ европейскихъ (французскаго и нѣмецкаго), такъ особенно татарскаго съ арабскимъ, что въ послѣдствіи стало главною спеціальностью талантливаго студента. Николай Ивановичъ обладалъ удивительной способностью усваивать языки, быстро проникаясь во внутренній строй ихъ, и вотъ въ 1846 году академія выпустила изъ стѣнъ своихъ магистра, который зналъ классическіе языки, французскій и нѣмецкій, и изучалъ еврейскій, татарскій и арабскій съ особеннымъ усердіемъ. Этотъ магистръ поразилъ своими обширными свѣдѣніями по языкамъ тогдашняго ревизора академіи, епископа винницкаго, Аѳанасія, который прозвалъ Николая Ивановича полиглоттомъ.

На ряду съ искреннимъ увлеченіемъ науками, Николай Ивановичъ обращалъ на себя вниманіе своею скромностью, благонавіемъ, замѣчательной откровенностью. Въ его добромъ сердцѣ и мягкомъ характерѣ видѣли черты дѣтской невинности, замѣчательное благородство, не допускающее никакихъ компромиссовъ съ совѣстью. Все это особенно цѣнилось въ немъ его умнымъ начальникомъ ректоромъ архимандритомъ Григоріемъ, который руководилъ талантливаго студента и готовилъ его къ занятію академической каѳедры, снисходя даже нѣкоторымъ послабленіямъ въ дѣлѣ изученія богословскихъ наукъ, а равно и подвижности талан-

тливой натуры. Товарищи считали Николая Ивановича честнѣйшимъ человѣкомъ, съ безукоризненною, чистою душою, человѣкомъ высокой нравственности, чуть не святымъ, и ему приходилось доказывать товарищамъ, что и онъ порядочный грѣшникъ.

Это благородство, величіе души, эту откровенную невинность, добросердечіе и привѣтливость сохранилъ Николай Ивановичъ до гробовой доски, сльвя среди казанцевъ заживо святымъ человѣкомъ.

Изученіе татарскаго и арабскаго языковъ началъ Николай Ивановичъ съ 3-го курса у профессора А. К. Каземъ-бека и практиканта — татарина Махмудова. Въ продолженіе 3 полугодій онъ весьма усердно предавался этому новому для него изученію. Съ 10 октября 1846 г. магистръ Ильминскій становится самъ бакалавромъ татарскаго и арабскаго языковъ, одновременно занимаясь преподаваніемъ въ академіи математики и естественныхъ наукъ, которыя вскорѣ онъ смѣнилъ на кафедрѣ еврейскаго языка. Теперь молодому бакалавру было предоставлено заниматься лишь филологіей, и Николай Ивановичъ особенно предался изученію арабскаго языка у знаменитаго оріенталиста Каземъ-Бека, который еженедѣльно по нѣскольку часовъ занимался съ нимъ изученіемъ арабскаго языка и литературы, раскрылъ предъ любознательнымъ бакалавромъ двери своей библіотеки, и Николай Ивановичъ былъ глубоко признателенъ профессору за его живыя бесѣды и обязательную любезность.

Не переставая интересоваться живымъ народнымъ татарскимъ языкомъ, не зная усталости въ занятіяхъ, бакалавръ входитъ въ сношеніе съ казанскими татарами и съ весны 1847 года переселяется на жительство изъ академіи въ Татарскую слободу, гдѣ учится у мулль Керима и Баймурата, входитъ въ сношенія съ татарскими школьниками, шакирдами, привлекаетъ къ себѣ симпатіи и уваженіе со стороны подозрительныхъ татаръ и наконецъ дѣлается домашнимъ учителемъ у одного богатаго татарина. Въ теченіе года молодой ученый съ такимъ самоотверженіемъ изучалъ татарскій языкъ и народный бытъ въ постоянномъ обращеніи съ татарами, что ни болѣзни, ни разныя неудобства не заставили его отказаться отъ завѣтной цѣли. И онъ достигъ

цѣли: практически изучилъ татарскую народность и могъ теперь поставить въ академіи дѣло свое на надлежащую дорогу. До этого Николай Ивановичъ всецѣло слѣдовалъ своему учителю, ученому арабисту, презиравшему народный татарскій языкъ и преподававшему книжный языкъ, представляющій смѣсь татарскаго, арабскаго и персидскаго языковъ. Занятія были чисто филологическія. Теперь, по мѣрѣ знакомства съ бытомъ татаръ, Николай Ивановичъ вноситъ въ свои лекціи практической, живой характеръ, пополняя ихъ рядомъ этнографическихъ, историческихъ и бытовыхъ свѣдѣній, чего собственно и не доставало въ преподаваніи по миссіонерскимъ кафедрѣмъ, и что было замѣчено ревизоромъ академіи, епископомъ Аѳанасіемъ въ 1847 году.

И вотъ въ 1848 г. Николай Ивановичъ поднимаетъ вопросъ о болѣе правильной и опредѣленной постановкѣ миссіонерскаго образованія въ академіи, такъ какъ ни высшее начальство, ни академическое правленіе не знали, какъ организовать это дѣло, чтобы оно было цѣлесообразно и плодотворно. Этотъ вопросъ былъ поднятъ какъ разъ въ то время, когда на Казанскую академію было возложено исполненіе Высочайшаго повелѣнія относительно перевода на татарскій языкъ литургіи Іоанна Златоуста и сокращеннаго молитвослова, а также провѣрки изданнаго на татарскомъ языкѣ перевода Новаго завѣта. При академіи въ 1847 г. былъ устроенъ переводческой комитетъ подъ предсѣдательствомъ ректора изъ профессора Каземъ-Бека и бакалавра Ильминскаго. Слишкомъ 1¹/₂ года пришлось Николаю Ивановичу, одному по преимуществу, просматривать переводы разныхъ молитвословій, сдѣланные священниками разныхъ епархій, равно и тѣ переводы, которые были поручены разнымъ наставникамъ семинарій округа, преподающимъ татарскій языкъ.

Рецензіи просмотрѣнныхъ Ильменскимъ переводовъ представляютъ намъ указанія, что въ это время знаменитый переводчикъ былъ весьма далекъ отъ тѣхъ взглядовъ, которые онъ усвоилъ и которыхъ держался въ своей послѣдующей просвѣтительной дѣятельности. Предъ нами является (въ упомянутыхъ рецензіяхъ) во всеоружіи ученый арабистъ, сторонникъ книжнаго

татарскаго языка и образованія, пренебрежительно относящійся къ практическому употребленію живого татарскаго языка. Николай Ивановичъ не одобрялъ даже употребленія русскаго алфавита для татарскихъ переводовъ, не одобрялъ народныхъ словъ и выраженій въ переводѣ. Ему казалось, что народный татарскій языкъ, будучи языкомъ необходимаго круга житейскихъ нуждъ народа, крайне бѣденъ. Переводчику посему постоянно нужно пользоваться арабскимъ языкомъ, разработаннымъ мусульманскими богословами, полнымъ магометанскихъ идей и совсѣмъ чуждымъ идей христіанства. Отсюда крайняя опасность для переводчика или впасть въ неправильное выраженіе христіанскаго понятія или допустить неточности въ переводѣ. Къ этому прибавляется и то, что арабскій языкъ непонятенъ татарскому населенію.

Но и въ этихъ рецензіяхъ уже встрѣчаются мимолетныя мысли о необходимости обратиться при переводахъ на татарскій языкъ къ народной рѣчи, „оторвать новообращенныхъ татаръ отъ арабскаго образованія и развивать ихъ собственныя природныя силы, обращаясь къ живому слову, звучащему въ устахъ татарскаго народа“. Съ этою сокровищницею чистаго, живого татарскаго языка Николай Ивановичъ скоро и познакомился.

Весной 1848 г. явился въ Казань архіепископъ Григорій (Постниковъ), человѣкъ съ глубокими миссіонерскими идеями, сильнымъ умомъ и твердымъ характеромъ. Владыка явился въ Казань въ тревожное время, когда крещеное татарство угрожало массовыми отпаденіями, ссылаясь на отдаленность храмовъ и поборы духовенства.

Владыка прибылъ въ Казань и немедленно обратилъ свое вниманіе на религіозное состояніе крещенаго татарства. Онъ привезъ съ собою Высочайшее повелѣніе отъ 3 апрѣля 1848 г. относительно устройства для крещеныхъ татаръ походной церкви съ священникомъ — миссіонеромъ, который бы, разъѣзжая на обывательскихъ лошадахъ по крещенскимъ селеніямъ, безмездно совершалъ богослуженіе и училъ народъ вѣрѣ на родномъ языкѣ. Скоро однако оказалось, что было весьма трудно найти въ епархіи священника, который могъ бы свободно говорить на татар-

скомъ языкѣ; а еще труднѣе оказалось устройство самаго храма. Лишь въ концѣ 1849 года былъ заведенъ татарскій миссіонеръ, а походная церковь такъ и не устраивалась. Архіепископъ захотѣлъ поближе узнать религіозное состояніе татаръ, причины ихъ тяготѣнія къ мусульманству, познакомиться съ положеніемъ духовенства въ крещенскихъ селахъ. Не надѣясь добыть необходимыя свѣдѣнія путемъ личныхъ посѣщеній, въ виду производшагося большаго слѣдствія объ отпаденіи татаръ, равно и въ виду существованія въ краѣ холеры, архіепископъ отправилъ къ татарамъ Николая Ивановича, какъ бы для ученаго путешествія, снабдилъ его цѣлымъ рядомъ вопросовъ касательно интересующаго владыку дѣла. Ученый путешественникъ получилъ изъ владычныхъ рукъ 50 рублей на дорогу, а осенью 1848 года отправился въ Мамадышскій уѣздъ, не обращая вниманія на всю опасность такого путешествія среди невѣжественнаго и фанатичнаго иновѣрнаго народа.

Николай Ивановичъ не имѣлъ яснаго представленія о старокрещеныхъ и новокрещеныхъ, о мѣстѣ ихъ жительства и шель на-угадъ туда, гдѣ по оффиціальнымъ даннымъ было отступническое движеніе.

Въ товариществѣ съ знакомымъ шакирдомъ изъ татарской слободы въ Казани, Николай Ивановичъ не задумываясь направлялся по татарскимъ деревнямъ, любезно принимаемый муллами, какъ ученый, хорошо знающій мусульманство; путешествуя пѣшкомъ въ татарскомъ халатѣ и малахаѣ на головѣ, съ книжкой у пояса, записывая въ нее на татарскомъ и русскомъ языкѣ нѣмецкимъ шрифтомъ все, что возбуждало интересъ въ путешественникѣ, подсаживаясь на возъ того или другого татарина, крещенаго; у таковыхъ среди обычной бесѣды и вывѣдывалъ необходимыя свѣдѣнія. Не всегда легко было путешественнику и не разъ приходилось ему скрываться отъ подозрительныхъ взглядовъ татаръ и крещеныхъ, особенно боявшихся его записной книжки. Разъ пришлось ему скрыться отъ толпы въ квартиру станового, который въ это время пировалъ съ волостной аристократіей. Осмотрѣвъ документы скромнаго путешественника, этотъ гос-

подинъ снисходительно дозволилъ Николаю Ивановичу провести ночь у себя на кухнѣ, откуда на другой день рано утромъ неожиданный гость удалился. Такъ пропутешествовалъ Николай Ивановичъ съ августа по октябрь, обходя Мамадышскій, Чистопольскій и частію Спасскій уѣзды, вернулся въ Казань и представилъ архіепископу подробный отчетъ, въ которомъ впервые выяснилъ различіе между старокрещеными и новокрещеными, указалъ причины и характеръ отступничества среди татаръ, выяснилъ взаимныя отношенія крещеныхъ татаръ и ихъ духовенства, при чемъ выразилъ совершенно новый взглядъ на крещенотатарское дѣло и вообще татарскій вопросъ въ краѣ, — взглядъ, который имѣлъ глубокое вліяніе на послѣдующую дѣятельность ученаго. вмѣстѣ съ тѣмъ путешественникъ представилъ и денежный отчетъ въ расходахъ по путешествію, возвращая удивленному владыкѣ 25 р. изъ выданныхъ ему 50 рублей Архіепископъ даже смутился предъ такою идеальною честностію Николая Ивановича, ничего не нашелся сказать, а только странно поглядѣлъ на бакалавра, махнулъ рукой и скрылся въ кабинетъ, оставивъ деньги въ рукахъ Николая Ивановича.

Точно такое же путешествіе было совершено Николаемъ Ивановичемъ въ 1849 г. по крещенотатарскимъ деревнямъ Чистопольскаго и Спасскаго уѣздовъ.

Эти путешествія и бесѣды по поводу нихъ сблизили путешественника съ владыкой. Они договорились до необходимости завести въ инородческихъ приходахъ богослуженіе на народныхъ языкахъ, и владыка призвалъ къ дѣятельности переводческій комитетъ, который не проявлялъ жизни уже полтора года, и существованіе котораго даже не было извѣстно архіепископу. Комитету пришлось проявить свое существованіе, собираться ежемѣсячно, а Николаю Ивановичу представился случай высказать свой тогда уже измѣнившійся взглядъ на характеръ татарскаго языка, который потребенъ для переводовъ. Переводчикъ, по мнѣнію Ильминскаго, и тогда высказанному, долженъ черпать необходимое изъ источниковъ народнаго языка по преимуществу, обращаясь къ ученому татарскому языку лишь

въ такомъ случаѣ, когда татарскія нарѣчія не представляютъ подходящаго матеріала для перевода текста. Это заимствование должно ограничиться лишь отдѣльными словами, а форма рѣчи въ переводахъ должна быть народная. Переводчики богослужебныхъ книгъ должны тщательно изучать народные говоры татарскаго языка, проникнутые духомъ языка, усвоить татарскій взглядъ на вещи. Татарскія нарѣчія должны быть разработаны и изъ нихъ извлечено все годное для дѣла. Для переводчиковъ необходимо знаніе арабскаго и персидскаго языковъ съ ихъ литературами.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Николай Ивановичъ и поднялъ упомянутый нами выше вопросъ о болѣе правильной постановкѣ преподаванія инородческихъ языковъ въ академіи, требуя устройства самостоятельной кафедры для татарскаго и арабскаго языковъ и освобожденія ихъ преподавателя отъ преподаванія другихъ предметовъ.

Академическое правленіе думало рѣшить вопросъ, освободивъ Ильминскаго отъ преподаванія естественныхъ наукъ, но поручивъ ему преподаваніе еврейскаго. Въ то же время всѣ студенты по выбору должны были заниматься изученіемъ инородческихъ языковъ въ той или другой группѣ. Но такая постановка дѣла не удовлетворила ни Николая Ивановича, ни архіепископа Григорія, который въ 1849 году передалъ дѣло о миссіонерскихъ кафедрахъ на разсмотрѣніе академической конференціи, рѣшивъ не ограничиваться лишь устройствомъ отдѣльныхъ кафедръ инородческихъ языковъ, а итти дальше, т. е. устроить при академіи полные миссіонерскіе курсы, съ чѣмъ былъ согласенъ и Св. Синодъ. Былъ выработанъ огромный проектъ устройства въ Казани особой миссіи при академіи съ особымъ комитетомъ изъ ректора, инспектора академіи, преподавателей инородческихъ языковъ академіи и семинаріи, ректора семинаріи и 3 казанскихъ протоіереевъ, подъ непосредственнымъ начальствомъ архіепископа. Въ основу проекта легло мнѣніе Николая Ивановича по предложенному вопросу.

Послѣдній полагалъ, что для правильнаго рѣшенія дѣла нужно прежде всего обратить вниманіе на религіозное и умственное состояніе татаръ: магометанъ, крещеныхъ и отступниковъ. Сообщая разностороннія свѣдѣнія о первыхъ, другихъ и третьихъ,

авторъ проекта приходитъ къ слѣдующимъ мѣрамъ въ дѣлѣ просвѣтительнаго дѣйствованія на татаръ: къ организаціи миссіи и къ организаціи самага миссіонерскаго образованія. Признавая бесполезнымъ крещеніе единичныхъ личностей, теряющихся въ массѣ иновѣрныхъ, проектъ предлагаетъ заняться постепеннымъ и систематическимъ проведеніемъ въ инородческую среду направленія умовъ въ пользу христіанства, что, подобно евангельской закваскѣ, произведетъ полный переворотъ въ жизни татаръ. Проведеніе христіанскихъ началъ въ народную татарскую массу будетъ очень медленное, но за то прочное и вѣрное. „Въ дѣлѣ миссіи должно вооружиться совершеннымъ терпѣніемъ, хладнокровно ждать плодовъ отъ дѣйствій миссіонеровъ, которыхъ не должно и стѣснять излишней торопливостью. Мѣры противъ магометанства должны быть строго систематическія, хорошо рассчитанныя и продолжительныя. Онѣ должны имѣть между собою совершенное единство“. Проектъ указываетъ, что въ инородческихъ приходахъ священниками должны быть знающіе инородческіе языки, а причетниками сами инородцы. Указывая на образъ жизни и дѣятельность духовенства въ инородческихъ приходахъ, проектъ указываетъ на необходимость школьнаго ученія въ приходахъ чрезъ священниковъ и особыхъ свѣтскихъ учителей — миссіонеровъ, особенно студентовъ академіи. Религіозное вліяніе на магометанъ по проекту лучше всего начинать съ бесѣдъ между миссіонеромъ и воспитанниками татарскихъ школъ, по сократовскому методу, исподволь вводя въ кругозоръ магометанина христіанскіе взгляды. По проекту, дѣятели миссіи должны имѣть полное знакомство съ арабскимъ и татарскимъ языками и съ мусульманскою религіей.

Подготовка миссіонера должна начинаться съ духовнаго училища, куда должны быть представляемы дѣти духовенства изъ инородческихъ приходовъ и даже изъ татаръ. Здѣсь они обучаются у учителя-практиканта татарскому языку. Въ семинаріи они уже овладѣваютъ татарскимъ языкомъ, изучаютъ мусульманство, арабскій языкъ и миссіонерскую педагогику, освобождаясь отъ изученія нѣкоторыхъ предметовъ семинарскаго курса. Вотъ такихъ воспитанниковъ и слѣдуетъ назначать священниками въ татарскіе приходы, а лучшихъ отправлять

въ академію для подготовленія изъ нихъ учителей татарскаго языка въ семинаріяхъ. Здѣсь студенты знакомятся съ турко-татарскими нарѣчіями, изучаютъ коранъ, исторію и критику магометанства и теорію миссіонерства. По каждому отдѣлу на миссіонерскомъ отдѣленіи нужно устроить по профессорской кафедрѣ и имѣть по бакалавру. Для лучшаго подготовленія преподавателей татарско-арабскаго отдѣленія необходимо отправить по крайней мѣрѣ одного молодого человѣка года на два въ Каиръ, средоточіе мусульманскаго ученія, а студентовъ академіи отправлять мѣсяца на 3—4 въ разныя мѣстности для изученія тюркскихъ нарѣчій. Къ этимъ мнѣніямъ Николая Ивановича академическая конференція прибавила указаніе на необходимость устройства особаго двухлѣтняго миссіонерскаго курса для окончившихъ курсъ въ академіи по отдѣлу миссіи бурятско-монгольской и отдѣлу миссіи татарской, съ назначеніемъ такихъ воспитанниковъ въ миссіонеры, придавъ этому курсу болѣе широкое и разностороннее изученіе миссіонерскихъ предметовъ и самаго дѣла проповѣдничества. Въ томъ же духѣ разработанъ проектъ о монголо-калмыцкой миссіи. Все это было снабжено смѣтами на содержаніе миссій и въ концѣ ноября 1850 г. отослано въ Свят. Синодъ, а въ 1851 году къ нему прибавленъ проектъ реформы миссіонерскаго образованія въ семинаріяхъ округа. И вотъ въ 1854 г. Св. Синодъ постановилъ открыть при Казанской академіи отдѣленія противораскольничье, противомусульманское, противуязыческое (религіи черемисъ и чувашъ) и противубуддійское.

Пока разрабатывался вопросъ о миссіонерскихъ кафедрахъ, дѣло перевода богослужебныхъ книгъ на татарскій языкъ шло своимъ чередомъ. Сильнымъ побужденіемъ къ тому былъ запросъ духовно-учебнаго управленія въ ноябрѣ (25) 1848 г. о томъ, что сдѣлано по вопросу о татарскихъ переводахъ. Для усиленія дѣйствій комитета былъ переведенъ изъ Саратова въ Казанскую академію преподаватель исторіи и татарскаго языка Г. С. Саблуковъ, оказавшійся лучшимъ знатокомъ татарскаго языка и древностей, представившій въ комитетъ переводъ начатковъ христіанскаго ученія, на чемъ онъ и проявилъ свою отличную эрудицію. Новый со-

трудникъ былъ назначенъ бакалавромъ греческаго языка въ академіи и преподавателемъ татарскаго въ семинаріи и явился въ Казань 25 іюля 1849 года. Онъ успѣлъ до этого исполнить порученный ему переводъ утрени. Члены комитета профессоръ Каземъ-Бекъ и Ильминскій „съ отличнымъ искусствомъ“ перевели литургію Іоанна Златоуста, трудились теперь надъ переводомъ молитвослова. Далѣе было приступлено къ повѣркѣ татарскаго перевода Новаго Завѣта (сдѣлан. Библейскимъ обществомъ), что потребовало усиленныхъ занятій, такъ что къ 8 октября 1849 г. были закончены переводы Евангелія отъ Матѳея и обѣдницы, исполненные Каземъ-Бекомъ. Вскорѣ, однако, профессоръ Каземъ-Бекъ былъ переведенъ въ Петербургъ, и въ переводческомъ комитетѣ пришлось работать преимущественно Николаю Ивановичу, при помощи новаго члена Г. С. Саблукова, а Каземъ-Бекъ изъявилъ готовность просматривать казанскіе переводы уже въ Петербургѣ, получая ихъ чрезъ Св. Синодъ, что и было на дѣлѣ. Скоро самый Комитетъ былъ переведенъ въ Петербургъ (по расп. Св. Синода отъ 8 іюля 1850 г.). Это случилось по причинѣ отъѣзда архіепископа Григорія въ Петербургъ для присутствованія въ Св. Синодѣ. Владыка пожелалъ имѣть Комитетъ при себѣ и составилъ его здѣсь изъ инспектора Петербургской академіи архимандрита Іоанна, профессора Каземъ-Бека и Николая Ивановича, вызвавъ его на годъ въ столицу. Архіепископъ помѣстился вмѣстѣ съ нашимъ бакалавромъ и часто велъ съ нимъ бесѣды по инородческому вопросу. Предсѣдательствуя въ Комитетѣ, владыка быстро двинулъ дѣло печатанія переводовъ и дальнѣйшее продолженіе переводческаго дѣла. Рѣшивъ печатать переводы въ Казани подъ корректурой Г. С. Саблукова, Комитетъ въ 1851 г. увидалъ вышедшимъ на свѣтъ переводъ литургіи, напечатанной въ два столбца: по-славянски и по-татарски, при чемъ по-татарски печаталось лишь то, что читается и поется вслухъ. Владыка Григорій такъ обрадовался принесенному ему Николаемъ Ивановичемъ экземпляру перевода, что тутъ же подарилъ виновнику радости 3 рубля за труды по перевод. дѣлу. Николай Ивановичъ былъ награжденъ тѣмъ, что его Св. Синодъ

командировалъ на востокъ для изученія мусульманства въ его центрѣ. Онъ былъ рекомендованъ для этого и академической конференціей и самимъ архіепископомъ Григоріемъ „для блага православной церкви и пользы академіи“.

Въ первыхъ числахъ августа 1851 года Николай Ивановичъ былъ отправленъ Св. Синодомъ за границу, порученный вниманію русскаго посланника и его миссіи въ Турціи, сопровождаемый лучшими пожеланіями со стороны академіи. Онъ ѣхалъ съ подробной инструкціей владыки Гурія, утвержденной Св. Синодомъ, и долженъ былъ въ теченіе двухъ съ половиной лѣтъ побывать въ Каирѣ, Сиріи, именно въ Дамаскѣ, въ разныхъ мѣстахъ Малой Азіи и въ Константинополѣ, основательно изучить арабскій языкъ, исторію Магомета, его вѣры и сектъ по источникамъ, вникнуть въ слабыя стороны религіи, — приготовить матеріалы для составленія антикораники, какъ учебника для семинарій, — изучить турецкій языкъ, персидскій, изучить Талмудъ, суфійскія секты, сравнивая ихъ ученія съ христіанскимъ, разыскивать и пріобрѣтать въ двухъ экземплярахъ для академической бібліотеки лучшія противомагометанскія сочиненія, изучать положеніе православныхъ среди магометанъ и причины ихъ слабого вліянія на магометанство. Кромѣ всего этого, путешественнику предлагалось составить сборникъ полезныхъ наблюденій и открытій по части литературы и древностей края, посѣщать въ Сиріи и Египтѣ древніе храмы для ознакомленія съ древними манускриптами и составлять ихъ описанія. Наконецъ, ему предложено было представлять троякаго рода отчеты о ходѣ занятій, о мѣстѣ нахождения и всѣхъ событіяхъ путешествія, интересныхъ въ ученое или религіозное отношеніи. Возлагая на путешественника такой громаднѣйшій трудъ, начальство было вполне увѣрено, что Николай Ивановичъ „съ особенной честью выполнитъ возложенное на него порученіе“, вслѣдствіе „превосходной подготовки, ненасытимой любознательности, твердости въ преслѣдованіи предположенныхъ цѣлей, примѣрной простоты и любезности въ общежитіи, сильной наблюдательности, легко схватывающей свойства предметовъ“.

Дѣйствительно, Николай Ивановичъ превосходно изучилъ